

ВАЙНАХ

Литературно-художественный журнал

1. 2017

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство
Чеченской Республики по
национальной политике,
внешним связям, печати
и информации.

Адрес учредителя/издателя: 364051
г. Грозный, Бульвар Дудаева.
Дом Радио

Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в
сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций
05 февраля 2014 г.
Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00089

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов
Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

С. Алиев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхиев

Рукописи принимаются
редакцией в первом и втором
экземплярах, а также на
электронных носителях.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45
E-mail: vaynah_azi@bk.ru
http://www.vaynah.at.ua
http://www.j-vaynah.ru

**Журнал выходит один
раз в квартал. 16+**

Журнал набран на
компьютерной базе ГУ
«Литературно-художественный
журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,
ул. Интернациональная, 12/35
Дата выхода в свет:

20.02.17

В случаях полиграфического
брака обращаться в типографию,
указанную в выходных сведениях
журнала.

Тираж – 1000 экз.

Свободная цена

Заказ № ____

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

- Муса БЕКСУЛТАНОВ. *Ас собар дийр ду*. Дийцар.....2
Макалов ШАМСУДДИН. *Воккха стаг Егор*. Дийцар....10
Роза ОРСТХО. *Наши биографии в эпизодах*.
Документальная повесть. *Продолжение*.
Начало в №11-12 (2016).....17
Хаваж ЦИНЦАЕВ. *Генара захало*. Рассказ-быль.....36
Малика МУСАЕВА. *ИсмаьIал*. Дийцар.....55

ПОЭЗИЯ

- Шерип ДЖАБРАИЛОВ. *Я – идущая тень за тобой*.
Стихи.....6
Хава ГАГАЕВА. *И шел дождь*. Стихи.....32
Руслан ХАДЧУКАЕВ. *Эта резь тишины,*
что любому слышна.... Стихи.....46

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

- Салих Гуртуев. *Камень*. Стихи.....15

ДЕБЮТ

- Заур ГАНАЕВ. *Погляжу в глаза твои, двойник*...
Стихи.....30

ГОЧДАР

- Нодар ДУМБАДЗЕ. *Ций*. Дийцар. *Гочдинарг*
МАРГОШВИЛИ Султан.....49

ГИЛЛАКХ-ОБЪЗДАНГАЛЛА

- Муса АХМАДОВ. *Нохчийн гиллакх-объздангалла*.
ТIаьхье. Юьхь еша №№3-4 – 11-12 (2016).....57

НАШ ГОСТЬ

- «*Главное в человеке – человечность...*» Беседа с
композитором Мусой КАНТАЕВЫМ.
Подготовил Саламбек АЛИЕВ.....68

ИСТОРИЯ

- Адиз КУСАЕВ. *Достойные памяти народной*.....74
Лиза АДМИСИЕВА. *Развитие внутренней и*
внешней торговли на прилинейных территориях
(XVIII – первая треть XIX в.).....101

ПУБЛИЦИСТИКА

- Мухмет АМИРОВ. *Долгая дорога домой*. Очерк.....96

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

- Саламбек АЙДАМИРОВ *Словарный запас*.....111

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

- Саламбек АЛИЕВ. *Миры Чингисхана Хасаева*.....111

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ...112

Бексултанов Муса**Ас собар дийр ду**

Дийцар

– Зудабераш! – тlох-тlох-тlох! – со неl туоха ца кхуьура:

– Дац бепиг! – комната чурьа шийла мохь сан лере кхочуш.

Массехазза хуьлура иштта оцу цхьана буса:

– Маса сахьт даьлла хайй хьуна!? Сахьт доллуш доллу хьуна буйьсана! – барт бича санна, массара а, буйьсана даьлла сахьт а дуьйцуш.

Чlагlонаш мел йинера хlоразза а, хlора буса еш, кхана-м, Дала мукълахь, lуьйрре эца а эцна, булка бепиг дlа-м юьллур ю хьуна ас занятешка вахале, олуш, суо сайна оьглаз а оьхуш.

Сахилча юа дицлора-кх, юкьарчуlойлин столови чохь, ткье пхийтта кепеках – дависа, ма хан а хиллера! – цхьа котлет, картолан пюрей, ши цастар бепиг, какаон стакий хьайн дегlах дlа а тоьхна, поп а бухабоккхур бар-кх ас хlинца, аьлла, хиэташ, хьо гlантара хьалагlаьттича.

Кхин синкьерам университетехь а ма бацара – дешарца боху ас, вуьштта, зудабераш -м шортта дарий-ц, Париже подиуме даха кечделча санна, цхьаь кхечух ешаш а йоцуш, со ца гучуьн ши бlаьрг болийла, аьлча санна, сетташ хьийзаш.

Тхан групперчу ткье пхий стагах, lаьнан сесси дlаяьлча – факультет филологически яра тхан, – ворхl стаг дlаваьккхира, пхи йол, ши кlант, цхьа Дела орца тоьлла, со виса а вуьсуш.

Оьрсийн меттан хlора а урокехь, хьехархоцо Опришко Анна Семеновнас:

– Адамов, ты дальше первой сессии учиться не будешь, – «кхаь» боккхура соьга, соьга санна кхечаьрга а; цуьнан буйнахь оха ши де хьалха язийна диктанташ хуьлура, цlечу шекьанца кьарзийна гуш.

– Хорошо, Анна Семеновна, спасибо вам, что не забываете меня предупредить, – олура ас, вела а лой, кийрахь зу ехкаш санна, лазар а хьодуш.

Сан-м велча а бехк бацара, лазар хьаьдда а ца lаш – соьга хьобжуш жа дара лам чохь, тхан дас lедална кьайлаха лелош болу ялх-ворхl бlе уьстагl, пхеалгlачу класе хьалаваьлча дуьйна схьа хlора а аьхка ас дажош хилла жа, бал а, туьрк а, комар а я цlазам а ца гуш цу ехачу аьхкано.

Хlаь, жа дара соьга хьобжуш, мостагl санна, клелахевшина, Сирратан тlай хилла дуьхьал баьлла и гlазкхийн мотт а болуш.

Оха бархl- исс стага – арифметика тетрадан йий агlо йолчу кехата тlехь ткье пхий-ткье иттанна тlера кхузткье итт, девзткьа а гlалат доккхура диктантана.

Сан уггар а дукха гlалаташ ткье исс дара, дуьхьара язийнчу диктантана, цул тlаьхьа юа, сесси тlекхочуш, зачетана язийнчу диктантана ялх гlалат бен а доцуш.

Со суо сайх цецвелира, сайна хезначух ца тешаш.

Анна Семеновнас, урокана чохьхайоллушехь, буйнахь тхан зачетни диктанташ а лестош, гуттар а санна:

– Адамов, – аьлла, сайн памилы ма-ьяккхи:

– Хорошо, понял... все, дальше не учусь, – элира ас, айса даима еш хилла забарьян а ца хlуттуш – сан бlаьрса кхоьлинера.

– Нет- нет, Адамов, ты получаешь механический зачет, у тебя всего шесть ошибок, это успех, – елаелира хьехархо, – я тебя поздравляю, – олуш.

Со ца тийшира.

Со 1адийча санна висира, вела веза я велха веза а ца хууш: кхетам бен, дег1 дан а дацара сан оцу м1аьргонна – суна жа т1аьххъара гира цу дийнахь, цул т1аьхъа кхин цкъа а ца ган.

Жимма юхавоьрзуш аьлча, г1азкхийн меттан мел йолу правила – цкъа тасавалар а доцуш, – ерриш а дагахь д1аюьйцира ас, цара бохучу эха-эханах цкъа а тайпа кхетам а боцуш, диктантана г1алаташ – хьалхачул дукха ца хилахь, кхин к1езга а ца нислуш: суна мотт ца хаьара, г1азкхийн мотт.

Т1аккха, дог а даьтг1а, и правилаш д1а а тесина, накъосташа язъечунна т1ехежа х1оьгтира со, г1алаташ кхин а алссам а довлуш.

Юха со киншкаш еша волавелира, романаш, жимчохь дуьйна яздархо хила ойла йолуш хилла волу, цкъа хьалха спортсмен а хилла, – чемпион СССР по вольной борьбе, «Ленинан некъ» газета т1ехь «парг1ата охьатохарх латар» олура цу споргах.

Ас шина дийнахь мел йоккха а роман чекхйоккхура йоьший, ворх1-барх1 б1е аг1о йолу – сан ц1а ваха йиш яцара, д1а а ваьккхина.

Ц1ахь да вара, борз санна 1аш, уьстаг1ана ка туоха кечъелла борз санна, со лам чу хьалавадо.

Суна Бальзак тайра ч1ог1а, айса боьшучех, цунна т1аьххье Мопассан а везалуш, юха – Флобер а, къаьсттина цуьнан «Синхаамаш кхиор» ц1е йолу роман.

Бакъдерг аьлча, ишколехь дуьйна со цецваьккхиарг – ч1ог1алла хилла а ца 1аш, авторан жималла а – «Вайн заманан турпалхо» роман яра, Лермонтов бохучу цу бери язйина йолу, Мэрига сан безам а боьдуш.

И роман ас ерриг а – буьйсанащкахь, студенташ д1абийшича, – юкьара1ойлин «Красный уголок» олучу комната чохь сайн куьйга юхаязйира, правилех г1уллакх ца хилча, б1аьрсица мукъна а г1азкхийн меттан и дешнаш сайн изсехь сацо г1ерташ.

Цу дийнахь, зачетана диктант йолаеллачу дийнахь, массо а водуш йолчу хьалхарчу парти т1е, Анна Семеновнина дуьххъала охьахиира со, цо олу х1ора а дош схьалаца дагахь, сацо, уьссаза сайн кхетамехь литта, «Во что бы то ни стало» боху ялх дош дагахь а доьшуш, д1аяханчу диктантана шиь х1оттор бахъана и дешнаш хилла дела – ас царех кхо дош динера, ялх хила дезацохь.

Суна зачет механически кхайкхийра ши де даьлча, ялх бен г1алат а доцуш.

Иза бакъ а дара, ца тешшала харц а долуш: сан сица маршонан мукъам бийкира цу дийнахь – Хилдехьарчу, Т1ерлойн, Б1овларчу, Нашхойн лаьмнийн 1одика еш, 1уьнан г1аж д1а а кхоьссина.

Амма, маржа, цу лаьмнаша, цу жаша, цу 1уьнан г1ожо, ас айса-сайца кхехьначу цу цьалхачу аьхкенаша, со дас жехь валларо а делла хилла хиллера-кх дерриг а суна, я тахханалц диснарг а соьца – со суо сайх тера висар, сайн амалца, ойланца а.

Хастам-кх хьуна сан да, суна да хилла ца 1аш, сан мостаг1 а, доттаг1 а хилла!

Со х1етахь кхийтира, муьлхха а цхьамма дина х1ума – шех тешшала лаам а болуш, кхин стаг д1аг1оьртича, – хьаьнгга а иштта далур дуйла.

Со яздан волавелира, спорт карла а яьккхина, ишколехь волуш дуьйна схьа, къуьнан къола санна, айса къайлахь лечкьийнарг гучудоккхуш, сайна безачу яздархошца къовсавала болчу лаамца – толам баккхар ца хилахь, церан мог1аре х1отта мукъна а.

Со нехан романаш т1ехь воьлхура, д1аюьдучу нанна т1аьхъа доьлху бер санна, дуьххъара санна уьш кхин цкъа а эшалург цахиларх йолчу г1айг1анна воьлхуш, церан инзаречу говзаллина – ирс шозза хуьлуш ца хиллера, цхьана меттахь цкъа хилла ирс, циггахь кхин шозлаг1а – цкъа а!

Со иштта – карийна а далале – ирсах туьлуш къеквелира, Хемингуэйца, Бунинца, Айтматовца, Хименесца, Кнут Гамсунца, Мачадоца кьябсташ, кхиниш лобхуш, вуйш кегош, Дэвид Селинджеран «Над пропастью во ржи» повестах воккхавеш, Трумэн Капотен «Завтрак у Тиффани» а.

Со хийлазза аравоккхура лекцешкара, киншка йобшуш гучу а волий, цкъа цъхана экзаменехь – история философии – Юрий Казаковца зовкх хьобгучохь, хьехархочо шиь а х1оттош.

Юха кхозлаг1чу курсехь, б1аьста, охъатохарх латарехь Республикин чемпион а х1обттина – газета т1ехь дара сан сурт, – лекцина т1аьхьа вуйсуш – чуван мегий? – не1 а тоьхна, со чохъаваьлча:

– А кто посмеет вас не пустить, вы же у нас чемпион! – лектора аьлча, цецъяьлла сайга хьяьжначу йоб1ан боккха ши б1аьрг лезира-кх сан, пурх шикхо сиз хьяьддачу цуьнан логах са а хьяьгаш...

Ми, хьол деза х1ума дацар-кх сан, кьинт1ераялахь суна, хьайца массо а кьинт1ера йоккхуш, сан лезнарш, безнарш сан, 1одика йоцуш биснарш а сох – х1ара дуьне эшо г1аьттинчу суна цъха х1ума ма ца гуора, яздархошца йолу яхь бен, сайн цаьрца болу кьовсам а...

Со ийшира, дуьне сол туола а тулуш, шу а дайра сан шерашкахь – сох гений а ца хилира, Лермонтов а, Китс а я Рембо а санна – шайн шерашца уьш санна, – со царел кьанвелира, ткъе итт шарал т1ех а волуш.

Амма ас яз-м йора х1етте а, цкъа мацца а, мацца а бохуш, сайн сих дог ца кхарддал, дош дашах летош, дош делхош, чехош, сибрехула ваьлла лелачу цу барх1-исс шарахь, наха ахча гулочохь, киншкаш бен, кхин ирс а доцуш, уьш ийеш, гульеш, посылкашца ц1а туьйсуш, цаьрца бен синкьерам я воккхавер а ца хаалуш.

– Нана яла хьан, – олура нанас, со 1ай ц1авеьча – посылка еьна, аьлла, почте а яхана, даш санна еза яшка а йохуш, чуеьча, ма вон дог хуьлур-кх сан... воккха маца хир ву-те хьо! – олий.

Суна сайн г1аланаш дагаохура, и библиотекаш а, и туьканаш а, «Книги» аьлла, лакха яздина хилла йолу.

Новосибирск, маржа, ма гуьйре юлур-кх цигахь, к1айн декхнаш ц1арах догуш, ц1еран вай даьлча санна, ц1еран заза к1айчу декхнех...

Кызылехь, г1ала хадош, дезза кирчина Енисей; Барнаул а, хийлаза летта. Хақасин мехаш а шийла...

Йочана санна, таь1на Рубцовск, юха Новокузнецк а, и мотель а цигахь хилла, милицех летар а сайн, т1аккха цигарчу 1едалх ведда, кхойтта сахьтехь электричкица цаевзачу г1ала кхачар а...

Ма дукха дара-кх, дукхе-дукха, ас ийдина и некъаш, дуьне довза, адамаш ган, сайн амал зен хьяьдда, и г1аланаш а сан букъат1ехьа, кеманаш а сан, ц1ерпоштанаш а, даима а соьца хилла киншкаш а, кемана чохь а, лаьтгахь а цъхаьна, хьеша ц1а чохь а, новкъахь а, ши эзар ца кхочуш ас гульеш, 1алашийна, г1азкхин салтичо, ц1е тосуш, ягийна хилла, сан ц1енош бухадохуш, лелхийтина, дохийна, арахула д1асакхийсина дог1анехь ешна киншкаш сан, чим бисина йозанаш... деган мукъам а г1ийла г1айг1ане, сайн аьтгачу х1усаме кхаьчча, ягийна 1охку киншкаш а гуш, – хиларо 1ехорах, къастарна доьлхучу деган, шен докъа т1ехь доьлхуш санна...

Соблжа-г1алахь ваха сецначу пхийтта шарахь – ши эзар шо дузале, – кхо х1усам йохийра-кх сан г1азкхиша, Россин пачхьалкхан «доблестни» салтиша...

Ма ца еза-кх суна харцо, тlамо йохьу кызалла а, ловдалчуьн сонталла санна, хьарамчу рицкъан лесалла а.

Шерашкахь – бакъду-кх иза! – шолгlа тlом дlабаьлча а и сайн цlа гlенах гуш, кабинет а, кресло а сайн, пен дlалаьчна хилла киншкаш а... со дахарх гlан хеташ – гучу гlенах – дахар, – самоьккхура-кх, цlа доьхна ца хилла-кх сан, гlан хилла-кх гинарг, моьттуш, ши бlаьрг схьабелларцанна бакъдолчо lада а веш...

Абаде ма ца елла Дала стагана, пхийтта шера чохь кхаа цlийнах вала, цхьана цlийнах ца хотгалуш а ма воьрзу стаг лаьтгара коша... художникана даймохк шен биь пен ма бу – ша ойлайо меттиг, шен стол, гlант, кьолам а шен, цlийнан кор а, цу корак гушдолу сурт даймехкан сибат а долуш.

Суна ваха бен ца лиьнера, яздархьама ваха бен...

Сан неlалт массарна а, сан махка цlий lанийначарна, сан махка харцо йохьуш, со харцонца гlелвинчарна неlалт сан!

Дохьначу цlенна хьалха йисинчу аххаьрцинчу кухни чохь, кьовлуш неl, тlечlагlдеш ков а доцуш, корак киленка а тоьхна – вехь, вер бен, кхин хlумма а хир дуй! – стоьла тlе чlурам хlоттош, со яздан охьахиьча деара-кх сан дегlачу са, ша дерриг а дуьне цу буса сан даг чу схьа, сан доьхна цlа а соьца цу буса, сан киншкаш а, кресло а мокха....

Ма ирс дара-кх, дуьне кхин цалерар, хьо хьуо хьайн дуьне хилар, хьан кьолам-кехат хьоьца, шерашкахь байна синтем – дайна кlеза санна, кьийлалуш, эхьхеташ, ийзалуш, – меллаша юха цlаберзар а, хьан сица уьйш, дагца товш...

Я кlезиг- дукха ас язъечу кху шовзткъа шеран заманахь, айсса сайн дог тедалла говзанча ца хилира-кх сох, сайна хила лиьна, сатийсина, тlом хьебина яздархо: дlахилал, Хьенех, олуш, Толстойна я Фолкнерана улло дlахlотталла, Чеховца забарш а еш, цуьнан «Баьллийн беш» юьйцуш, Бунинца – «Натали» а.

Хlетте а цхьа сатийсам, цхьа кьайллаха кхобу ойла, маржа, цхьаь, цхьаь мукъна а, цхьа дийцар хилла а: «Во сне ты горько плакал» Казаковн, «Уроки французского» Распутинан, «Снега Килиманджаро» Хэмингуэйн – цаьрца нийсса цхьа дийцар дац-те сан шовзткъа шарахь ас хьекхначу кьоламех, боху, сатийсам биснехь хьоьца, оццул йолчу заманахь – шовзткъа шарахь кьахьегча а – хьайх тешам хьоьца биснехь, жимма сатийса йиш ю-кх хьан: «Со а хилла-кх», – ала хьайга цкъа, Стокгольме курра дlа а хьаьжна.

Амма, делахь а, Габриэль Гарсиа Маркеса – Колумбин яздархочо, – ша кхалхале шераш хьалха, Нобелан комитета шен преми номенант вала кхо шо дисича бен ца ло, аьлла, яздинера – яздархочуьн кхузткъе вуьрхlитта шо кхаччалц, дезткъе шо кхаьчча, лауреат велла а хуьлу, олуш.

Ас собар дийр ду – сан кхузткъе кхоь бен дац, кхин дейтта шо ду сан тlаьхьа...

15.01.2017 шо

Шерип Джабраилов

Родился 20 октября 1953 года в селе Степное Келлеровского района Кокчетавской области (Республика Казахстан). Стихи начал писать с 15 лет. С отличием окончил Харьковский индустриально-педагогический техникум №1 в 1980 году. Позднее – исторический факультет Чечено-Ингушского университета им. Л.Н. Толстого. С 1982 по 1993 годы сотрудничал с районной газетой «Знамя ленинизма» («Иман») в качестве внештатного селькора. Написал более 50 статей и очерков. Финалист республиканского конкурса «Учитель года – 2005», обладатель

Премии Президента РФ и Почетной грамоты Министерства образования и науки РФ в 2006 году. Один из авторов и редактор учебника «История Чеченской Республики» для учащихся 5 класса, вышедшего в издательстве «Глобус» в 2006 году. Победитель литературно-поэтических конкурсов при Республиканской организации Профсоюза работников образования в 2010-ом и 2013-ом годах. Номинирован на соискание литературной премии «Наследие» и Национальной литературной премии «Поэт года» в 2016 году.

Я – идущая тень за тобой

Я не понял остывшую нишу
Твоего без прикрас бытия,
И при этом себя только слышу,
Непонятливый в этом судья.

И, себя истязав поневоле,
Взял тебя в этот свой оборот.
Виноват за неравные доли:
Я – как пламень, а ты – словно лед.

Все давно на местах, как и надо –
Жизнь: семья и забота о ней.
Только ты – моя боль, как преграда,
Крепким кругом загруженных дней.

Словно плетью, безжалостно хлещут
По сознанию текущие дни,
И итогами мысли не блещут –
Без тебя одиноки они.

Тянут дальше две главные точки:
Как и ты, жизнь прекрасна. Но в ней
Есть такие в сетях «проволочки»,
Что простого решенья сложней.

Все вокруг без тебя, как граница
Между чувством любви и судьбой.
Ты – искомая сердцем частица,
Я – идущая тень за тобой.

Бумажный зов

Исписаны листы
для мусорной корзины,
И только чистовик сколачивает текст.
Нелегко ход стихов
через конвейер длинный,
Через сомнений путь
и вариантов бегств.

А в голове узлом
сошлись слова и факты,
О чем, как в дневнике,
стремление сохранить
Все то, что было – есть вчера –
сегодня как-то
Отпущенное мне судьбой
в живую нить.

Куда зовешь меня
в несслыханные дали,
Космическая ширь, небесная волна?

Мы с лирикой в трудах
за поиском устали,
Но мыслям не дает покоя тишина.

Как будто я один, чтоб отразить бывшее,
И, словно без меня,
жизнь некому любить...
И что своей строкой я ценного открою,
Когда не лучше всех я научился жить?

В осенний покой

Воскресенье. Октябрь.
Осенний покой.
За окном – в желтизне увяданье ...
И бегут мои мысли строка за строкой
К моей лирике вновь на свиданье.

Где-то с месяц без них.
Я как будто бы сник
И ходил, будто что-то теряя,
Набегая в душе, не легли в черновики
Те стихи, что слагал я, шагая.

Нет границ, чтобы их
обозначить прилив,
Нет барьеров, чтоб ставить им где-то.
Они часто со мной,
свой момент улучив,
Их присутствием сердце согрето.

Достоянье людей – это разум и речь,
Годы жизни при этом в придачу.
И Земля – красота,
прежде чем в нее лечь,
Она кормит, чтоб видеть отдачу.

Чем могу ей служить?
Добрим словом своим,
Видя эту отдачу стихами.
Я, как ветром души,
их теченьем гоним,
Они адрес находят мой сами.

Вскоре годы пройдут,
обозначив конец,
И душа вознесется на небо.
Я хочу, чтоб остались
при сотнях сердец
Они в виде духовного хлеба.

Утренний круг

В сероватом тумане горят фонари,
Пробивается утро, светает.
На востоке алеет полоска зари,
Там, где Солнце свой день принимает.

Принимаю и я его новый приход –
Суетливому кругу начало.
Где-то гавкает пес, будто знак подает,
Что теперь уже утро настало.

Очертанья деревьев: стволов и ветвей,
Оголенных при зимней неволе...
Поднимается утро смелей и светлей,
По часам нас держа на контроле.

В поисках слова

Сколько сказано в поиске слов?
Сколько их невпопад перебито?
Все в скопление текущих стихов,
Где не может быть главное скрыто.

Яркий всплеск увлечет –
будь здоров –
То ли радость, а то ли загадка.
Под контролем на чаше весов
Будет тяжело оно или сладко.

Не сказал все как есть, не готов.
Упустил что-то нужное с виду.
Как с рыбалки не лучший улов
Принимая, к досаде я выйду.

Так в гоненье душевном поэт
Ищет всюду доступное слово,
Чтобы выразить образный след
В отражении мира земного.

Развернется безудержный труд,
Нелегко слову выделить место,
Где другие слова его ждут,
Как друг друга жених и невеста.

Голова – это кузница слов,
Пальцы пишущих рук – мастерская.
Потрудись, чтоб с умом был готов,
Раз уж выпала доля такая.

Полуслову и лени – барьер
 Как же бросить, не сделавши дело?
 Будь вершителем принятых мер
 С первых строчек своих – до предела.

Августовский этюд

Зеленый лист слегка качает
 Его животворящий дух.
 И август темпы набирает,
 Под осень напрягая слух.

Грустинка вкралась в область света,
 Пора сворачивать тепло,
 Где по ночам к дыханью лета
 Нас допоздна бывать несло.

К теплу реки близка прохлада.
 Довольно поплескались в ней
 Детей свободные армады
 В разгар каникулярных дней.

Прилавки ломаются от фруктов,
 Течет пшеница в закрома,
 И с заготовками продуктов
 К зиме готовятся дома.

В садах отзрели абрикосы,
 Роняет слива поздний плод,
 И к сентябрю теперь запросы
 Идут на рынках в оборот.

Шагнет к нам пушкинская осень
 За бабьим летом в листопад,
 Но с летом с грустью мы уносим
 За журавлиным клином взгляд.

О навязчивом вслух

Неотступная, отвязись,
 Боль из мыслей моих в терзанье,
 Чтоб и дальше продлилась жизнь
 На приемлемом основании.

Будто скручен в бараний рог,
 К утешенью звать некстати...
 Я – как тлеющий огонек
 При своем боевом закате.

Не сдастся былой запал,
 Как и прежде за жизнь цепляясь.

Я не все до конца сказал,
 С тем, что сказано, соглашаясь.

От судьбы торжества не жду,
 Но не прочь, чтобы ждать хотелось.
 С сожаленьем на поводу
 Провожая достойно зрелость.

Как носитель прошедших лет,
 Я еще выполняю роли:
 На досуге я – как поэт,
 На работе – учитель в школе.

Жизнь уходит, другим места
 Заполняя надежд дыханьем.
 Мы, минуя годов полста,
 С ней вступаем как в расставанье.

Мысли разные. Счет непрост
 Всем годам, что добьем мы скоро.
 Не спешить бы на финиш верст,
 Где нас встретят без разговора.

Главный образ

Мама, ты дежуришь надо мной,
 Будто молвить хочешь: – Как ты, сын?
 Я живу под Солнцем и Луной,
 В этом мире без тебя, один.

Что б сказал я ? Жизнь моя проста.
 Много в ней добра, поменьше зла.
 Только вот поблекла красота
 Бытия с тех пор, как ты ушла.

Тот же мир движением богат,
 При тебе что созерцаем был.
 Так же годы численно спешат,
 Торопя нас к таинствам могил.

Ты садилась, нежный кинув взгляд:
 – Почему так мало ешь, сынок?
 Ты скажи, если чему не рад,
 Я ведь запасла продуктов впрок.

– Знаю, вкусный, сытный твой обед,
 Не голоден, Мама, я ничуть...
 И звучат слова тех встреч, бесед:
 – Дай, сынок, мне на тебя взглянуть...

Мама, как я редко говорил,
 Что вкуснее твоей пищи нет.

Как я скуп с тобой на слово был,
Не спеша добрее дать ответ.

Стульчик летний твой осиротел,
На крыльце забыт он, без тепла.
Ты ушла, а он остался цел...
И по нам звонят колокола.

Добрый образ, мягких рук тепло...
Я спешил к тебе по мере сил.
Редко езжу я теперь в село,
Да и что я там теперь забыл?

О тебе напоминает двор,
Без тебя щемит молчаньем дом.
И семья не та уже с тех пор,
Как когда-то под твоим крылом.

Всем нам жизнь
 под временный приют,
Мы – актеры в жизненном кино.
Ну а Мамой с первых слов зовут
Ту, чей образ помнить нам дано.

Растерзанная мечта

Мы с тобой чужие понемногу,
Но с лихвой роднее всех родных.
Видно, так была угодна Богу
Нестыковка чувств переходных.

Как разноименные заряды,
Что друг к другу тянутся в союз,
Были б мы с тобой сближенью рады,
Крепче увязав слиянью уз.

Но сильнее пришлась черта раздела,
Чтобы пониманью не бывать.
Ты подходы эти знала смело,
Я же опоздал их узнавать.

Несоотнесенные начала,
Разные подборы прошлых лет.
Я к тебе с душой, а ты молчала,
Свой ужесточая мне ответ.

Годы пронеслись, пора итожить.
Жизнь теперь, глядишь, как прожита.
Что отнять? Что ко всему умножить,
Если в ней растерзана мечта?

И теперь, досадно прикрывая
Все, что жгло, томило с давних пор,
Я иду, на чудо уповая,
В непонятный сердцу приговор.

Берега, берега...

Ты мне образом только досталась,
Долгой болью различных дорог.
Из того, что бывало, лишь малость
Я по жизни для счастья извлек.

Если был я силен своим духом,
Пусть запомнится это в актив,
Вопреки моим слабостям, слухам,
Что терзали, свой ход получив.

Жизнь бежит, сокращается крепко,
Шансы к лучшему ставя в тупик.
За тебя ухватившийся цепко,
Нежным чувством
 к другим не проник.

И не там, и не здесь. Жизнь – кручина,
Берега, берега... Где причал?
Ты – всему в моей жизни причина,
Ты – всему в моей жизни финал!

Макалов Шамсудин**Воккха стаг Егор**

(Казахстан дагалоцуш)

Дийцар

Даймахках а баъхна, Казахстане бохийна бара нохчий. Комендантера бакъо йоцуш кшошта базара бахан а яцара йиш. Лецна нах санна бара. Цигахь, уллора г1ала* бийначу сех, Даймахке сатуьйсусх г1ерг1ара нохчийн синош. Ша тайпа жобъжахате хетара царна иза, шайн синош зен кхоьллина. Ян а яра иза вайнахана буьрса жобъжахате а, къаьха зама а. Цу хийрачу махках дог ца леташ, цхьана минотана а биц ца лора Даймохк.

Меца бара х1етахь вайнах. Г1ийла а, са эшна а. Велла стаг д1аволла бел лоттал доьналла долуш дукха бацара. Мацаллий, цамгаррий къаста ца лун ши доттаг1 хилла хьийзара вайнехан х1усамашкахь. Чехкачу дог1анан цинцаш санна етталора ложаллин чаччамаш. Бежнашна хьалха таса х1ума яцара, колхозо лаьнна кечдина докъар лачкъа ца дича. Мангал тоха х1ара ю аьлла меттиг яцара. ла деха дара. Бешара даьлла г1одам ца тоьара. Кхачанца токхо янне а яцара.

Лаждар-бецан чай, шура ца тоьхнехь а, чу туьха тесна мала чот хилча а тоуйтура. Индийски чай-м хьахош а ца хезнера цу хенахь. Шийла, меца яра Сибрех. Кхерзина кена къуьйсусх цийзара бераш. Ткъа уьш чкъурах чехк п1ендарш гуш дара.

Саг1а а дехна кийра ца бузош мацалла лара хийла. Кхин цхьаь дара г1айг1а йойтуш: хьаша-да веьча беркьачу шуьно бехкалла латтабора х1усамдай.

Х1етахь тхо «Ц1ен ахархо» ц1е йолчу колхозехь лаш дара. Иза яра Тянь-Шань лаьмнийн к1ажехь луьллуш. Цундела моха-дарц ч1ог1а хуьлура цигахь. Арахь виссина хийла да г1орийна, къинхетамза б1аьрзечу ложалле верзинера цо. Буьйсанна сахилале нехан ц1енош хьовха, тхан шозза т1ек1елейина ишкол а къайлайоккхура дарцо. Лайн барзах хара а йоккхий бен ара ца бовлалора нах. Тхан юьртан ц1е Кулан яра, ши эзар герга вахархо а волуш. Педучилище чеххьяьккхина волу тхан да вара юьхьанца цу юьртахь хьехархо.

Х1ора боккхучу когаца шена кхерам боллушехь, комендантаца дов даьлла, «боьха х1ума, д1асацае хьайн батт!» – аьлла, цунна г1орий-г1одах ластьйна бетак т1ара латорна бахьана долуш балхара д1а а ваьккхина пхи шо хан туьйхира. Харцо ца лалуш сиха стаг вара тхан да. Майра, сацамболуш дош олура цо. Вай ц1ахь долуш заврайоно а, райкомехь а белхаш бина цуьнга лан ца лора комендантан литтарш, сий дайъа г1ертар, «ты бандит, ты спецпереселенец, ты враг народа! Как тебе доверили учить детей?!» – бохуш, т1ечехар а. Оццул бахьана доцуш, ларамаза аьлла дош бахьанехь а тухура цу заманахь хан. Москва а, Алма-Ата а кехаташ кхоьхуьйтура тхан дас, шена кхераме хилар хьесапе ца оьцуш. Барам бийцина ца валлал, боккха бохам бара тхуна хилларг. Барх1 бераца тхан нана ша йиссира. Луш алапа дацара. Колхозо къинхьегамен денош бен ца яздора. Г1о дан х1ара ву аьлла марзхойх стаг вацара ненан. Дика дара т1ехь цхьанне а декхар доцуш. Ши чоьй, жимо раг1уй дара тхан. Ц1ийна т1ехьа божалан бахьана а дара, чохь цхьа еттий, кхо газий долуш, бен ца хиларна цу чохь д1ахууш пхи-ялх котам а яра. Цхьа тиша ши назбар г1евланга а буьллий,

* Г1ала – сте сай.

паднар тле тесначу истанга тлехь дладуьйшура тхо. Буйсанна, тлетесна йолу цхьа одеял схьаизош, длаизош луйьренга довлура тхо. Клайн шаршу клел таса чот мичара яра? Ткъа массо маьлнера чуглертачу шелоно наб клезиг йойтура. Доцца аьлча, миска бара бахам. Цхьабакъду, нанас хох-саьрамсекх, глабакх юьйш хлума-м лелалора. Сепаратор а эцнера. Хьарамчух, эхьечух лардора тхо нанас. Тхан дена сагатдеш хеназа тле клац теснера месашна, сингаттамехь лаьттара бляьргаш. Бакъду, кхин бахам болуш нах а бацара, хала хене бовла глертара. Хетарг хилла оцу хенахь цхьа а вацара. Там-товр, ловзар-хлума дукха ца хуьлура.

Кирнах цкъа кино гойтура, наггахь артисташ а богура. Оцу тхан юьрта еана дуьххьара гира суна Айдамирова Марьям, цуьнца баьхкина кхин болу артисташ а. Цуьнга наха хиттина дагадоглу суна: «Вай цла дохуьйту ца боху? Лур ю бохий бакъо?»

Арысь-хи дара тхуна гена доцуш. Со сайн воккхаха волчу вешица члерий леца оьхура цига, лаьнтлехь даго дечиг а гулдора. Аьхка чехка догланаш деьча, дестий, юьрта чу хьодий даккхий зенаш дора цо. Казахийн, немцойн ткъех цла ца лерича цу юьртахь бехаш берш украинцаш бара. Немцошца тлом а балале кулакаш бина Украинера арабаьхна бара уьш. Церан некъ а ца хиллера шера а, аьхна а. Нохчий санна цларах, цлийнах баьхна бара уьш а. Шайгара бала ца тоьаш санна, бахкийна шайн коча тиссина хетара царна нохчий. Хлетте а, шайн а, нохчийн а цхьа кхоллам хеташ, тхо тоьал кьинхетаме тлеййцира цара. Цу хенахь длатарбелла, хлуманах а хлоттабелла лаш бара уьш. Берашна цхьа хаза деттина чкъургаш, шекаран бляьлгаш, лежаш, кхин хлума кхийдайора. Мерза хуьлура церан хичуйоьллина копаст а, наьрс а. Маларах кхеташ волчуьнга шайн мустдинчу чагарах чам боккхуьйтура. Дукхахболчеран малар ден чархаш а яра. Хлоранна бохург санна вир а, велосипед а яра. Цигахь лемира суна дуьххьара иза хахка.

Ткъа нохчий эвла йистехь шайн куп йиллина къаьстина лаш бара, шайна юккъехь цхьа немцойн хлусам йолуш. Нохчий бара Веданара а, Шуьйгара а, Шарара а. Веданхой дукхах берш Даьрглара а, Теза-Кхаьллара бара. Кест-кеста вовшаклетара Даьрглара а, Теза-Кхаьллара зударий. Клозарш ийзош, млараш туьйсуш, маьхьарий хьобкхуш къапа-къарс оьккхуьйтура цара. Ткъа божарий йистах а бовлий, уьш дласакъасто дагахь а боцуш, бийла а буйлуш лаьттара, шайн зударий хецна буьтий. Печевхина хлума а ца дора. Цара хлун къуьйсу, уьш вовшех хлунда тийсало суна ца хаьара. Ас тамаш бийриг цхьаь дара: и дов хилла цхьа ши де даьлча, вовшашца цхьа а мекха я гамо йоцуш, цхьа доьзал санна хуьлий, хенах ха а тухий дла хлуьттура. Веданал сов дуьне ганза болчу царна йозанах элп а я оьрсийн мотт а ца хаьара. Доцца аьлча, маля ламанхой бара. Цундела царна къаьстина хала дара. Тлера бедарш йоманаш тихкина яра. Чу ча а дуьллий длакьовлура неларан мачийн бахтарш. Цхьацца болу жоьра зударий, божарий санна, майра, каде, ницкъ болуш хуьлура. Рицкъа лобхуш талла а оьхура уьш. Цхьана варшахь ларамаза дуьхьалкхетта, карахь цхьа диг бен хлума йоцуш, ча йинарг а яра. Тхан да лацале кест-кеста тхобга гуллора божарийн тоба. Сан дас гло дора царна кехаташ я заявлениш яздан, хьехам бора цхьацца гуллакх дохьуш веьначунна. Гло дора гергара нах схьалаха, аттачу балха я шофер деша ваха – масане хуьлура уьш. Цундела юьртахоша сий-ларам бора. Хилларг бакъдеш даго тле ца оьцуш, таханий-кханий цла дохуьйту бохуш, дерриге а гленах санна хеташ, цхьаболчара тоьлаш чохь ханзама йоккхура. Цкъацкъа цхьаьнакхетий пондаран мерз бекабора. Сов гийла, глайгане хуьлура мукьамаш:

Дависа хьан дела1, хлай маьлхан клайн дуьне,
Вай цлехьа дирзина зама хьанна гур ю-те?..

Юртахой гулбелча сан лергашна хезаш дерг цхьаь дара: «Вай цIа дохуйту ца боху?» Цу дешнаша безам кхуллура генарчу хьуна дага ца богIучу махке. МаьркIаж-хан хиллалц колхозехь болх а беш, колхозо деллачу шайн кIезигчу латта тIехь балахIобттина кьахьобгура вайнаха. ХIара ву аьлла таро йолуш цхьа а вацара.

Украинцаш шайца мелла а кьинхетате хиларна, кьаноша олура:

– ХIара хохолаш баккьал а бакьахьара нах хилла, вайн кьомаца цхьа а мекх йоцуш, вайца лерам болуш. Варийлаш, шайгара ледарло ца ялийта гIорталаш. Вайн Делора мегар дац шуна церан хIуманна тIекховдахь. Казахаша хIорш вон нах бу бохуш дуйцу, хIета ма бац.

Баккхийчаьрга ладугIуш, церан хIума ца хьаеш маьркIажан бода боьлча башха генахь йоцчу колхозан амбараш йолчу таIара меца нохчий. Мацалло кIелбитарна суйнаш кхерстара церан бIаьргаш чохь. Бодашкахь амбарашна тIетевара. Цигахь аьтту куййга тIехь ши пIелг а боцуш, хехо вара, Дед Егор цIе йолуш цхьа воккха стаг. Вуткьа-лекха волчу цуьнан, даккхий сира мекхаш а, йоца хадийна кIайн маж а яра. БIарг тIехь соцуш воккха стаг вара иза. Шен хенахь Украинехь таро йолуш ваьхначу кхунна бIаьрга дан ца дезара Советан Iедал. Цундела и стим санна тIаьхь-тIахьа Iеткьаш, цунна бохам бан хIуьу а дийр долуш вара хIара. Iедало кьаьмнашна тIехь лелон харцо лан ца лора. Цуьнан бехк бацара. Цунна гора Сталинан чалтачаша кьизаллица, мацаллица хIаллакдеш долу адамаш.

Йиша-вешех хаьдда, бер-бекар доцуш га доцу сара санна ша вара иза.

Буо-бер ду аьлла кьахетта кхо тIеэцна хилла кIант а ша онда ма ваьлла, кхуьнан дерриге а ахча-бохча а лачкьийна ведда хиллера. Нохчашкахь узуш, шен ницкь кхочу гIо деш дика стаг вара Дед Егор. Вайнахехь долу хьал дика хууш, гIийла лол бетташ бахкий хууш, кьайллаха цхьацца-шишша кийла кIа-хьаьжкIа лора цо нохчашна. ЧагIар мелла, ша кеп йолуш хилча кхин алсамо а. Нохчаша яхьара цунна чагIар дахьий, я кхин кIез-мезиг хIума. Иза иштта нохчашца кьинхетаме волуш ца лалора меттигерчу казахашка а, немцошка а .

Цхьана буса Дед Егор хехь волуш, ков диллина ши вир хецнера цара цуьнан хастоьмийн беша. Иза динера цара нохчаша дина алиьта, нохчий цунна гамбалиьта. Беш ерриге а хьешийтинера. Дед Егорана дика хьара иза нохчаша ца диний. Цул тIаьхьа цхьа ши-кхо де даьлча, хьалхе барт бина, нохчий тоба яхара цуьнан кетIа. Цара хиллачул хазийна дIахIоттийра цуьнан хастоьмийн беш. Тодира ков а, кIохцал-сара а тессира.

Цхьана сарахь ненан пурбанца со нисвеллера тхайн лулахочунца Мамдица (иза-м зуда ялийна воккха стаг вара) Дед Езор волчакь. Кьаьркьан. саьмарсекхан, хохан, томкан ша-тайпа хьожа йогIура цунах.

Воккхачу стеган суьйре дика а йина, салам-маршалла а хаьттина:

– Дед Егор, хьо ма майра стаг ву, кхера ца кхоьру хьо ишттанехьа хIара ялта нахана дIасадекьа? ХIара гIуллакх гучудалахь хьайна хин долчу Iазапан оила ца йо ахь? – хаьттира Мамдис, цо тхойшинна цхьацца кийла ялта делча.

Чиога халахийтира воккхачу стагана цо иштта аьлча.

– ДаьдаьтIа хьо гIуллакхан! Ишттанехьа боху ахь? Ишттанехьа! ГIабакхан тIам лаца цу хабаро, – дог даьтIа элира цо. – Кьоьлло хьекьал лахдинчех хета суна хьо. Мах ца хета хьуна со да мел верг а, хьо да мел верг а, хьан ворхIе ден хилларг а дIа а доккхуш, карахь-куьйгахь доцуш цу тIе цхьа а бакьо ца юьтуш, хьо тIо биина цициг санна цIера аракхоссар? Шу нохчех, гIийла мисканех кьахеташ лела со-м. Сталине яздеш кехат бехдан ца оьшу. Нийсонан дош дихкина ду шуна. Доцца аьлча, лаа дуй-те хьо кхуза вар? Цхьа «нун» доцуш...

– Ахь х1ун дуйцу, Дед Егор?! Къинт1ера вала сунна! Ас дагахь х1ума доцуш аьлла дешнаш дара уьш. Со-м хьуна цхьаь... Дала т1е ма доуйтийла... Мотт бетташ сан ворх1е а да ца хилла...

– Шек д1а ма вала. Со кхоьруш х1уммаь дац. Со са к1езиг долуш стаг вац хьуна. «Стойкость – основа победы», – олура оха т1амт1ехь. Со дагца ч1аг1велла ву. Хьо мила вара-а? Мамай ярий хьан ц1е?

– Мамди ю.

– Дера, Мамди, ма вай сатийсинарг ца хилла х1ара 1едал. Лан хала ду кху 1едалан харцо. Кху 1едало соьгара д1а ца йоккхуш йитинарг х1ара цхьа кхакханан кетар ю-кх. Гой хьуна? Хьо баккьалла а цхьамма ир-карах1оттийна ваийтина велахь, д1аг1ой д1аала ас хьайна цхьа кийла ялта делира, алий. Бух боцучу 1инчу кхоссийта. Х1ун деш лаьтта хьо? Зулам дина ала воккхачу стага. Со харц ве. Хьайна бакъахьа хеттарг де. Амма со дохко ца ваьлла. Со кху юьртара шун къам мацалла ца далийта г1иртина. Оцу г1уллакхана, юха а боху ас, дохко ца ваьлла,

Цо иштта аьлча, ц1ийвелла, воьхна, цхьана ханна лаьттан б1аьра б1аьргаш боьг1на лаьттира Мамди.

– Иштта ма алахь, Дед Егор, цхьа а бехк а боцуш халахетийти ахь суна, – элира цо т1аьххьара. – Хьуна тешнабехк я ас а, я ша стаг волчу нохчочо а бийра бац. Ахь беш болу дика болх цкъа а бицлур бац тхуна. Мел доккха г1о ду, кху к1ентан дуйхьа веьна ву со хьо волчу тховса. Хьажал кхуьнга, – аьлла, со хьалха теттира Мамдис, – т1е-кога дац, да чувобллина ву. Тахана ахь х1ара к1а цинц ца беллехьара дан амал дацара...

– И-м хала доцург дара, х1ораммо шен мотт шегахь кхьабчачьана. Хьо кхета-кх. Х1ара зама...

– Кхета со, Дед Егор. Бага вочу нахах ларвала веза.

– Х1ара к1ант хьенан-мила ву?

– Комендантаца дов даьлла чувоблличу Рамида ву.

– Дойшуш вуй х1ара?

– Вац, жима ма ву х1ара.

– Комендант, хьаха, ву сийдоцуш стаг...

– Иза бакъ а ду, Дед Егор, мел дац иза бахахь а.

– Ц1е х1ун ю хьан, жима къонаха?

– Шемал ю.

– Это в честь своего имама, значит, а я солдат Николая, – б1аьргаш чохь дика велакъиьжар долуш элира цо. – Лата сох. Горец вац хьо? – забар йора цо, хаьнт1е ши куьг а х1оттийна. – В русско-японскую воевал. Я горжусь этим. Шозза чов йинехь а, дег1ехь тоьгал ницкъ бара. Эх, были времена! Артиллерист ма вара со, Порт-Артур ларьеш... Эхь ца хеташ, со хехь волчу хенахь схьавола хьо. Хьан да а кестта ц1а воуйтур ву. Ас вилспет оьцур ю хьуна. Хьажахьа, хьан да... Хьехархо муха вуллу чу? Жулик, алкоголик, дебошир ца хилча. Соьца а, нахаца а т1екаре, сов эсала стаг ма вара иза. Х1ара, и комендант санна, сийдоцуш 1едал ду. Ас ца дийцича а шуна шайна а гуш ма ду дерриге а.

Хазакхетта, цу къамело дагна т1емаш довлитийра суна.

– Тховк1ело йолуш юй кхеран? – хаьаттира цо.

– Ян-м ю, амма ч1ог1а ледара ю, – жоп делира Мамдис.

Со-м эхь хеташ велакъежаш лаьттара. Суна х1етахь цуьнца бийца шера оьрсийн мотт а ца хаьара.

– Нийсо яц. Бакьо яц... Ма дош дац-кха х1ара. Энийн лазаро цкъацкъа г1одаюкь д1алоцу сан, – аьлла, шен тишачу 1аьржачу дивана т1е охьалахвелира Дед Егор. Т1аккха доккха са а даьккхина т1етуйхира: – Ас сайн ницкъ кхочу г1о дийр ду шуна. Шу къам оьзда къам ду: вовшашца безам, лерам, къинхетам

болуш. Суна кху 1едалах эхь ца хета. Ц1ера дахар, кху шерийн язалла цкъа а йицлур яц кху берашна. Стенна кхоадеш ду х1ара ялта, нахана д1а ца доькъуш? Х1унда кхоьру нехан хьал-бахам табаларна? Х1унда ду х1ара 1едал нах дика бахарна дуйхьал? Да валлал шорта ма ду. Иштта а мукадехкаша х1аллакдеш лаьтташ ду х1ара.

Оцу хенахь сан когаш к1елхьара д1аоьккхуш ши мукадахка гира суна.

– Гой шуна, – аьлла, Дед Егор топ тоха г1оьртира, амма ца кхиййра. Цу мукадехкашна нанна аьлла, томка долу кисет хьалаяьккхира цо.

Иштта юьртарчу нохчашна шен дагца, ойланца даггара дика болх хила лууш вара воккха стаг Егор.

– Дед Егор, сема хилалахь. Юьхьанца хьо сох ца тешарх ас бехк ца буьллу. Ас кьайллахь хьо кхеттал х1ума эр ду хьобга: суна правленехь цхьацца шабар-шибарш хезна хьуна. «Что-то эти чечены зачастили к нему. Тут нечисто», – бохуш. Хьуна цхьаь дан г1ерти-те уьш? – элира Мамдис.

– Собар дел... Даккхийчех дац. Ма-дарра аьлча, х1ума хьакха езара и дуйьцучарна. Сволачаш! Сутараллица бехаш, вовших хьобгуш бехаш бу уьш. Хуур ду-кх, бух аькка бевлча. Шуна-м ас цхьацца кийла бен ца лора, ткьа цара галешца д1акхобхьу. Веччалгаш санна т1елетта бохку. Б1аьргаш баьлла ма вац со. Шек ма вала хьо, дийцита шайна ма тов. Суна вире дийцинчул башха ца хета. Со 1овдал хетта царна, хета со шайх тера воцу дела. Хийла пхьола дина суна т1ехь кху 1едало. И ворх1е а стигал, ворх1е а латта цхьана кхетахь а, х1ара дуьне юханехьа хьийза долалахь а со суо верг хир ву. Г1арч1аьлла хила веза. Кулак, 1едалан мостаг1 ву аьлла, шуна санна, харца ц1е тиллина суна а. Хийла г1аж, мийра лайна ву шуна со... Дика ду, Мамдай. Иштта ярий хьан ц1е? Самагаттаде. Б1аьсте ю йолуш. Дахаро аттача дохур ду шу... Х1инца ма кхуьбу сиха х1ара к1ант эций хьайн истангах топ яй ц1ехьа ц1ингаш бе. Обьездчик ю боху цхьа кала-ц1ола ю кхуза кхача мегаш. Шайшшиь когаш к1ел хьийзаш ма гайта. Шен кеп хилча кхуза кхочу иза. Шуйгахь т1арий чу доттал ялта гучадалахь а, топ-тур даьккхина чуг1ертар волуш ву шуна. Д1аго, кхин ма 1е, парг1ат хила.

Цул т1аьхьа цхьа ши к1ира даьлча Дед Езор т1епаза вайра. Милцоша и д1авуьгуш гина хиллера массанхьа кхочуш долчу берашна. Итт шо хан тоьхна чувобллина олуш хезира тхуна. Нохчашна ч1ог1а халахийтира цунна и тешнабехк хилла. И дара 1945 шарахь, апрель бутт юкьал т1ех болуш. Немцошца болу т1ом бара чекхбала гергга бахна.

Б1аьсте яра йолуш. Сенлуш яра казахийн аренаш. Диттийн гаьннаш дара кьона г1а хобцуш. Вайнах бохийна цхьа шо чекхдаьллера, эзар шарал дахделла...

Кехат кхаьчна хиллера Дед Егорера колхозан правлени: «Ша кхузара ц1а верзале Далла дуйхьал ваха мегаш ву. Цхьа дехар ду сан, весет ала мегар долуш: Ас доьху сайн х1усам Рамидан доьзална д1аялар. Х1ара ю аьлла тховк1ело йоцуш барх1 бераца хала йоллу цуьнан х1усамнана».

Мичара елира! Воккхачу стеган кехат тидаме ца ийцира. Тхо бисира тхайн шамали а лобкхуш. Кьинхетамах цхьа чо боцчу коменданто д1алесица цхьа к1ира далале Дед Егоран х1усам.

Салих Гуртуев**Камень**

Камень, морщинами трещин
израненный густо,
Камень, до блеска холодного
времени стертый, –
Вы и опора в безверии неодолимом,
И вожденная слабость
швыряющих камни.

Скрыта душа в этой плоти
безгласной, холодной,
Воле чужой – то ли злой,
то ли доброй – подвластной.
Сколько обид в этих душах
безмолвных сокрыто
С оных времен и до нашего
существованья.

Помню: лишь камню довериться
было возможно,
И как никто поддержать мог
и выслушать камень,
Горько и скорбно внимавший
под небом далеким
Речи балкарской, негаданно
ставшей запретной.

Огромная безгласная страна.
Огромное клокочущее горе.
Балкарские простые имена
Хранят чужие небо, степи, горы.

Но даже в самый кровавый год,
Оплаканный, негаданный, проклятый,
Зла не держал на Родину народ –
Ведь Родина ни в чем не виновата.

В горчайших бесконечных поездах,
Где каждый – горя общего частица,
Все было – и неверие, и страх,
Лишь злобою не искажались лица.

Не восходило солнце для людей,
Но вызревала песня в горьких столах.
Пресветлый лик Балкарии моей
Остался чист, как первый снег на
склонах.

Бежит река

Журча и пенясь,
Меж камней замшелых
Бежит река,
Как будто хочет скрыться
От самого себя,
От обмельенья,
От вырубленных на пологих склонах
Лесов, когда-то буйных и дремучих,
Как будто сможет убежать куда-то
Она от уготованной судьбы.
– Ужели ледники в горах иссякли?
Ужель на берегах листвою свежей
Не суждено шуметь
тенистым кронам? –
Так спрашивает речка у камней,
У берегов своих...
Молчат камни.
И берега в ответ молчат угрюмо.
С мольбою река стремится к человеку,
Но человек опять отводит взгляд.

Орешины на склонах расцветали,
Мужало солнце и дымились вербы
В те дни, когда моим стихам внимали
Хорваты, македонцы, сербы.
– Читай на языке своем родном! –
Кричали из внимательного зала.
И перед горским искренним стихом
Стена непониманья исчезала.
– Читай погромче! –
слышалось вокруг.
И я читал собратьям незнакомым.
Язык отцов – мой самый верный друг,
Ты снова мне помог вдали от дома.

Я жив – покуда жив язык родной.
Полк не погиб, пока сохранно знамя.
И, словно знамя, стих гортанный мой
Взлетал над югославскими горами.

Перевод Аркадия Кайданова

ГЛОТОК ВОДЫ

Птичье гнездо, как дрожащее веко –
Безоблачной сини не видно над нами.
Весь мир цепенеет, как будто от века
Он атомной бомбой и страхом храним.
Дрожащие твари в мудрость людскую
И в человечность поверить хотят...
А человек, обреченно тоскуя,
Собственной силе, похоже, не рад.
Нет, не бессмертья ищущий я на свете –
Всего лишь воды родниковой глоток.
Многого разве хочу я, ответьте,
Пытаясь прозрачный найти родничок?
В зной и в распутицу я по дороге,
Проложенной дедовской
тряской арбой,
Должен спешить в ледяющей тревоге
За Землю с неясной и грозной судьбой.

Перевод Бориса Романова

Гарсия Лорка

Камень с горы сорвался неловко,
Птица взметнулась, дрогнул прут.
Смотрите: скручены руки у Лорки,
Скручены руки у Гарсия Лорки,
Гарсия Лорку на смерть ведут.
А на душе его ясно и росно,
Лоб у него, как небо, высок.
«Прощай, Гренада...» –
сказал он просто.
«...Я ухожу», – сказал он просто,
Как будто в гости шел на часок.
«Прощай, Гренада...» –
чего уж проще;
«...Я ухожу», – сказал, как спел...
Шел он по апельсиновой роще,
По молодой апельсиновой роще,
Светел и смел был, светел и смел.
... В море поэзии легкая лодка,
Оранжевый парус ветром вздут.
Спасибо, Гренада, тебе за Лорку,
Спасибо тебе за Гарсия Лорку.

Перевод Владимира Приходько

В лунную ночь

Мне двадцать лет исполнилось.
И ночью

Луна плыла сквозь голубую мглу –
Как будто ртуть катилась по столу.
Прислушался, а сердце песни хочет.

Луна глядит на звездную отару
У края тучки, как чабан с бугра;
Подставь ладони – и она, щедро,
Тебе хрусталь преподнесет в подарок.

Она лучами тонкими, косыми
Строку стихов у многих залила,
В балкарскую поэзию вошла,
Воспетая в простых стихах Кайсына...

Мне кажется, и я луне обязан:
Она мне целых двадцать лет
Свой – для поэтов
и влюбленных – свет,
А я о ней не написал ни разу.

Прими мой стих. Меня ты охраняла,
Когда я был беспомощен и мал.
Ты тьму гнала, чтоб я спокойно спал,
Укутан в лунный свет, как в одеяло.

Ты знала, потому и тьму гнала ты, –
Чтоб я спокойно жил, спокойно спал,
Смертельный бой в то время бушевал
И шли в крови бессмертные солдаты.

Тебе бы озарять не реки крови –
Глаза влюбленных,
слушать гул сердец,
Себя для нас не пожалев, отец
Остался тоже там, на поле боя.

Прекрасен мир мирною луною,
Но память болью до сих пор полна,
В почетный караул встает луна
Над скорбными могилами героев.

Во имя тех, кто пал в бою сраженный,
Подлунный мир,
не дай греметь войне,
Чтобы стихи писались о луне,
Лишь как о спутнице
одних влюбленных
И как мечта о лунной целине.

Перевод Евгения Яшкина

Роза Орстхо**Наши биографии в
эпизодах**

Документальная повесть

*Продолжение. Начало в №11-12 (2016)***Жульбарс**

Всю ночь свирепствовал буран, яростно занося сугробами приземистые домишки и землянки. А наутро – снежной стихии как не бывало. Под ярким солнцем, вышибая слезы, заискрился стерильно-белый снег. В высоченных сугробах утонули домишки, сараи, курятники, собачьи конурки.

Куры – «народ» дисциплинированный, совсем темно – значит утро еще не наступило и нечего шум понапрасну поднимать. Петух К1уж¹ – барон куриного табора – в положенное время открыл сначала один, потом другой глаз, но, не увидев в глухом курятнике даже намека на рассвет, удивленно покрутил головой в одну, потом в другую сторону. Подумав немного, на всякий случай хрипло прочистил горло, как бы репетируя свое предрассветное торжественное «ку-ка-ре-ку», но тут же виновато осекся на полноте. Радостно встрепенувшиеся, было, курочки, не услышав продолжения привычного призыва вожака, поозиравшись вокруг, снова томно закатали свои красные глазки.

Сложнее с жульбарсами, борзиками, тарзанами и мухтарами, которым уже невмоготу в тесных конурках. Под снегом хоть и тепло относительно, но жутко голодно после длиннющей холодной ночи. Вот и повизгивают они жалобно в надежде, что вот-вот придет помощь в лице сердобольной хозяйки, которая сама не поест, но живность, имеющуюся у нее, накормит в первую очередь.

Пленение снежной стихией – дело привычное, особенно для северных районов Казахстана (Кокчетав, Кустаная, Караганды, Павлодара), могло продолжаться сутками.

Первые всеми правдами и неправдами вырвавшиеся из снежного плена жители поселка идут на помощь ближайшему соседу, прокладывая тропинку к его домику самодельными лопатами. Откопав входную дверь, стуком оповестив хозяев, что путь на волю свободен, пожелав доброго утра обитателям жилища, идет сосед дальше на работу или по другим каким делам, лопатой пробивая тропинку себе и другим. Хорошо, если погода не ветреная и тут же не заметет, не занесет снова с таким трудом расчищенную дорожку.

Так и будут ходить с лопатой все утро мужчины – кто к месту своей работы, кто к магазину за положенным двухсотграммовым хлебным пайком, кто в поссовет, кто на отметку в комендатуру, на которую спецпереселенцу приходилось ходить каждые десять дней.

Никакие проблемы, связанные с погодными условиями или болезнью, основанием для неявки на отметку в комендатуру не являлись и во внимание не принимались. Бывали причины объективные, житейские, когда человеку в страшный мороз элементарно не во что было одеться и тем более обуться. С обувью у всех спецпереселенцев просто беда. Выручали чуни, которые сами вырезали из старых покрышек, с помощью проволоки мастерили подобие калош и набивали их соломой.

Неявка на своевременную отметку в комендатуру расценивалась как побег и каралась жестоко. Веским для неявки считался один аргумент – смерть спецпереселенца.

Жизнь была расписана на года: работа, отметка в комендатуре и постоянный надзор.

Работали до изнеможения, но она давала шанс выжить.

...До конечного пункта своего маршрута доберется работяга весь в поту; шапка-ушанка набекрень, ватная телогрейка нараспашку. Но это только те, которых вопреки всему ни голод, ни болезнь еще не свалили. И вот к часам восьми утра снежные лабиринты образуют сложные узоры на всем поселковом пространстве.

Позже тут и там колобками выкатят из домов ребятишки. Матери крест-накрест запеленали их своими клетчатыми, доношенными до дыр кортли², пуховыми платками, отцовскими башлыками, сделав их похожими на коконы шелкопряда. Поверх платков водрузили на головы шапки-ушанки – вещь, прямо скажем, просто незаменимая в буранных степях Казахстана.

Вереницы детворы со всех сторон поселка, словно гусеницы, ползут к школе по пробитым взрослыми снежным тоннелям. Сугробы так высоки, что не видно даже макушек малышей. Чтобы ребятя не заблудилась, не запуталась в замысловатых снежных лабиринтах, впереди каждой «гусеницы» обязательно идет взрослый, иначе плутала бы малышня до самого вечера.

Могли бы, конечно, старшеклассники взять на себя функцию провожатых, но нет пока в поселке даже такого понятия, как старшеклассник, так как школа здесь пока четырехлетняя. Позже появится семилетняя, а еще через пяток лет построят среднюю школу, аж двухэтажную.

Так по типу и количеству школ можно было судить о количестве жителей в данном населенном пункте и о его социальном статусе. Но это были сороковые годы, шла война. Все силы и средства здесь были брошены в первую очередь на строительство и развитие Каратаусского химкомбината, разработку и добычу фосфоритов. Все взаимосвязано. Фосфориты – это удобрения. Удобрения – это залог высокого урожая хлеба. Хлеб нужен фронту. Не меньше он нужен и тылу, кующему оружие для фронта, но только доставался ему (тылу) этот хлеб во вторую очередь. Основная рабочая сила – спецпереселенцы: немцы, чеченцы, карачаевцы, греки, курды, корейцы, евреи, татары.

У детей старшего возраста (12-13 лет) во многих населенных пунктах Казахстана и Киргизии, принявших спецпереселенцев, пока еще прямая дорога на стройки, колхозные поля, шахты и рудники. А провожатыми быть они все равно не смогли бы, потому как не вышли ростом. Сказались условия жизни: голод, холод, болезни, тяжелый физический труд и социальный статус «спецпереселенец», давящий на психологическое здоровье человека, которое играет далеко не последнюю роль его в физическом развитии. Редко найдешь мужчину моего поколения ростом выше 175 сантиметров.

Нашим проводником (моим, моего брата, моей подруги Малики, наших соседок-близняшек Люси и Лили Бабенко, Йоськи и Султана – друзей брата) был наш пес Жульбарс.

Как бы сильно ни заваливало снегом конуру, Жульбарс почти всегда первым высвобождался из снежного плена и своими мощными лапами начинал рыть снег у двери нашего приземистого домика (кибитки), помогая отцу открыть входную дверь. Ох, нелегкая это задача! Порой отцу приходилось разбирать дымоход, печную трубу и часть крыши, чтобы выбраться наружу и освободить входную дверь от заносов, потому что снегу наваливало за ночь так много, что разгрести его даже Жульбарсу своими мощными лапами было не под силу.

Потом Жульбарс терпеливо ждал, пока отец прокладывал тропинку в почти метровом пласту снега до кем-то уже проложенной дорожки, потом пока соберутся все семеро ребят нашей интернациональной «цепочки-гусеницы»,

и только тогда начинал движение в сторону школы. Он всегда безошибочно приводил нас, укутанных в материнские, далеко не новые, а потому не очень теплые коричнево-бежево-черные платки – кортли, серые, коричневые или белые отцовские башлыки из тонкого сукна с шелковыми кисточками на капюшонах, прямо к дверям школы. В своих немислимых нарядах мы и на самом деле очень походили на коконы.

В те далекие времена наши женщины-мастерицы умели еще изготавливать башлыки, а наши мужчины с удовольствием и достоинством носили их, если даже не надевали уже национальной одежды.

Как-то так само собой получилось, что Жульбарс стал считать своим долгом каждый день сопровождать нас в школу, а потом и встречать после уроков. Он бежал впереди, периодически оглядываясь назад, чтобы убедиться, что мы идем за ним, не отклоняясь от маршрута. Своим собачьим чутьем он безошибочно находил ту самую тропинку, которая вела именно к нашей приземистой глинобитной школе.

Иногда, чтобы подшутить над нашим бдительным «проводником», неугомонный Йоська прятался в каком-нибудь боковом снежном коридоре. Оглянувшись в очередной раз и не обнаружив кого-то из нас, Жульбарс бросался назад. Надо ли говорить, что шутника он обнаруживал тут же и лаем заставлял того снова присоединиться к нашей группе.

Жульбарс появился у нас еще тогда, когда наша семья, как и остальные спецпереселенцы, ютилась в старой конюшне, превращенной в барак. Спали прямо на полу, на камыше и прелой соломе.

Однажды утром мама обнаружила, что, втиснувшись между мной и моим младшим братом, зарывшись, как и мы, в прелую солому, безмятежно посапывал щенок. Как ни выкидывала его мама, щенок упорно возвращался именно в наш угол. Само собой разумеется, мы с братом втайне от матери подкармливали его и кличку сразу дали – Жульбарс. Конечно же, наша семья не могла не приютить, не обогреть существо, еще более беззащитное и несчастное, чем мы. Отец сказал тогда, что никогда нельзя отталкивать того, кто выбрал тебя себе в друзья, даже если это животное. Так Жульбарс стал новым членом нашей семьи.

Довольно скоро отец приобрел для нас маленький домик. Громко сказано – домик. Одна комнатка, полужемлянка, но все-таки жилье, а главное – свое. А Жульбарсу мы с помощью отца рядом с домом построили конурку, как могли и чем могли утеплили ее. Конура спасала собаку зимой от холода, а летом от нестерпимого зноя.

Этот лобастый, с умными, темными, широко расставленными глазами, крепкими лапами, висящими ушами, длинной шерстью белого цвета с коричневыми подпалинами щенок вырос в породистую пастушью собаку тобет.

Говорят, эта порода была известна еще четыре тысячи лет назад. Выведена она была, по-видимому, кочевниками специально для охраны своих стад от волков и других хищников. Так что острое чутье, уравновешенный характер, желание «пасти» и оберегать нас, детей, было связано с генетикой нашего Жульбарса. Ведь его специально никто не дрессировал. Никаких отар или табунов у нас не было, а заложенное в нем на генном уровне умение опекать, стеречь и пасти реализовывалось у Жульбарса таким вот странным образом.

Заканчивались занятия в школе, и Жульбарс уже тут как тут. По прихоти нашего «охранника» мы всегда вынуждены были ждать друг друга, пока не соберется вся наша семерка. Попытайся кто из нас уйти один, Жульбарс, лая и наступая, теснил непокорного к школе и заставлял смиренно ждать остальных. Немало усилий мы приложили для того, чтобы довести до сознания пса, что ни Люся с Лилей, ни Султан с Йоськой, ни даже Малика никакого отношения к нашей группе не имеют.

Собака сопровождала нас с братом повсюду: на речку, на поле за поселком, где детвора футбол гоняла, устраивала соревнования со скакалкой, в горы, когда мы ходили за дикой вишней или чесноком, маками или тюльпанами. Жульбарс – наш защитник. Ни один пацан поселка не смел даже повысить голос на моих братьев. Если в запале, во время игры в альчики или ляngu, иной мальчишка криком начинал доказывать свою правоту или замечал «мухляж», то есть жульничество моего брата, Жульбарс, оскалив зубы, грозно рычал, шерсть на загривке становилась дыбом. При этом он становился между (в его понимании) обидчиком и братом, прикрывая его собой. Но никогда не было случая, чтобы эта собака обидела хоть одного ребенка.

Жульбарс был очень терпелив. Наравне с нами стойко переносил голод и холод, если приходилось. Так же, как мы, с наслаждением уплетал печенную на костре картошку или тыкву, обожал жареные семечки и сочные арбузы. С не меньшим удовольствием, чем мы, обгладывал початок варенной или печенной на костре кукурузы.

Умный пес Жульбарс. Очень экономно распоряжался доставшейся ему едой. Съев половину кусочка хлеба, другую половину он аккуратно закапывал рядом с конурой. Это был его «нз», то есть неприкосновенный запас. Мало ли что? Наверное, он помнил те дни, когда, как и мы, зачастую оставался без еды. Тут у него, как и у нас, срабатывал «синдром спецпереселенца». Даже во времена довольно сытой жизни, уже после возвращения на родину, когда хлеба и других продуктов можно было купить сколько душе угодно в любое время, мы все равно покупали их с большим запасом. Если сахар, то никак не меньше мешка, если постного масла, то не меньше фляги или десятилитрового баллона. Сотни банок всевозможных солений, варений, компотов заготавливали все хозяйки, начиная с ранней весны и до поздней осени. И все это не только для собственной семьи, но и для того, чтобы потом одаривать родственников, соседей, коллег по работе. Менталитет такой. Делиться с ближним сам Бог велел. А муку, картошку, лук брали десятками мешков, в зависимости от количества членов семьи. Семьи у вайнахов, как правило, многодетные.

...Такая вот предусмотрительность наших хозяек очень помогла многим семьям в первую войну в Чечне. При артобстрелах и бомбежках люди укрывались в подвалах, заставленных банками с заготовками на зиму. Не имея возможность выбраться наружу, чтобы приготовить еду, ели эти самые заготовки. В эту предвоенную осень многие домохозяйки, как будто предвидя трагедию, как сговорившись, сделали столько всевозможных заготовок, что подвалы частных домов и кладовки в квартирах не вмещали всего этого запаса.

...Нечто подобное происходило и в сорок четвертом году, перед депортацией. Уже в изгнании женщины рассказывали друг другу, что и в каких количествах они заготовили к зиме. Традиционно вайнахи, готовясь к зиме, которая, как они говорили, «не дает, а забирает», обязательно солили курдюки, сушили мясо и колбасы. В деревянных кадушках заготавливали сыры и творог в рассоле, а в глиняных кувшинах – топленое масло. Сплетенные в косички гроздьях хорошо высушенного лука и чеснока развешивали на стенах кладовок. Десяток мешков кукурузной муки и цу (толокна) был даже в самой бедной семье, это не считая запасов кукурузы в сапетках – на всякий случай.

...Случалось, что поселковая пекарня по каким-то производственным причинам не справлялась с нормой выпечки хлеба: вовремя не подвезли муку или топлива, вышла из строя печь. Тогда отоваривались только хлебные карточки рабочих химвкомбината. В те годы такие ЧП расценивались как саботаж, вредительство и происки врагов народа. Летели головы, порой ни в чем не повинных людей, начиная от простого рабочего и пекаря до снабженца и руководителя. Карточки членов семьи в таких случаях не отоваривались, и матерям приходилось выкручиваться, чтобы как-то и чем-то накормить детей.

В такие дни нашего Жульбарса спасали предусмотрительно закопанные им в песок или снег (в зависимости от времени года) кусочки хлеба.

Сослуживец отца Шайкенов Каиржан (оба работали в ЖКО), первым угадавший породу собаки, не раз уговаривал его продать ему Жульбарса, на что отец отвечал:

– Каиржан, тебе когда-нибудь приходило в голову продать кого-нибудь из членов своей семьи?

Жульбарса мы все-таки отдали Каиржану... Пришлось отдать.

Наступил благословенный 1957 год. Мы уже не спецпереселенцы! Мы свободный народ! Никита Хрущев, Секретарь ЦК КПСС, на XX съезде партии назвал случившееся с народом ошибкой.

Так просто! Сотни тысяч погибших от голода, холода, болезней. Десятки тысяч расстрелянных и заточенных в лагеря. Сотни и сотни разрушенных семей, разлученных с родителями детей, которые так и не нашли в этой жизни друг друга.

Даже сегодня некоторые политики никак не хотят признавать сотворенное с нашим народом и десятками других народов чудовищным геноцидом. А объявленная советской властью свобода для вайнахского народа, как и для других репрессированных народов (как потом жизнь покажет), была свободой формальной, без каких бы то ни было обязательств со стороны государства, осознанно поставившего народ на грань вымирания. Никакой реабилитации: ни материальной, ни моральной, ни политической – даже не предполагалось.

Но тогда казалось, что возвращение на родину сулит нам райскую жизнь на родной земле. Все трудности репатриации казались тогда не такими уж катастрофичными. А они были, и немалые. Все само собой устроится, все само собой уляжется, думали многие, лишь бы коснуться наконец родной земли.

Дорога домой в 1957 году оказалась ничуть не короче и не легче дороги в изгнание в 1944. Многие возвращались на родину в тех же товарных вагонах, может быть, чуть-чуть более приспособленных для перевозки людей. И никакого конвоя! Для многих больных встреча с родиной так и не состоялась, они умерли в дороге.

В дальнейшем жизнь покажет, что на самом деле само собой ничего не устраивалось и не укладывалось. Работа, которой фактически не было многие годы, жилье, которое занято другими, пока тебя отправили умирать в буранные степи чужой земли, а ты, несмотря ни на что, умудрился выжить! Все эти проблемы никак и никем не решались десятилетиями.

Родные села, которые теперь никакого отношения к твоей республике почему-то не имели, остались вне зоны доступа их исконных обитателей. Прав, прописанных в Конституции, как не было, так и нет. Рабское бесправие продолжалось, только приведенное в более или менее благопристойный вид, по крайней мере на бумаге, формально. Например, появились какие-то квоты для вайнахов при выборах в органы власти, при приеме на работу в различные министерства и ведомства, даже при приеме в партию. Здесь регламентировалось даже количество мужчин и женщин. А была она, эта партия, одна на всю огромную двухсотмиллионную страну – Коммунистическая партия Советского Союза, КПСС.

Регламентировалось даже то, какое количество вайнахов должно быть, например, в инспекторском отделе любого министерства и сколько из них должно быть женщин и мужчин. В Министерстве образования даже в 80-е годы в таком отделе соотношение инспекторов вайнахов и так называемых русскоговорящих было 2:10. Разумеется, вайнахов было только двое. Когда вдруг возникла крайняя необходимость принять еще одного куратора по вопросам выпуска учебников родного языка и литературы, введения в городских школах уроков родного языка хотя бы в начальных классах, министр

образования долго согласовывал вопрос приема на эту должность инспектора-вайнаха в Обкоме партии и Совмине.

Никита Хрущев осенью 1961 года, отлученный от власти в результате государственного переворота, в своих воспоминаниях и размышлениях о стране, которую он долгие годы возглавлял, через два года после отрешения от власти записал на диктофоне: «Какой же это рай, в котором надо держать человека на цепи?»

...Наша семья возвращалась на Кавказ не в товарном вагоне, как многие, а в пассажирском. Вопрос, чтобы взять с собой Жульбарса, даже не рассматривался. Горечь предстоящей разлуки с ним как-то скрашивала радость по поводу возвращения на Кавказ. Мы, дети, уже не помнящие по большому счету родины, а знающие о ней только по рассказам взрослых, ликовали ничуть не меньше родителей. Одно мы знали точно, что слова «Кавказ» и «рай» – синонимы.

...Молча стоим у конуры перед постаревшим Жульбарсом: коричневые подпалины на спине поседели, из полуслепых воспаленных глаз непрерывно текут слезы, раздувшиеся в коленях большие ноги нет-нет подгибаются. Молча глядим его по понору опущенной голове. А он как будто что-то предчувствовал – страшная тоска в глазах. Мы все готовы разрыдаться.

Отец молча взял Жульбарса за поводок. Пес покорно двинулся за ним.

Кроме похороненных в степях чужбины сородичей, у нас остался там еще один член нашей семьи – наш верный друг Жульбарс.

ТИММИ

Каким-то странным образом в моей жизни не раз повторялись моменты когда-то пережитого.

Однажды, проснувшись очень рано на утренний намаз, я обнаружила, что между мной и младшей дочерью, свернувшись калачиком, посапывает серый котенок. Передние лапки белые, как в перчатках, задние ножки в белоснежных носочках, белое брюшко и звездочка белая на лбу. Котенок очень похож на нашего кота Мустика, который бесследно исчез в сумятице нашей беженской жизни во время первой войны в Грозном.

Еще до войны, которая нежданно-негаданно обрушилась на наши головы авиабомбами и ракетными обстрелами в декабре 1994 года, Мустика не раз умыкали дети с соседних улиц. Кот был не только привлекательным внешне, но и очень доверчивым и ласковым. Он легко шел на контакт со всеми, кто его погладит.

На нашей улице жила пара уже не молодых людей. Так как детей у них не было, они взяли из детского дома восьмилетнюю девочку на воспитание. Луиза была просто красавица. Приемные родители Ваха и Зура души в ней не чаяли, нарадоваться и в свое счастье поверить не могли.

Годы шли. Где-то лет с двенадцати с Луизой начались проблемы: девочка убегала из дому, прихватив с собой родительскую пенсию. Милиция возвращала ее откуда-нибудь из Ростова, Элисты или Нальчика. Слезы, мольбы о прощении, клятвы, что такое больше никогда не повторится. И снова побег.

Ведь говорят же, что характер – это 10% воспитания, а 90% – гены. По всему было видно, что родилась Луиза в неблагополучной семье и гены ей достались не совсем «правильные».

Так вот, примерно за год до начала войны Луиза снова исчезла из дома, прихватив на сей раз с собой нашего «обаяшку» Мустика. Хоть и смутное было время, милиция и на сей раз нашла Луизу в Астрахани и вернула домой родителям. Девочка призналась, что подарила нашего кота подруге в этой самой Астрахани. К нашему великому изумлению, примерно через год у нашей калитки появился тощий, облезлый, грязный Мустик.

С началом войны характер Мустика сильно изменился. Из ласкового, игривого сероглазого котика он превратился в истеричного, агрессивного, пугливого звереныша с затравленным взглядом. Звук даже упавшей на пол ложки приводил его в ужас. При бомбардировках и артобстрелах он первым нырнул в подвал, который мы всегда держали открытым, забивался под гору одеял, сложенных в углу, и никакая сила долго не могла его оттуда вытащить, даже после того, как самолеты, отбомбившись, улетали.

Оставаться в Грозном было бессмысленно и страшно. В январе стало понятно, что война эта не на один месяц и не на один год. Это мы понимали умом, но сердца наши не хотели верить. Мужчины с нашей улицы настаивали, чтобы женщины уезжали из города ради детей. Разумеется, оставить Мустика мы никак не могли.

Дорога наша лежала в Урус-Мартан. Чем дальше мы уезжали от города, тем громче и интенсивнее были обстрелы. На этот раз обстреливали Алхан-Юрт. Мустик и так вел себя в машине беспокойно, как мы ни успокаивали его, а тут как взбесился: бился в стекло машины, впивался когтями нам в руки.

Везший нас сосед Сутьян, у которого нервы и так были на пределе, остановил машину и открыл дверцу. Дети в ужасе закричали. Младшая дочь ринулась следом за котом, вырвавшись из моих рук, но Сутьян успел перехватить ее и впихнуть в машину. Мустика больше мы никогда не видели. Был один положительный момент во всей этой трагедии с Мустиком. Шок от столь неожиданной потери кота, общего любимца, был настолько силен, что дети, а было их всего пятеро, кроме нас троих взрослых, почти не слышали все усиливающихся звуков взрывов, не замечали периодически нависающих над нашей машиной вертолетов.

Когда мы, наконец, добрались до Урус-Мартана, Сутьян долго не мог оторвать побелевшие пальцы рук от руля машины и встать на ноги. Потом он сказал:

– У меня было ощущение, что из рук и ног моих ушла жизнь, ведь я вез детей в неизвестность – то ли на жизнь, то ли на смерть.

Вернувшись домой, в Грозный, в феврале 1995 года, мы с детьми облазили все дома и подвалы, все развалины на нашей улице, в надежде найти Мустика. Ведь вернулся же он когда-то аж из Астрахани.

Потеряли мы и своих соседей Ваху, Зуру и их приемную дочь Луизу. Оставшиеся охранять дома наши мужчины рассказали, что Вахе, вышедшему во двор покурить, осколком снаряда срезало голову. Страшной смертью погибла их дочь Луиза. Истерзанное тело четырнадцатилетней девочки соседи нашли на берегу реки Сунжи со сломанными шейными позвонками. По всему было видно, что над ней долго глумились, а потом просто свернули голову. А Зура однажды вышла из дома, ничего с собой не взяв и даже не заперев дом. Больше ее никто не видел. Мы знали, что Ваха и Зура выросли вместе в Джамбульском детском доме, в Казахстане, куда они попали после смерти родителей и всех близких совсем маленькими. Выросли, поженились и ни за что не хотели расставаться, несмотря на то, что по вине одного из них так и не было детей.

...В Финляндии, в Оравайсе, куда забросила нас судьба, в соседней квартире обитала семья из Белоруссии. Весной их кошка принесла потомство в количестве аж четырех штук. Три котенка ярко-рыжей масти в мать и один серого цвета не иначе как в отца. Моя младшая дочь Залина (известная кошатница), увидев еще слепых котят, умоляла взять одного из них. Конечно же, я знала, что она еще дома в Грозном тайком от меня подкармливала и ласкала всех кошек и даже собак на нашей улице, как и я когда-то в далеком детстве. Я понимала, что она никак не могла до сих пор смириться с потерей нашего любимца Мустика, на которого так был похож этот премиленький котенок.

Мой категорический отказ диктовался отнюдь не нелюбовью к животным, а наоборот. К животным привязываешься, как к детям. Домашнее животное – это ребенок, но ребенок, который никогда не вырастает и не взрослеет. А была я против еще потому, что не знала, как сложится в дальнейшем наша жизнь, что ждет нас впереди. Так же, как в далеком детстве нежданно-негаданно появился Жюльбарс, через много лет в нашей семье появилось пушистое создание – котенок Тимми.

И в первом и во втором случае это случилось на изломе судьбы, в сложной жизненной ситуации, в чужом краю. Помимо твоей воли, твоя семья неожиданно пополняется живым существом, которое ты ну никак не можешь оттолкнуть.

...В Финляндии, как и во многих северных и европейских странах, особое, я бы сказала трепетное, отношение к животным, особенно к собакам и кошкам. Даже одинокие неженатые и незамужние молодые люди заводят собак. Здесь никогда не встретишь бездомных собак или кошек. Не дай бог, если кошка случайно, вырвавшись из дома, пойдет гулять и затеряется, все соседи, знакомые и незнакомые, подключатся к ее поиску. Я как-то спросила свою знакомую финку Сойли, есть ли у ее брата дети.

– Нет-нет, детей у него нет, но есть две собаки.

С точки зрения Сойли и ее брата, как я поняла, наличие в семье двух собак решает просто проблему одиночества, так же, как и проблему бездетности.

После появления у нас котенка Тимми вся жизнь семьи завертелась вокруг этого жизнерадостного, шустрого, одновременно умиротворяющего, убаюкивающего, уютного создания. После пережитых нами бесконечных стрессов последних лет потребность в заботе о существе, таком же беззащитном, как мы сами в этом водовороте жизни, это своеобразная защитная реакция наших организмов. Переступая порог квартиры, каждый член семьи первым делом интересовался:

– А где Тимми? Как он?

Все разговоры о корме, постели, игрушках для Тимми, о его очередных проказах и проделках.

Однажды нам объявили, что для нашей семьи нашли квартиру в небольшом городке на юге страны, ближе к Хельсинки, в 450 километрах от Оравайса. Переезд был запланирован на 1 апреля. Вещи погружены, мы готовы уже ехать на вокзал. И тут наш свободолюбивый Тимми вырывается из рук, и был таков. Все соседи, офисные работники миграционной службы, даже водитель такси подключились к поиску беглеца. Но тщетно. Поезд ждать не будет. Все члены семьи со слезами на глазах (и я не исключение) обреченно садятся в машину.

Где-то через месяц мы получили из Оравайса радостную весть: Тимми найден и отловлен. Знакомые финны из Оравайса, преодолев немалое расстояние, доставили нам нашего беглеца. Это для них было само собой разумеющимся решением. По-другому и быть не могло. Такой длительный переезд на машине, как они говорили, был для котенка огромным стрессом. Их больше волновало самочувствие котенка, а не трата времени, материальные расходы, связанные с доставкой животного, ни собственная усталость от четырехчасового переезда. А ведь предстояла еще такая же длинная дорога назад, домой. С этим они не считались. В понимании финнов потеря котенка равносильна потере члена семьи, ребенка, например.

Наблюдая за котом длительное время, мы заметили, что он, как и люди, любопытен, наблюдателен, для него так же характерны перепады настроения. Как и мы, он подвержен депрессии и впадает в стрессовое состояние. Он страшно не любил, когда мы все уходили из дома. Даже обижался. Как ребенок, встречающий маму из магазина, Тимми, встав на задние лапы, заглядывал во все сумки с немym вопросом: «А что ты мне купила?»

Года через три мы поменяли квартиру на более благоустроенную. Попав в незнакомую обстановку, у нашего Тимми случился стресс. Он забился в самый

дальний угол под кровать и ни за что не хотел оттуда вылезать. Несколько дней не ел и не пил. Кот не мог встать на ноги, передвигался почему-то ползком. Вся семья обращалась с ним, как с больным ребенком.

Видя наши переживания по этому поводу, земляки в шутку предлагали нам обратиться к психотерапевту. Видит Бог, если бы такой кошачий психолог существовал, мы непременно так и сделали бы.

Наш Тимми на дух не переносил рыбу, молоко и даже сметану. Из мяса он предпочитал только куриные грудки и печень. Обожал креветки. Наш гурман презрительно отворачивался от мясного фарша, купленного в арабском «халяльном» магазине. Когда его все-таки настойчиво уговаривали хотя бы попробовать этот фарш, Тимми стал демонстративно делать вид, что закапывает его. А мы-то ели это мясо, свято веря, что если написано «халяль», значит чистое, дозволенное. Но Тимми своим отношением к этому продукту переубедил нас, и мы отказались от покупки фарша, предпочитая хороший, пусть небольшой, кусок свежего мяса.

Через какое-то время после появления котенка в нашем доме мы поняли, что из трех языков, которые Тимми слышал, он предпочел чеченский. По крайней мере, он реагировал только на него.

– Схьадола! Д!адала! Г!овг!а ма ел! Схьаэца! Мегар дац! Д!адижал!³ – на эти приказы он реагировал моментально.

Разделявая курицу, Залина на настойчивое мяуканье Тимми с требованием угостить его грудкой или куриной печенью обычно говорила:

– Ахь суна оба алахь, ас жижиг лур ду хьуна.⁴

Тогда Тимми становился на задние лапы, пытаясь передней дотянуться до щеки Залины, чтобы пригнуть ее голову к себе, так как сам не дотягивался. Ткнувшись влажным носом в щечку, нетерпеливо ждал обещанного угощения, наблюдая своими огромными изумрудными глазами за каждым движением девочки.

Любимым занятием Тимми было наблюдать, сидя на подоконнике, за жизнью за окном. Собаки всех мастей на прогулке с хозяевами, дети на велосипедах, шустрая белочка на самом кончике сосновой веточки почти у самого оконного стекла, юркие птички, начинающие свой день затемно не проходили мимо внимания любознательного кота.

Нельзя сказать, что жизнь провинциального финского городка активна и шумна. Здесь даже выходные и праздничные дни не особо отличаются от будничных. Ни детского смеха и веселых игр на благоустроенных детских площадках, почти всегда пустых, ни шумных застолий в домах, с песнями, танцами, ни молодежных тусовок во дворах, ни посиделок бабушек на лавочках у подъездов. Даже два алкоголика нашего дома смиренно сидят на лавочке, тихо переговариваясь, у очага для гриля, оборудованного напротив подъезда специально для жильцов. Здесь над столом и скамейками натянута тент от дождя и солнца. Наши интеллигентные алкоголики свою порцию пива выпивают у себя дома (ни в коем случае не на улице), на улице ведут себя галантно, первыми поздороваются, откроют дверь подъезда, донесут до лифта тяжелую сумку, поинтересуются, как дела и здоровье, сделают комплимент твоей новой одежде.

В нашем большом шестиэтажном доме от силы человек десять знакомы друг с другом. Менталитет другой и психология другая. Хотя у лифта при встрече совсем незнакомый человек с приветливой улыбкой обязательно поздоровается, придержит дверь, пропустит вперед. К шести часам вечера (в отличие от Франции, Германии, Австрии, где настоящая активная жизнь начинается примерно с восьми вечера) жизнь здесь как бы замирает. Ни звука, ни шороха. Такое впечатление, что проживаешь в совершенно пустом огромном доме. Тем более здесь не увидишь, не услышишь никаких пьяных оргий, дебошей с пьяным ором и мордобоем, характерных для российских городов и деревень.

...Тимми, как всегда, вальяжно развалившись на подоконнике, изучает внешний мир, наблюдает, как кипит жизнь за окном. Птичка, сидя на кончике сосновой ветки, зависшей перед самым оконным стеклом, отчаянно чирикает, глядя прямо на нашего любознательного кота. Тимми чирикнул в ответ. Я ушам своим не поверила. Этот диалог между птичкой и Тимми продолжался минуты полторы. И так почти каждый день.

Наш кот обожал прогулки. Будь его воля, и домой бы возвращался только ночевать. Но когда Залина говорила: «Дало, Тимми, ца добльху вай»,⁵ – он послушно направлялся к дому, безошибочно находил нужный подъезд, этаж и покорно усаживался у двери квартиры в ожидании, пока Залина поднимется на четвертый этаж и выпустит его в дом.

На прогулке у Тимми пробуждался нешуточный инстинкт хищника, охотника. Припав всем телом к земле, он своими огромными изумрудными с черными искорками глазищами наблюдал за какой-нибудь птичкой, беспечно чирикающей на кустике, за кузнечиком или мышью, вынырнувшей из норы в поисках пропитания. Готовясь атаковать добычу, он смешно перебирал лапками и бил хвостом по земле.

Однажды, опрометчиво погнавшись за бельчонком, Тимми не заметил, как оказался на сосне, довольно высоко от земли. Бельчонок, легко перемахнув на ветку соседней ели, благополучно ушел от погони. А Тимми, обхватив ствол дерева лапами, жалобно мяукал, уставившись застывшими от ужаса глазами на Залину, призывая ее на помощь. Взлететь-то на сосну он взлетел лихо, а вот спуститься было ужасно страшно.

Впервые нос к носу встретившись на прогулке с огромным зайцем, Тимми буквально остолбенел. Он, как и заяц, встал на задние лапы, опустив передние вдоль туловища, и долго-долго смотрел на ушастого удивленными глазами, высунув от удивления кончик розового язычка. Это явно была не добыча, вроде мышки или воробья, и не собака, которую он на дух не переносил. Заяц, постояв немного, ускакал по каким-то своим делам, а пораженный Тимми еще долго смотрел ему вслед все в той же позе каменного столбика.

В один из вечеров я почувствовала небольшое недомогание, но, как всегда, не придала этому особого значения. Ночью мне стало хуже, но измученная длительной бессонницей последних месяцев, я никак не могла заставить себя сразу проснуться. Вот тут ко мне на помощь пришел Тимми. Стоя на задних лапах перед моей кроватью, он настойчиво тычет носом в мое лицо и руки, при этом громко мяукая. От шума проснулись все. Три часа ночи. Открыв глаза, я ощущаю острую боль в левом боку. Не могу даже пошевелиться. Оказалось, что давление подскочило до двухсот (а я в принципе гипотоник). Так Тимми спас меня от неминуемого инсульта.

Наш кот стал в семье объектом восхищения, развлечения, заботы. Это было своеобразное лекарство от стрессов двух пережитых нами войн. Тимми был наш общий ребенок, который в наших глазах (глазах «родителей») был самым красивым, обаятельным, умным и талантливым.

Я слышала, что Бог наделил животных особым, обостренным чувством или способностью предчувствия. В последнее время Тимми как-то резко изменился: стал не таким активным что ли, каким-то невеселым, с грустинкой в зеленых глазах. Больше лежал. Первая мысль – заболел. Потом депрессия проходила, и наш кот вновь оживал. Если бы знать, что творилось в маленькой головке нашего Тимми! Однажды произошло непоправимое: Тимми выбросился с балкона пятого этажа. Говорят, домашние животные уходят из дому, когда приходит время умирать.

Я помню, как после первой войны мне позвонила моя приятельница из Москвы. Она рыдала в голос. Я долго ничего не могла понять, о ком это она. О сыне? О муже? Выяснилось, что погиб любимый пес семьи, Капрал. Надо сказать, я была страшно оскорблена, что она у меня, потерявшей в войну

немало родственников, коллег, соседей, друзей, жилье и все свое имущество, ищет поддержки и сочувствия по совершенно ничтожному поводу, на мой взгляд. Я тогда не поняла ее горя. Через много лет, потеряв Тимми, мне стала понятна вся боль утраты Риты. И тогда я специально позвонила ей и попросила прощения.

Со дня гибели Тимми прошло три года, но мы до сих пор вспоминаем его чуть ли не каждый день. Чувство вины гложет нас почти так же сильно, как чувство вины перед так и не погребенными родными и близкими, погибшими в депортации сорок четвертого года. Так же перед теми, которых мы не сумели сберечь в двух войнах в Чечне.

Маккхал⁶

Родители воспитывали в нас любовь, доброе, бережное отношение ко всему живому, бессловесному, природе на примере жизни известных героев вайнахских преданий и легенд. У нашего народа всегда порицалось жестокое отношение к ним.

Есть притча о том, как в рай попал никчемный мужичонка, наделенный, можно сказать, всеми человеческими пороками, за то, что спас погибающего в холодной грязной луже щенка, обогрев и накормив его. А шедший в мечеть имам, прошедший мимо щенка, дабы не запачкать свою одежду и не предстать перед паствой в неприглядном виде, попал в ад. Не было ему никакого оправдания перед Всевышним.

Суфийский шейх, пацифист Кунта-Хаджи Кишиев в своих заповедях призывал с особой любовью относиться к бессловесным существам, животным, которые не могут сказать о своих потребностях. Он говорил, что прежде чем в намазе предстать перед Всевышним совершенно чистым и спокойным, необходимо напоить и накормить скотину, если она в этом нуждается.

Особое отношение с детства воспитывалось у вайнахов и к диким животным. Если охотник за свою жизнь убил уже около трехсот животных, вайнахская этика обязывала его сжечь приклад своего ружья. Этот акт был залогом того, что никогда не убьет больше ни одного дикого животного. В те далекие времена охотники никогда не убивали дичи больше, чем нужно было для пропитания своей семьи. Не разрешалось раньше и бездумно вырубать леса. Брали столько дров или материала для строительства жилищ, сколько было необходимо. Это была своеобразная программа сохранения живой и неживой природы для потомков, спасения ее от уничтожения.

Считалось большим грехом и порицалось обществом использование для топки фруктовых деревьев и кустарников, которые в горах Кавказа были в изобилии.

Особо бережно предписывалось относиться к воде, водоемам. Вода, как говорили старики, – это самое святое из всего, что создано Всевышним. Осознанное загрязнение водоемов – грех, ничем не искупимый.

...Однажды в многодетной семье Рукъмана и Кулсам появился ворон с откушенным то ли голодной собакой, то ли наглой одичавшей кошкой крылом, от мороженными нешуточными казахстанскими морозами лапами, к тому же без одного глаза. По всему было видно – ворон с боевым прошлым. Выхаживали птицу всей семьей и кличку дали Маккхал, может, в насмешку, а может, за боевые заслуги, но, скорее всего, с легкой руки младшего сына.

Когда сыновья принесли истекающего кровью ворона домой, отец спросил:

– Х1ара х1ун ю аша еънарг?⁷

Самый младший из сыновей почему-то выпалил:

– Ца го хьуна? Маккхал ю-кх!⁸

Вот так и появился в огромной семье Рукъмана и Кулсам Маккхал.

Ходил ворон на отороженных скрюченных лапках вперевалочку,

разглядывая окружающее единственным левым глазом, повернув голову боком. Летать не умел совсем. С одним крылом далеко не улетишь. Так что, несмотря на свое прозвище, Маккхал ни зорким, ни шустрым, ни агрессивным, как коршун, не был, и никакой угрозы ни для кого не представлял, разве только для червей.

В семье восемь сыновей и имена у всех, как и у отца, с буквы «эр» начинаются: Рушан, Ризван, Руман, Рамзан, Рушдан, Рашид, Руслан и Рустам.

Женщины поселка подшучивали над Кулсам:

– Божаберийн ц'ераш-м кхачийна аша.⁹

...23 февраля 1944 года, в незабываемый черный день для всего народа, Рукъман сначала погрузил на подводу главное свое богатство – восьмерых сыновей и только потом три мешка жареной кукурузы, которые жена приготовила, чтобы отвезти на мельницу. Кулсам успела бросить в подводу еще кое-какую посуду, одеяла и несколько подушек.

...На улице братья горой друг за друга, там они непобедимы. Никому и никогда не простились даже самая мелкая обида. Но когда дело касалось дележки ложек за обедом, а в доме их оказалось всего пять, побеждал самый проворный.

Каждый день повторялась одна и та же картина. Вывалив в деревянное блюдо, техх, горячую кукурузную кашу, Кулсам бросала на низенький столик весь запас ложек, кои расхватывались худыми смуглыми ручонками на раз. Ставший жертвой собственной нерасторопности кто-нибудь из малышей, видя, как нещадно уничтожается родными братьями ароматная каша, начинал хныкать:

– Ва, Кулсам, Iайг бац!¹⁰ (Дети называли родителей по именам).

Старшие сыновья терпеливо ждали при этом, когда насытятся младшие и очередь дойдет до них.

Самый младший из братьев, Рушан, – самый добрый и самый жалостливый. Маккхал чувствовал это и ходил за малышом, как собачонка за хозяином. За преданность ему воздавалось сторицей. Рушан делился с ним даже самой последней крошкой своей скудной еды.

Рушан – ребенок особенный. В знойный день, когда загорелые до черноты братья плескаются в Таласске, малыш где-нибудь под кустом наблюдает за удивительной жизнью насекомых. Вот вереница трудоликов-муравьев марширует от муравейника куда-то за добычей. Другая вереница ползет уже с добычей к муравейнику. Каждый из них тянет непосильную ношу, превосходящую собственный вес в несколько раз. Жалко муравьев. Кулсам рассказывала детям сказку о муравьишке-хвастунишке, который хвастался своей силой: «Если бы не моя тонкая талия, я бы весь земной шар поднял бы!»

Потом внимание Рушана переключается на пучеглазую стрекозу с переливающимися перламутровыми крыльями, качающуюся на травинке. Красные, желтые, оранжевые божьи коровки в черный горошек восхищают малыша своей красотой. Бог наделил их такой красотой, потому что это «Делан котамаш», уверен Рушан. (У вайнахов этот вид насекомых называют «божьими курочками»).

Прилетел огромный угольно-черный жук. Долго, жужжа, кружил над кустиком и грузно сел на веточку. Рушан, приманивая жука, затаил:

«Бу-у-у», – боха ахь – борз яц хьо!
Ши ма Iа ю хьан – сту бац хьо!¹¹

Малыш Рушан отважно защищал всех беззащитных насекомых, даже пауков, от мальчишек, норовящих оторвать перламутровые крылья стрекозе или ножки зеленому кузнечнику, растоптать муравейник. Однажды, защищая муравьиную кучу от разорения, Рушан с воплями лег на него голым пузом, за

что был безжалостно наказан его подзащитными, которые жестоко покусали его, неправильно поняв его благородный порыв.

...Полдень. Обед. Сидя на коленях у зарезанного Рушана, которому в очередной раз не досталась ложка, Маккхал вдруг громко и внятно стал вторить своему покровителю:

– Ва, Кулсам, 1айг бац!

Не донесенные до ртов деревянные ложки с дымящейся кашей повисли в воздухе, рты так и остались открытыми....

И вот наступил день, когда Маккхал стал жертвой собственной беспечности. Сидел он на крыше землянки, греясь под лучами предзакатного солнца, блаженно закрыв свой единственный глаз. Не иначе – дремал. Разморило солнышко, убаюкало кваканье лягушек и монотонное стрекотание кузнечиков у реки.

Вдруг с безоблачного светло-голубого высокого неба на голову несчастного ворона камнем свалился коршун. Не почувял бедолага-ворон смертельной опасности. Очутившись в лапах кровожадного хищника, Маккхал как мог и как умел звал на помощь человеческим языком:

– Ва, Кулсам, 1айг бац! Ва, Кулсам, 1айг бац! Ва, Кулсам, 1айг бац!

Крик несчастного ворона затих где-то высоко-высоко в небе.

В этот день в семье Рукъмана и Кулсам был настоящий тезет¹². Горе всех членов семьи было сродни горю при потере близкого человека.

Продолжение следует

¹ К1уж (чеч. яз.) – хохолок.

² Кортли (чеч.яз.) – большой шерстяной платок, как правило, в большую клеточку.

³ Схьадола! Д1адала! Г1овг1а ма ел! Схьэца! Мегар дац! Д1адижал! (чеч. яз.) – Иди сюда! Уйди! Не шуми! Возьми! Нельзя! Ложись!

⁴ Ахь суна оба алахь, ас жижиг лур ду хьуна. (чеч.яз.) – Если ты меня поцелуешь, я тебе дам мяса.

⁵ Дало, Тимми, ц1а доьлху вай! (чеч.яз.) – Пошли, Тимми, идем домой!

⁶ Маккхал (чеч.яз.) – коршун.

⁷ Х1ара х1ун ю аша еьнарг? (чеч.яз.) – Что это вы принесли?

⁸ Ца го хьуна? Маккхал ю-кх! (чеч. яз.) – Ты не видишь? Коршун!

⁹ Божарийн ц1ераш-м кхачийна аша. (чеч. яз.) – На вас (из-за вас) мужские имена закончились.

¹⁰ Ва, Кулсам, 1айг бац! (чеч.яз.) – Ва, Кулсам, ложки нет!

¹¹ «Бу-у-у», – боха ахь – борз яц хьо! Ши ма1а ю хьан – сту бац хьо! (чеч.яз.) – Буквально: Говоришь ты «Бу-у-у», но ты не волк! У тебя два рога, но ты не вол!

¹² Тезет (чеч. яз.) – панихида по умершему.

Заур Ганаев

Родился в 1990 г. в Грозном. Окончил городскую СШ №7. В 2007 г. поступил в ЧГУ на медицинский факультет. На втором курсе в 2009 году получил правительственную стипендию на продолжение учебы в Германии. После окончания языковой школы и немецкого колледжа в 2011 году был зачислен на медицинский факультет Университета Карла Эберхарда в городе Тюбинген, где учится и живет в настоящее время. Первые стихи, по признанию автора, были написаны осенью 2013-го года. «Нигде не печатался. Выделить кого-то из поэтов в качестве образца и властителя дум трудно и почти невозможно. В прозе – это Достоевский и Мопассан, Бунин и Хемингуэй».

Погляжу в глаза твои, двойник...

Наглядный город в сотню тысяч душ
 Наполнился вдруг неким осязанием
 Своей усталости, обнявшей эту глушь
 Бетонно-монолитным изваянием –
 Геометрически разглаженных углов,
 Согретых излучениями света,
 Каких-то звезд космический улов,
 Чьих замыслом
 пространство разодето.

В двадцать шесть
 почувствовать старость
 и усталость вконец.
 Боже, сколько еще мне осталось
 от древесных колец?
 Приближать не решаюсь кончину,
 но отсрочек боюсь.
 Боже, разве уже не причина –
 то, что я не борюсь?

Кофе остывает. Тают лица.
 Веки наливаются свинцом.
 Пусть ему сегодня не приснится
 смерть с ее простреленным лицом.
 Свет горит. Дыхания не слышно.
 Тень волной не пролилась на грудь.

Тает снег, рассыпанный по крышам,
 и свеча, что некому задуть.

Просыпается утром подушка,
 Как и прежде – отец и мать.
 Свежесваренный кофе в кружке.
 А на все остальное – плевать.
 Наплевать на грядущее трижды,
 На удачу, лишение средств,
 Лишь бы мама жива была, лишь бы
 Жил отец.
 Я не знал никого среди дЕдов.
 Их земля приютила давно.
 Ничего я о смерти не ведаю,
 Мне и жизнь-то понять не дано.
 Но одно обреченное «но»
 Повторяю сквозь бешеный свист –
 Как-нибудь я очнусь перед сном,
 Чтоб навеки покинуть жизнь.

Погляжу в глаза твои, двойник,
 Вижу в них исчадие печали.
 Часто незнакомцы замечали –
 В бездну опрокинутый тайник.
 Погляди же и в мои напротив,
 Как я пуст, отчаян и юродив
 И как чисто отражен твой лик.

Вечер тусклою лампадой
 Догорал;
 Жизнь чинила мне преграды,
 Я страдал.
 Ночь была моей подругой
 И сестрой;
 Я спасался под упругой
 Вечной тьмой.
 Только образы предметов
 Я ценил,
 Преисполненных не света,
 Но чернил.
 Отдаленные свеченья
 Мне близки,
 Рвущих драму в приближеньи
 На куски.
 Нету в ночи изначально
 Перемен,
 Я люблю ее молчанье,
 Как и плен.
 Безглагольное обличие
 Теней;
 Все же всякое величие
 За ней.
 Побежденные бессмертием
 Тиши,
 Ревность, слава и отчаянье
 прошли.
 Все бессмыслица, за исключением
 Снов,
 Но и те тьма запирает
 На засов.
 Столько тихого пространства
 Под луной;
 Никакого иностранства –
 Не за мной...
 Вечер тусклою лампадой
 Догорел;
 Я смирил свою досаду
 И удел.

Там утро у тебя, здесь – строгий мрак;
 Там, кажется, гармония и лира,
 И всякий очарованный моряк
 Найдёт весь мир в той малой части
 мира...

На синей мрачной глубине
 Чуть слышатся морские стоны –
 О том, кто плыл к своей мечте
 Но, не доплыв, здесь похоронен.

Как жизнь бесчувственной рукой,
 Не зная жалости к стараньям,
 Обогащает мир морской
 Печальной аурой стенанья.
 Под толщей вод и донных гуш
 Мои покоятся надежды,
 Мне жаль их оставлять там между
 Печальных песен мертвых душ.

Езжай, автобус! Я не побегу
 тебе вослед, как мало б ни осталось.
 Я вытерпел и больше не могу
 все время вызывать на лицах жалость.
 Эй, юноша, остынь, не торопись!
 Переведи дыханье, взгляд смелее,
 Держи осанку. Знай, что эта жизнь
 не терпит тех, кто гонится за нею.

Я иду по городу,
 По цветным бульварам,
 Не смертельно колотый,
 Но по жизни раненный.
 И хотя мне грезится
 Собственное тление,
 Не готов я мысленно
 Оседлать забвение.
 Ощущения близкие
 И слова негромкие –
 Про свою бессмысленность –
 Я в смятении комкаю...
 И иду, хромающий
 Под тяжелым бременем,
 Охватившем леностью
 Это поколение.
 Мои туфли – тертые,
 Оттого красивые.
 Среди людей мне нравятся
 Гордые и сильные.
 Мои брови жестки
 И, порой жестокий,
 Я похож на взрослого –
 Тем, что одинокий.
 По цветным бульварам
 Возвращаюсь в комнату –
 Окна замурованы
 И постель не тронута...

Хава Гагаева**И шел дождь**

И шел дождь,
 проливал на меня откровения.
 И шел дождь,
 расплывались сомнения.
 И шел дождь,
 с земли – прямо в небо.
 Все ждешь, все ждешь – когда
 птицы твои перелетят океан
 проблем бесконечных...
 Но лучше бы ты был беспечным.

И шел дождь,
 вливал в меня понимание.
 И шел дождь,
 собиралось внимание
 в бусины острые-острые.
 А ты все ждешь и ждешь – когда
 птицы твои перелетят океан
 проблем бесконечных...
 Но лучше бы ты был беспечным.

Я – наблюдатель тревожного кино,
 где главному герою в моем лице
 в конце не хватит воли.
 И все печальное сорвет
 последние надежды с того,
 кто врет своей душе.
 Как можно больше боли,
 товарищ режиссер!
 Быть может, видя воплощение роли,
 опережающей момент,
 еще успею выскочить из поезда,
 несущегося к пропасти...
 И мы с тобой не встретимся.

...и все так много говорят

Мне кажется, я видел скуку
 в глазах прекрасных.
 Безнадёжно,
 ты здесь один,
 не траться на сомнения –
 быть должен в курсе, что
 непобедим снаружи.
 И кто тебя увидит здесь,
 когда туман в сознании
 вибрирует печалью
 многократной?..
 Окном себя не называй,

влезай скорей!..
 (слова теряют в силе)

Засыпают
 компьютеры
 и телефоны,
 ты один
 на балконе,
 совсем один –
 на фоне
 умирающего неба.

Сфотографируй меня
 на память –
 через измазанный грязью
 объектив...
 Я ухожу.

как слог из песни пустоты
 точно неясные кометы
 летят сквозь тишину как ты
 и твоим голосом пропеты
 протянута волос тоска
 в иглы надежд жаль сроки вышли
 взираешь молча свысока
 на панораму своих мыслей

заразились перфекционизмом
 отрастили клыки и когти
 отравили эфир цинизмом

и взираем глазами злости
(на любви ускользнувшей след)

судим строго и безвозвратно
отвращаем лицо от правды
неудобной но виновато
мы не чувствуем себя
нет

кто-то прячется в слабом сердце
проявляясь в словах глубоких
распакуйте еще не мертвец я
а хозяин тех слов немногих

беги сквозь лес
своих сомнений гибких
кустарников пустых проблем
болот из вязкой лжи
из липкой
искусственности плен

настоянные на молчании
слова приобретают вес
уставший от отчаяния
боль сердца прячешь в спесь
немыслима и вязка
твоих сестер тоска
что въелась в лица маски
улыбками оскал

И ничего не говорю
вот только руки опускаю
в безводную печаль твою
куда стекается, я знаю,
все то, что недоприжилось
и даже более, но разве
забудешь, что всего лишь гость,
а горечь растворится в правде?

я навсегда останусь полоумной
далекой от нормальности
меня воротит от формальностей
и голосов компаний шумных

в уютной тьме

я сижу на дне
безнадежных дней
и в растоптанный пейзаж души моей
падает луч солнца

так лежать в уютной тьме
хотелось мне
слушая рост растений в тишине
но что-то странное вползает
вглубь меня
и вынуждает выходить на свет

распускаю злость
и из сердца кость
вынимаю чтобы выточить фигурку
глупости

так лежать в уютной тьме
хотелось мне
слушая рост растений в тишине
но что-то странное вползает вглубь
меня
и вынуждает выходить на свет

Рыба

В мое окно влетела рыба,
села напротив моего лица.
она смеялась, точно знала
все то, на что я обречена.
Она махала плавниками,
изменяла все вокруг,
она охотилась за сознанием –
но в этот миг я проснулась вдруг.

В мое окно втекало солнце,
испепеляя остатки сна.
Оно смеялось, точно знало
все то, на что я обречена.
Оно втекало в мое жилище,
все приближало горящий круг,
оно охотилось за сознанием –
но в этот миг я проснулась вдруг.

В меня сочилась бледным светом
необъяснимая тишина –
знание о том, что в этом мире,
до безысходности, одна.
Предчувствие другого мира
сжало сознание со всех сторон,
затем рассеялось в эфире...
Едва ли это был просто сон.

Слова все врут

Расскажи, с чего все началось,
зародилось –
чтоб пролиться однажды,
остаться с тобой навсегда.

Кто-то любовью зовет,
но ты в курсе,

что слова все врут,
слова все врут –
и им совсем не жаль тебя.

Как мне с тобой говорить –
ты не слышишь
шелеста слов, запаха мыслей –
ты не здесь?..

Кто-то любовью зовет,
но ты в курсе,
что слова все врут,
слова все врут –
и им совсем не жаль тебя.

То, чего нет

Небо разрезал самолета след,
душу терзает то, чего и нет
в сущности, но боли яд
жжет плоть души, говорит:
отрезаны пути назад.

Развяжи глаза, неба бирюза
смотрит в тебя и видит.

Солнца стекает жидкий свет,
душу терзает то, чего и нет.
Выпей боль, но выплюнь яд.
Отрезаны все пути,
все пути назад.

Развяжи глаза, неба бирюза
смотрит в тебя и видит.

Ты тонешь в обещаниях города,
все тот же сон вдыхаешь день за днем.
Невидимым спиралям ты
сказал бы «да», но не в этот раз,
снова не в этот раз.

Развяжи глаза, неба бирюза
смотрит в тебя и видит...

Падаем

Завяжет мне рот – и вот,
в волосах найдет приют.
Забегит в меня искать –
ту, кем я могла бы стать.

Падаем, падаем, падаем,
сонные, в липкую мягкость тишины.
В ней нет нас, а все, что в нас плавится,
есть нечто чуждое
и с привкусом вины.

Возвратись с собой и вой,
если обнаружишь боль.
Ты не пел, хотя умел –
просто позабыл, что смел.

Падаем, падаем, падаем,
сонные, в липкую мягкость тишины.
В ней нет нас, а все, что в нас плавится,
есть нечто чуждое
и с привкусом вины.

по ту сторону

по ту сторону
где-то возле мы
как круги по воде
мироздания

черным вороном
не стать голубю
но меняет цвет
сознание

делит поровну
кто-то вовремя
радость тишину
отчаяние

озером пустоты
затопило мечты
вновь один на один
с молчанием

Падай в тишину, смотри,
куда ведут дороги сердца.
Слушай и признай свою вину –
может, кто тебя найдет –
до того, как ты
опустишься на дно...
Опустишься на дно.

Там, где прольется правдой
нам на плечи боль,
мы разбежимся в лето,
упадем лицом...
Стань моим веслом.

В дебрях слов и смыслов мы
терялись часто, позабыли,
где наш в этом мире дом.
Блуждали в снах и глупых мыслях,
и иллюзий дым
нам застилал глаза,
хотелось скрыться за

тем, где прольется правдой
нам на плечи боль.
Мы разбежимся в лето,
упадем лицом...
Стань моим веслом.

Ночь входит сквозь окно,
и с ней ты не одинок.
Смотри в ее глаза,
и правду, что сказать
нет слов, сохрани внутри.

Ты был когда-то прав,
что от того осталось?
Слишком твердый нрав
и твоя усталость
текут сквозь слов
оброненную малость,
словно герой из снов.

И в царстве темноты
ее прозрачные цветы,
тобой неузнанные будто.
Но это не так,
и вовсе не знак
того, что ты опоздал –
ты все уже знал...

Мы не можем взять с собой взрослых,
мы застрянем здесь навсегда,
в струях пряных волос ее легких –
пустота.

Мы не можем взять с собой память,
мы должны уйти налегке.
Нам мигают огни неизвестного
Вдалеке.

Мы не можем остановиться,
мы забрались так высоко.
Нас пленяет падение птиц –
в синее молоко.

Мы назад никогда не вернемся,
растворимся в бездне прыжка.
Нас запомнит сияние звезд, порхание
Бражника.

Сядь в мою лодку,
усни на волнах робких...
Где твоя память
о тех берегах?
Нарисуй двери, толкни,
чтобы выйти сквозь
стены своей
обусловленной жизни...

Только не верь в лишний бред:
большей глупости нет.
Нашей старости цвет
никогда не распухнет.

Птицами ветер
прошитый несветел.
Ты знаешь, все двери
в твоей голове.
Встав на рассвете,
припомнишь слова эти –
а мне б догадаться,
о чем ты молчишь.

Только не верь в лишний бред:
большей глупости нет.
Нашей старости цвет
никогда не распухнет...

Хаваж Цинцаев**Генара захало***

Рассказ-быль

После очередной деловой поездки я возвращался домой в купейном вагоне поезда «Астрахань – Грозный». Соседями по купе оказались немолодые уже супруги, как оказалось, из села, расположенного на правом берегу Терека на севере Чечни. Ехать предстояло всю ночь. Чтобы как-то скоротать время в пути, мы достали из сумок и пакетов свой нехитрый провиант, который еле уместился на маленьком столике. Лениво пожевывая и иногда припадая к бутылке с водой, мы с соседом повели наш неспешный разговор. Его жена, скрестив руки на груди, прислонилась спиной к стенке купе, смотрела неизвестно куда и в завязавшейся беседе участия не принимала. Сразу представиться друг другу мы как-то не догадались.

«В процессе общения найду повод и познакомлюсь», – решил я и не стал на этом заикливаться.

Вдали за окном изредка мелькали огни, колеса вагона стучали на стыках рельсов, отбивая знакомый ритм и свое «тыг-дыг, тыг-дыг». Поезд слегка покачивался и уверенно шел в ночь, разгоняя впереди густую тьму светом своего прожектора.

Мой спутник оказался хорошим и умелым рассказчиком. Я с интересом слушал всякие забавные житейские истории, случившиеся с ним самим и с его друзьями и знакомыми. Узнал, что его зовут Вахид. Чтобы как-то поддержать разговор, надо было и самому вспомнить и поведать пару историй. Но я заметил, что жена Вахида к еде не притрагивалась и, не меняя позу, задумчиво сидела рядом со своим мужем, уставившись в черное стекло окна.

«Может быть, она стесняется меня, поэтому не кушает», – подумал я и вышел в коридор вагона. Бесцельно побродил с одного конца вагона в другой, чтобы убить время. Постоял еще минут пять у открытого окна рядом с купе проводницы, которая на тот момент отсутствовала. Дождавшись ее, заказал три чая и вернулся в наше купе.

Разговор наш возобновился и плавно перешел на обычаи, свадебные обряды чеченцев, на их особенности у равнинных чеченцев, проживающих на Тереке, и чеченцев, проживающих в предгорных и горных районах республики. Так как я оказался представителем тайпа варандой, к последним отнесли и меня, хотя я всю свою сознательную жизнь прожил в столице республики. Я не возражал.

Видимо, эта тема была близка и интересна нашей спутнице. Ее глаза загорелись, она поменяла позу. А тут и чай подоспел, который предрасполагал к продолжению разговора. Она вспомнила об одном удивительном случае двадцатилетней давности, который произошел у них в районном центре. И добавила при этом, что ни до этого случая, ни после него подобные истории она не слышала. Я ухмыльнулся. Эта история была мне очень даже хорошо знакома до мельчайших подробностей, да еще как! Ведь я был непосредственным участником этих событий, чуть ли не их главным действующим лицом. Но все по порядку. К моим спутникам в поезде мы еще вернемся...

У чеченцев приветствуется жениться на девушке, которая живет в одном селе или, в крайнем случае, в одном районе с женихом. Во всяком случае, родители жениха и невесты всячески стремятся к этому. На то есть несколько причин.

* Дальнее сватовство (чеч. яз.)

Во-первых, маловероятна ошибка в выборе спутника жизни. Все знают все обо всех. Во-вторых, так легче в будущем поддерживать родственные отношения, когда каждое мало-мальски значимое семейное событие не обходится без участия родственников. Но, как говорится, сердцу не прикажешь. Бывают и исключения из правил. Ведь традиция не традиция, если не имеет свойство иногда нарушаться.

Молодой человек по имени Мусост с небольшого предгорного села и Зулай с районного центра на Тереке с благословения родителей решили связать свои жизни семейными узами. Нельзя сказать, что случай невиданный доселе, но из разряда редких, учитывая, что между домами молодых людей огромное, по местным меркам, расстояние. Но выбор был сделан. Наступила пора предсвадебных хлопот. В республике было неспокойно. Происходили события, которые волновали общество. На улицах городов и сел все чаще стал появляться человек с ружьем. К нему уже привыкали. Три года назад рухнул, канул в лету, приказал долго жить, казалось бы, нерушимый и могучий СССР. С мечтой о коммунизме пришлось распрощаться. Республику спешно покидало русскоязычное население. Привычный уклад и распорядок стал забываться. Понятия «плюрализм мнений» и «демократизм», которые вошли с подачи власти в моду в начале перестройки, переросли все допустимые пределы. Махровым цветом расцвела буйная митинговщина. Популярное в начале века, а потом забытое слово «оппозиция» снова стало модным. К ней причислялись все те, кто не согласен с политикой существующей власти. К оппозиции относился и районный центр, в котором проживала будущая невеста Зулай. Там объявили об автономном существовании района и о неподчинении существующей власти. Там же обосновалась и главная группировка оппозиции. Народ замер в тревожном ожидании чего-то неординарного и непредсказуемого.

А жизнь продолжалась, подчиняясь своим неписаным законам. Люди, как в той песне, встречались, влюблялись, женились, замуж выходили, разводились и вновь сходились. Предстояло сыграть свадьбу и нашим молодым – Мусосту и Зулай. Все видимые хлопоты по организации и проведению такого важного в жизни каждого человека события у чеченцев обычно проводятся без участия жениха. Он даже не показывается публично на своей свадьбе. День свадьбы был назначен. За неделю до свадьбы Мовта, отец Мусоста, позвал вечером к себе своих младших братьев Дагуна и Хамзата. Для обсуждения, так сказать, некоторых организационных и технических моментов и деталей предстоящего мероприятия и принятия решений по ним. После того, как были поименно определены мулла и сваты, которые поедут в назначенный день в дом родителей Зулай, разговор перешел на самую большую тему.

– Расстояние между нашими селами немалое, – сказал Мовта. – Время в дороге – почти 3 часа. Более 120 километров пути, из них 20 километров придется проехать через весь город с юга на север и обратно. Необходимо также преодолеть Сунженский хребет, который разделяет оппозицию (пусть и пассивную на тот момент) и существующую «дудаевскую» власть. И те, и другие вооружены до зубов. Возможны провокации с обеих сторон.

– Ну и что? – спросил самый младший из братьев. – Волков бояться – в лес не ходить.

– А то, что соберется немало молодежи на автомашинах и за ними очень трудно будет уследить, – сказал Дагун. – Как бы ты их ни проинструктировал, ни пропесочил, найдутся те, которые будут устраивать гонки, лихачить. Неизвестно также, как поведут себя на дороге сторонники и противники власти Дудаева

– Вот и я об этом же, – добавил Мовта. – Не дай Аллах еще, чтобы на нашей свадьбе кто-то покалечился, разбил машины или что-то другое.

– Что делать? – спросил Дагун.

– А вот что, – ответил Мовта. – К назначенному времени отправляем в дом невесты сначала на двух машинах муллу со сватами. Через час тайно отправляем за невестой еще две машины. А здесь, на месте, не дожидаясь

невесты, организуем свадебные торжества: игра на гармонии, песни, пляски и прочее.

Видно было, что этот план у него созрел и был заготовлен задолго до встречи братьев.

– План хороший, но молодежь это не остановит. Они, если не вместе, так по одному, по двое выдвинутся на машинах в сторону Терека и могут набедокурить больше, чем если поехали бы вместе и организованно, – добавил Хамзат.

– Ну хорошо, возвращаемся тогда к изначальному вопросу: что делать? – спросил Дагун.

– Да-а... Вот незадача, – потер рукой висок Мовта.

В комнате повисла гнетущая тишина. Каждый из трех братьев представлял поездку свадебного кортежа автомобилей и что может произойти в пути. Картины рисовались нерадужные, у страха-то глаза велики. И вдруг нависшую тишину нарушил какой-то далекий своеобразный звук, напоминающий жужжание. Звук приближался и нарастал. А потом послышался громкий и свистящий шум винтов вертолета, который резво пролетел над крышами домов. Откуда он взялся? Для этих мест вертолет большая редкость. Стой, стой... Эврика!!! Всех троих одновременно осенила блестящая мысль. Невесту надо доставить по небу на вертолете! Пусть это будет невиданным делом, не имеющим у нас в республике прецедента. Но в данном случае – это выход из положения. Все трое радовались не меньше древнегреческого математика Архимеда, который, согласно легенде, совершенно случайно, принимая ванну, открыл основной закон гидростатики, названный его именем. Расходились братья довольными, договорившись, что на следующий день каждый из них по своим каналам наведет справки, где и как можно арендовать вертолет.

На следующий день, по совету одного знакомого, Дагун поехал с утра в аэропорт. Дождался начальника, который в сопровождении двух человек стремительным шагом направился в кабинет, не то что не поздоровавшись, но даже не удостоив его взглядом. Дверь за ними плотно закрылась. Через некоторое время еще три-четыре человека шумно ввалились в кабинет начальника.

«Ну, это теперь надолго, – подумал Дагун. – И секретаря же нет, чтобы через нее попросить принять его».

Но ждать пришлось недолго. Видимо, начальнику доложили, что в приемной сидит посетитель. В дверь выглянул один из тех, кто заходил с начальником раньше, и спросил у Дагуна:

– Молодой человек, вы по какому вопросу?

– Мне бы к начальнику попасть... У меня личный вопрос, – ответил Дагун.

– Ну, заходи.

– Слушаю тебя внимательно, – произнес человек, сидевший во главе стола.

– Да, у меня один деликатный, так сказать, личный вопрос, – начал робко Дагун.

– Говори, не стесняйся. Тут все свои, – весело сверкнул глазами начальник и переглянулся с сидевшими в кабинете.

Дагун обвел взглядом присутствовавших в кабинете, посмотрел в упор на начальника и решительно произнес:

– Мне нужен вертолет.

– Вертолет? Зачем? – удивился начальник аэропорта. – И какой тебе нужен вертолет: боевой, транспортный или спортивный?

Дагун понимал, что его сейчас засмеют, и не торопился с ответом. После некоторой неловкой паузы он все-таки выпалил:

– Надо полететь за невестой племянника.

Брови начальника взметнулись вверх. А потом удивление сменилось взрывом хохота. Но продолжалось это недолго.

– До чего дожили, а? На телевидение приходят сделать объявление о пропаже телки, теперь вот вертолет пришли заказывать для свадебной процессии. Вот она хваленая демократия, вот она вселенская дозволенность, – не мог успокоиться начальник. Все опять приняли серьезный вид и внимательно стали разглядывать посетителя.

– Я понимаю ваши сомнения, – продолжил Дагун. – Но я не тот идиот, за которого вы меня приняли. Вы послушайте меня.

И Дагун изложил всю сложившуюся ситуацию, которую они накануне обсуждали у Мовты. Рассказал даже о том, как им пришла в голову идея с вертолетом. Начальник и присутствующие в кабинете по-другому уже отнеслись к визиту Дагуна. Вопрос тут же был решен положительно. Договорились, что мощный транспортный вертолет семейства «Ми-8» прилетит к часу дня в райцентр, откуда мы должны забрать невесту, и сядет на поляну у околицы села рядом с проходящей автомобильной дорогой. Во избежание всякого рода непредвиденных ситуаций договорились также, что до поры до времени о транспортировке невесты никому сообщать не будут.

В назначенный день свадьбы в доме Мовты с утра было хлопотно. Самые близкие родственники были в сборе. Нет-нет, подходили и другие гости. Хотя кульминация такого мероприятия приходится обычно к прибытию невесты в середине дня. Но жизнь внесла свои коррективы в сегодняшний распорядок дня, так как случилось непредвиденное. Накануне в один из домов в селе пришло горе. Ушел из жизни глава семейства, который являлся дальним родственником Мовты. И жил он рядом со школой, на спортивной площадке, на которой и планировали посадить вертолет с невестой. В другом случае, при других обстоятельствах свадьба была бы отложена и перенесена на более поздний срок. Здесь же решили мероприятие не затягивать, невесту забрать, но свадебные торжества в доме Мовты не проводить. Конечно, случившееся сильно осложнило планы на сегодня. Но надо было выходить из положения. В двух-трех километрах от села находились пионерские лагеря. Решено было, что вертолет произведет посадку на футбольном поле одного из них. Там же будут собираться и все гости, прибывающие на свадьбу. В ожидании прилета вертолета с невестой там же организуют музыку, будут танцы. Есть и детям где поиграть.

Часов в 10 две машины тронулись от дома жениха. В них находились мулла, двое авторитетных родственников Мовты в роли сватов, Хамзат, две сестры жениха и его совсем юный двоюродный брат в качестве видеооператора. Условились, что делегация по прибытию на место совершит все традиционные в таких случаях свадебные обряды. Дождется прилета винтокрылой машины и только тогда сообщит родственникам невесты о своем намерении доставить невесту в дом жениха по воздуху. Затем везут невесту к вертолету, который произведет посадку на поле, расположенном на окраине села. Сама площадка находится буквально в 500-х метрах от родительского дома невесты. Подъехав на машинах к вертолету, невеста и сопровождающие ее лица пересаживаются в него. Вертолет тут же поднимается и улетает в южном направлении. План был такой. Как получится на деле – знал только Всевышний.

Через два часа с небольшим машины со сватами доехали без приключений до места назначения. Там их уже ждали. Встретили гостей, как и подобает, тепло и радушно. Родительский дом невесты впечатлил гостей своими большими размерами и богатым интерьером. Прибывших женщин повели сразу в комнату невесты. Сватов пригласили за празднично накрытые столы, заставленные всевозможными яствами. Все улыбались, шутили, атмосфера соответствовала такому важному мероприятию. Щупленький любитель-видеооператор, привезенный гостями с собой, носился с массивной кинокамерой («Панасоник»), которая еле умещалась на его хрупком плече. Он старался запечатлеть все происходящее. То кружил вокруг столов, за которыми сидели добродушные

хозяева с гостями, то убежал в комнату невесты, где царила обычная в таких случаях суматоха.

Мулла, выполняя свою главную миссию, провел в соседней комнате обязательный обряд с участием невесты. На главный вопрос муллы, согласна ли она стать женою Мусоста, невеста ответила утвердительно. Соблюдая и остальные формальности обряда, процедуру на этом закончили, и мулла вернулся к столу. Все уже поели, попили, но вставать из-за столов не спешили. Хозяева ждали, когда гости засуетятся, собираясь в дорогу. А гости, переглядываясь друг с другом, с волнением ждали, когда услышат стрекот вертолета в небе над селом. Ненадолго воцарилась неловкая пауза, ее тут же прервал мулла, который повел разговор о предопределенности человеческих судеб.

– В исламе судьба – это не случайность, не слепой рок. Судьбой каждого человека управляет Всевышний, – начал он. – Вы думаете, то, что мы сегодня находимся здесь, – это случайность? Отнюдь. Наши молодые еще не родились, когда их судьбы были уже предопределены Всевышним. Но в исламе дается выбор между добром и злом. Только от самого человека зависит, какая у него будет судьба: праведная или беспутная.

– И вот что я хотел бы добавить, – продолжил мулла. – Чего скрывать, найдутся злопыхатели с обеих сторон, которые будут подвергать сомнению правильность заключаемого сегодня брака. Про нас будут говорить: «Неужели они не могли найти невесту у себя дома?» Про вас то же самое будут говорить: «Неужели они не могли выдать свою дочь у себя дома?» Зачем обоим сторонам этот «генара захало»? Так вот, я им хочу ответить: не берите грех на душу. Этот брак заключен на небесах, он от Всевышнего. И как в той, ставшей у нас знаменитой, притче, раз молодых и их родителей устраивает этот брак, если им – хорошо, то пусть всем остальным будет – ладно, – весело закончил он свой монолог, подмигнув при этом одному из хозяев.

– А что за притча? – спросил тот.

– У нас все знают эту притчу. Хас-Магомед, расскажи-ка, – улыбаясь, обратился мулла к одному из сватов, который приехал с ним.

– Когда чеченцы находились в высылке в Казахстане, наш односельчанин Зубайра женился в начале 50-х годов, вопреки воле своих родителей. Его избранницей оказалась не односельчанка, а девушка из соседнего в Чечне села. Отец Зубайры, Иса, был недоволен выбором сына, так как у него с женой (матерью жениха) была на примете девушка из хорошо знакомой семьи с их села. Зубайра был поставлен об этом в известность, но проявил своеволие. Родителям пришлось смириться. Однако досада и обида не отпускала их. Об этом знали все родственники Исы, его соседи и друзья. И каждый раз при встрече подначивали его, как бы подстрекая, одним и тем же вопросом: «Ну, как сноха? Доволен ли ты ею?» Иса мужественно уходил каждый раз от ответа. Не мог он довериться людям, чтобы они потом при каждом удобном случае (он-то знал) посмеивались над ним. Однажды, когда эти вопросы порядком уже надоели, Иса положил им решительный конец своей, ставшей впоследствии афоризмом, фразой: «Зубайре – хорошо, Исе – ладно!» Больше никогда ни у кого вопросов к Исе по поводу невестки не возникало, – закончил Хас-Магомед. Все оживились, заулыбались. Притча всем понравилась.

Не прошло и минуты, как наконец-то вдалеке застрекотал вертолет, жужжа, как стрекоза. Шум приближающейся винтокрылой машины все усиливался. Вертолет сделал пару кругов над селом, как бы давая сватам понять, что он на месте. Гости торжествующе и многозначительно посмотрели друг на друга.

– За нами, кажется, прилетели, – объявил мулла. И сообщил хозяевам потрясающую весть: вертолет, кружащий над селом и уже привлечший внимание всей округи, прилетел за невестой.

Тут началось такое. Все в огромном родительском доме невесты пришло в движение. Новость, что невесту будут забирать на вертолете, моментально стала достоянием каждого. Сказать, что она сильно удивила всех, значит,

ничего не сказать. Новость всех ошеломила. Но наступило время собираться в дорогу. Хамзат направился к комнате, в которой готовили невесту. Прошла традиционная процедура «купи-продай». Немного поторговавшись для приличия, Хамзат заплатил символическую сумму зелененькими родственнице невесты – выкуп за невесту. И со словами:

– Бисмиллах! Ирахьманирахьм... С сегодняшнего дня ты становишься нашей снохой, – взял за руку дрожащую от волнения и смущения Зулай.

Со всех сторон в адрес молодоженов неслись пожелания счастья, мира и согласия. Хамзат, тоже заметно волнуясь, с невестой, которую он держал за локоток, торжественно и величаво прошел через длинную прихожую, по обе стороны которой выстроились ряды провожающих. Под их одобрительные возгласы процессия медленно спустилась по парадной лестнице, у которой уже стоял автомобиль. На его заднем сиденье невесту ждала одна из сестер жениха. Другая помогла невесте сесть в машину и сама села рядом с ней. Хамзат закрыл за ними дверь, пожелал всем удачи, благоденствия, помахал рукой и сам тоже сел в машину рядом с водителем. И колонна из двух машин тронулась с места.

Что удивительно, в дороге им ни разу не пришлось останавливаться. Обычно мальчишки несколько раз преграждают дорогу колонне с невестой, требуя свой выкуп. Это обычай такой. Иногда и взрослые не гнушаются заниматься таким промыслом. Особенно часто это делается на близлежащих к домам невесты и жениха улицах. На дорогу несут все подряд, что попадает под руку: жерди, ветки, бревна, куски старого кровельного покрытия. Лишь бы машины в свадебном кортеже не могли проехать. Местные мальчишки заранее знали о сегодняшнем событии и были подготовлены к нему. Но их планы нарушил прилетевший вертолет. Правда, он был не голубым, как в той любимой всеми детской песенке Крокодила Гены из популярного мультфильма, а цвета хаки. Но вполне может оказаться, что на нем прилетел вдруг волшебник, который и кино им бесплатно покажет, да еще и все пятьсот эскимо оставит. Вся ребятня убежала на окраину села поглазеть на это чудо. Поэтому дорога и оказалась свободной и до вертолета доехали быстро.

И вот какая картина предстала перед ними. Вокруг вертолета собралась огромная толпа зевак, которые пришли, прибежали, приехали поглазеть на этого монстра, похожего на гигантскую стрекозу. Толпа все увеличивалась. Автомобили, следующие в оба направления по проходящему рядом шоссе, съезжали на обочину, останавливались. Люди с них тоже присоединялись к толпе и наблюдали за происходящим. Никто не знал, с какой целью прилетел вертолет, как долго он будет еще стоять. Вопросы друг другу повисали в воздухе. Двигатель вертолета не был выключен и его длинные лопасти продолжали вращаться. Воздушные потоки ураганной силы заставляли людей держаться на расстоянии от машины. Особенно любопытным, которым не терпелось подойти ближе к вертолету, приходилось наклоняться вперед.

– Почему они не выключают двигатель? Как посадить невесту на борт машины в такой экстремальной ситуации? Что станет с прической невесты, с ее свадебным платьем? – эти и другие вопросы промелькнули в голове у Хамзата. Он даже подумал, что пилоты не выключают двигатель, опасаясь непредсказуемых действий со стороны толпы, чтобы в любой момент можно было подняться в воздух. Не надо забывать о том, что здесь, на Тереке, дислоцировалась так называемая оппозиция к власти. Да мало ли что могло произойти?

Тут он увидел, что на вертолете их заметили. Открылась небольшая дверь транспортного отсека вертолета, которая располагалась сбоку, недалеко от кабины пилотов. Из нее выпрыгнул человек в гражданской одежде и стремительно подбежал к машинам с невестой. Им оказался дальний родственник Мовты и его братьев, который тоже прилетел с вертолетчиками за невестой. Он и сообщил Хамзату, что у ребят аккумулятор на машине слабенький. Поэтому они и боятся выключить двигатель.

Предстояло под этими мощными потоками воздуха, разгоняемого вращающимися винтами машины, доставить невесту на борт. Хамзат дал команду племянницам вывести невесту из машины. Увидев невесту, толпа ахнула. Теперь всем стало понятно, почему прилетел вертолет. Сразу встал другой, не менее интересный вопрос: чья же она дочь, эта возмутительница спокойствия? Но опознать невесту не получилось. Хамзат снял с себя легкий пиджак, накинул его на голову невесты, чтобы хоть как-то не повредить ее прическу. Нагнувшись вперед и слегка отворачиваясь в сторону, он побежал вместе с невестой к вертолету. Сопровождающие таким же образом последовали за ними. Мощные потоки воздуха мешали продвигаться вперед, чуть ли не срывали с них одежду. Добежав до трапа, Хаваж первым запрыгнул в чрево вертолета, затем помог подняться по приставленному небольшому трапу сначала невесте, а затем и племянницам. Поднялись и остальные, кто должен был лететь: один из сватов, видеооператор и родственник Хамзата, который прилетел на вертолете. Волосы у всех были растрепаны, порывы ветра привели их в ужасный беспорядок. И только у невесты прическа сохранилась в первоначальном виде благодаря находчивости Хамзата.

Кабину пилотов отделяла от отсека, в котором расположилась свадебная процессия, небольшая стеклянная перегородка. К тому же верхняя часть этой перегородки отсутствовала. Один из пилотов повернулся и коротко проинструктировал пассажиров вертолета, как вести себя при взлете, полете и посадке. И в заключение предложил пристегнуть ремни безопасности. На что один из летевших пошутил:

– Боитесь, что мы выпадем?!

– Ну, смотрите сами. Настаивать не будем, – улыбнулся пилот в ответ.

Хамзат подошел к перегородке, передал вертолетчику черный пластиковый пакет и попросил вытряхнуть его содержимое за окно, когда вертолет поднимется. Пилот взял довольно увесистый пакет, подозрительно посмотрел на Хамзата и спросил:

– Что у тебя там?

– Денежки детишкам на мороженое...

Летом 1993 года Россия вышла из рублевой зоны СНГ, объявив о прекращении хождения на своей территории советских рублей. Были введены новые бумажные деньги номиналом в 100, 200, 500 рублей, а также 1000, 5000, 10000 и 50000 рублей. Покупательная способность этих денег была низкой. При курсе 1000 рублей за 1\$ деньги, по сути, обесценились. К тому же, поговаривали, что в Ичкерии скоро будут вводить свою национальную валюту – нахар.

В такой ситуации Хамзат специально заготовил несколько тугих новеньких пачек денег в банковской упаковке достоинством в 100, 200 и 500 рублей. В каждой из которых обычно бывает 100 купюр или, как их еще называют, казначейских билетов. При этом в финансовом плане Хамзат не очень-то и пострадал, не разорился. Зато детишкам сколько радости будет! Он вскрыл эти пачки, перемешал все хрустящие банкноты и собрал их в довольно внушительный пакет. Тот самый пакет, который он только что передал пилоту.

Наконец взревел двигатель вертолета. Винты, которые не останавливались ни на миг, стали вращаться с еще большей скоростью. Стальная машина вздрогнула, затряслась и оторвалась от земли, словно большая неторопливая стрекоза. Сухая прошлогодняя трава вместе с пылью поднималась потоком воздуха, создаваемым винтом машины. Вертолет взмыл и метрах в тридцати от земли завис. Под ним прыгала, кричала что-то, махала руками собравшаяся толпа людей. Вертолетчик открыл форточку в боковом окошке кабины, высунулся в него с пакетом и высыпал его содержимое на головы людей. Часть денег, подхватываемая потоками воздуха, устремилась вверх, часть разлетелась во все стороны. А вертолет устремился вперед.

Виновница торжества сидела, как ей и подобает, молча, потупив свой взор, устремленный под ноги. Она старалась ничем не выдавать своих чувств. Зато остальные восторгались открывающимися с высоты птичьего полета чудесными

пейзажами. Погода стояла чудесная. Ярко светило солнце. По голубому небу ползли редкие белые облака. Картины внизу менялись, как в калейдоскопе. Медленно проплывали поля: заброшенные серые, свежеспаханные, черные и густо-зеленые, засеянные озимыми. За ними серпантинном вилась дорога, по которой, словно игрушечные, туда-сюда сновали автомобили. От одного окна к другому носился парнишка-видеооператор, стараясь запечатлеть все это.

Над городом вертолет пролетать не стал, обогнул его с западной стороны. Время в полете оказалось не таким большим. Всего каких-то сорок минут. И вот уже незаметно стали подлетать к пионерскому лагерю. Он располагался на северной стороне хребта, который тянулся с запада на восток. Сразу же за хребтом располагалось село жениха. Но туда лететь не стали, как и договаривались. А внизу, на футбольном поле пионерлагеря, вертолет встречала другая уже многочисленная толпа. Все отчаянно жестикулировали, махали руками. Дети бегали, прыгали, скакали вприпрыжку от восторга. Раззадоривая толпу, вертолет стал делать круги. Пилоты не сразу заметили, что погода вдруг стала потихоньку меняться. Такая смена погоды – привычное явление здесь, в предгорье, особенно весной. Солнце исчезло, со стороны Аргунского ущелья, которое начинается здесь же, набежали свинцовые тучи, небо потемнело, и начал накрапывать дождь. Встречающие, не желая намокнуть, стали разбегаться кто куда. Кто-то спрятался в здесь же стоящих на поле машинах, на которых они приехали. Кто-то укрылся в беседках, расположенных недалеко от приготовленной посадочной площадки. Вертолет покрудил еще какое-то время и завис в двух-трех метрах от земли. Хамзат подошел к кабине вертолетчиков и прокричал:

– Почему не садимся?

– Площадка неровная, уклон превышает допустимые 7 градусов. Трава мокрая. Еще и ветер, хотя и несильный. Есть опасность, что вертолет не устоит и скатится. Для посадки надо искать другую площадку, – скорее всего, вертолетчик убеждал себя в правильности принятого им решения, чем объяснял Хамзату сложившуюся ситуацию. А, может быть, и то, и другое.

Вертолет снова стал набирать высоту под усиливающимся дождем. Затем он перелетел через проходящую рядом автомобильную дорогу и примыкающую к ней ореховую рощу. И оказалось над свежеспаханной полосой поля шириной около 40 метров, которая перпендикулярно к дороге тянулась вдаль. С одной стороны полосу обрамлял кустарник, куда могли подъехать автомобили. С другой стороны на протяжении всей полосы тянулся склон. Но на одном его месте пилоты все-таки нашли более-менее подходящую небольшую площадку и подлетели к ней. Вертолет закружился на месте, всеми своими действиями давая понять встречающим, наблюдавшим за ним из машин, что он собирается производить посадку. А потом снизился и ненадолго завис над выбранной для посадки площадкой. В это время на противоположной стороне к кромке поля подъехали автомашины. Из них выскочило несколько человек, которые отчаянно замахали руками. Они громко что-то кричали, призывая вертолет садиться на пахоту прямо перед собой, куда они и показывали. Но там садиться тоже нельзя, поверхность площадки должна быть еще и твердой. А на мокрой пахоте шасси вертолета могло провалиться и увязнуть по самую раму. Несмотря на громкие крики и призывы встречающих, вертолет сел на выбранную им площадку. Его лопасти продолжали вращаться. Двигатель, как и там, на Тереке, не выключался. Между тем, дождь постепенно нарастал, превращая пахоту в месиво. Ждать, когда дождь прекратится, смысла не было. Еще неизвестно, когда он закончится. Надо было выходить. И тогда один из сватов, который летел на вертолете, воскликнул:

– Это же божья благодать! Верный признак того, что брак, заключаемый сегодня, одобрен небесной канцелярией! Хвала Аллаху! Айда на выход!

– Вперед! – крикнул еще кто-то.

– Ну что, девочки-мальчики! Все, что ни делается, все к лучшему! Первый пошел! – скомандовал, скорее всего, для самого себя Хамзат и первым

спрыгнул на землю. Приставил к вертолету заготовленный небольшой трап из двух ступенек и помог невесте спуститься по нему на землю. Остальные последовали их примеру. В лицо тут же хлестко ударили крупные капли дождя. Вращались неистово длинные лопасти машины, разгоняя потоки воздуха и струи воды. Ураганный ветер срывал фату с невесты. Полусогнувшись, неестественными движениями она пыталась ее удержать. Ее белоснежное кружевное платье трепыхалось на ветру. Все моментально промокли до нитки. Плотная стена дождя не позволяла видеть хоть что-то. Никто не знал, что делать и как преодолеть эти 40 метров, чтобы добраться до встречающих машин. У Хамзата возникло желание взять невесту на руки и побежать. Но эту мысль он тут же отогнал. Тем более, он мог увязнуть в этой жиже под ногами и плюхнуться вместе с невестой на руках.

И тогда Хамзат в отчаянии закричал и замахал свободной рукой, обращаясь к встречающим на той стороне поля:

– Черт возьми! Ну, что вы стоите?! Бегите сюда! Принимайте невесту!

Это подействовало. Двое племянников Хамзата, утопая по щиколотку в этом буром месиве, перебежали через пахоту к сошедшим с вертолета. Молча подхватили невесту с двух сторон под локоть и буквально потащили ее. Маленькие изящные ножки невесты, обутые в шикарные туфельки на высоком каблуке с налипшей грязью, поочередно то проваливались, то мелькали в воздухе, когда сопровождающие буквально под локоть выдергивали ее из грязи. Иногда ребята проваливались и сами, но каким-то чудесным образом умудрялись продолжить свой путь. Ливень не прекращался. Фантасмагория какая-то, и только!

Наконец-то дистанция была преодолена. Грязные, мокрые, посиневшие от холода и ветра участники свадебной процессии вместе с невестой добрались до машин. Кто-то догадался сразу укутать невесту в разноцветное одеяло, которое нашлось в одной из машин. Машина с невестой и ее сопровождающими с пробуксовкой взяла с места в карьер. Остальные автомашины рванули ей вслед. Выскочив на шоссе, они на бешеной скорости понеслись в село, не обращая внимания на лужи и на стену дождя. Дорога была свободной, никто их не останавливал. Кортёж автомашин, не снижая скорости, под звуки непрекращающегося весеннего дождя летел в село к дому жениха.

Я закончил свой эмоциональный рассказ. Мы продолжали сидеть в неподвижной тишине. Стояла глубокая ночь. В купе на потолке горел тусклый свет ночника. Было немножко прохладно. Поезд ехал по бескрайним калмыцким степям, привычно погромыхивая и покачиваясь на рельсах. Мой рассказ от 3-го лица произвел на супругов сильное впечатление и не перебивался ни разу. Но вопрос Вахида, прозвучавший после некоторой паузы, был логичен:

– А тебя как зовут? Столько общаемся, а ты не представился даже.

– Да, мы с самого начала не сделали это, а потом, задним часом, как-то неловко было. Пока не представится случай. Как сейчас, – улыбнулся я в ответ.

– Я давно догадалась, что ты – это Хамзат, – вступила в разговор женщина.

– Жаль, что я не такой догадливый, – хитро и задумчиво произнес я. И это прозвучало как вопрос: «А тебя как зовут?»

– Фатима, – тут же сообразила она.

И продолжила:

– Твой безумно интересный рассказ – это готовый сценарий для захватывающего приключенческого фильма. Я эти подробности не знала.

Я слышал, конечно, всякие небылицы от третьих лиц, которые отличались по содержанию и, порой, противоречили друг другу. Кто-то явно преувеличивал и привирал, кто-то упустил что-то, а кто-то и вовсе искажал происходившее в тот день. Наши новые родственники тоже знали обо всем только из путанных

рассказов своих односельчан. Так вот, мне очень интересно послушать рассказ очевидца тех событий, как говорится, из первых уст.

И Фатима начала свой рассказ:

– Да. Я, волей случая, оказалась тогда свидетельницей происшедшего у нас на окраине села. В тот день мы с братом и его семьей проезжали рядом с тем местом, где села эта огромная железная машина. Смотрим, стоит какой-то монстр с вращающимися длинными лопастями, с невыключенным двигателем. Вид угрожающий. Дети, которые ехали с нами, сразу закричали от удовольствия иметь возможность поглазеть на него. Мы остановили свою машину на обочине и подошли к толпе, которая окружила вертолет и шумно что-то обсуждала. Никто ничего не знал о цели прилета вертолета. Выдвигались разные предположения. Но в одном сходились все – прилетели «дудаевцы». Пилоты вертолета не выходили из кабины. По тому, что двигатель машины не выключался, все ожидали, что она вот-вот взлетит. Никто не уходил. Наоборот, количество людей, одолеваемых любопытством, все прибывало и прибывало. Все ждали развязки. И тут с автодороги, проходящей рядом, съехали два черных «мерседеса» и направились в нашу сторону. С первой, едва успевшей остановиться, машины выскочил молодой человек, оказывается, это ты, – посмотрев на меня, улыбнулась Фатима и продолжила:

– С задней машины вышли респектабельные солидные мужчины и парнишка с огромной кинокамерой, которую он тут же поставил на плечо и начал снимать. Затем с вертолета прыгнул мужчина, подбежал к подъехавшим на автомашинах и что-то им сказал. Люди в толпе не понимали происходящего. Тут открылась задняя дверь первой машины. Вылезла молодая женщина, которая сидела с края. А молодой человек наклонился к машине и за руку осторожно стал выводить невесту. Женщины, сопровождавшие ее, помогали ей. Вот теперь все все поняли. «Дудаевцы», оказывается, прилетели за невестой. Собравшиеся пытались друг у друга выяснить, кто же эта невеста, чья она. Приходилось неистово кричать из-за шума винтов. Но никто ничего не знал. Разглядеть лицо невесты тоже было невозможно: ее голова, покрытая фатой, была опущена. А тут еще и ты снял с себя пиджак перед посадкой и накинул на нее. Короче, невеста и все сопровождающие ее погрузились в вертолет. Он поднялся, завис ненадолго и устремился в сторону Терского хребта. С вертолета полетело множество каких-то бумажек. Они, разгоняемые потоками воздуха, порхали вверх, вниз, по сторонам. По каким-то непонятным законам физики, парящие в воздухе разноцветные денежные купюры динным шлейфом тянулись за вертолетом. Все думали, что это листовки, и особого ажиотажа это у толпы не вызвало. Но тут первые бумажки долетели до земли... И это были денежные банкноты! Что тут началось?! Дети, женщины и, словно нехотя, мужчины, толкая друг друга, побежали вслед за улетевшим вертолетом. Они еще в воздухе пытались поймать каждую летящую банкноту, спотыкались, падали и снова вскакивали. Зрелище было еще то! А с неба все летели и летели, планируя, как сережки клена, новенькие казначейские билеты, приводя в исступление людей, на которых нежданно-негаданно посыпалась, в прямом смысле этого слова, манна небесная в виде денежного дождя.

– А вы знаете? Через полгода после описываемых событий мы, то есть вся наша родня, оказались в ваших краях в качестве беженцев. И прожили там почти полгода, но это уже другая тема, – подытожил я.

– Ну, хорошо. Ты скажи: как сложилась жизнь у Мусоста с Зулай? – спросила напоследок Фатима.

– Тьфу, тьфу... У них сложилась многодетная и счастливая семья. И им хорошо, и нам ладно, – засмеялся я.

Руслан Хадчукаев

Эта резь тишины, что любому слышна...

Находиться в одной комнате
полутемной, полупустой,
полузатененной,
освещенной, быть может, отсветом
из-за двери в коридор,
в комнате, где можно
поворачиваться на месте
или переходить в другое,
перебираться с одного
на другой предмет
мебели
или другое место
на плоскости...
Можно сидеть близко
или отодвигаться,
уменьшаясь в размерах
и становясь бесшумней...
Сидеть, подобрав ноги,
глядя на руки другого,
отодвигаться дальше,
туда, где тень
кутает
туловище и голову...
Полулежать, опираясь
на мягкое в неосвещенном углу,
глядя на отсветы
на незастеленном полу,
отсветы, брошенные
из-за двери коридора.

Не все, что здесь, то же, что раньше
мы – после тех, кто был раньше
тогда, когда не было нас,
это было не то, что щас.
Не все, что здесь, то же, что будет.
Они – после тех, кто сейчас
тогда, когда нас не будет...
То будет не так, как щас:
он тот, кто не до и не после.

Он там, где их нет и нет нас
тогда, когда всех не будет...
Это
тот,
кто...

Ты ли вылетала в окно
Ласточкиным веретеном,
Жгучим ветром влекла
не ты ль
В кудри гроз водяную пыль?
Голос тихий, как сон ручья,
Ранит звоном хрустальных чар.
Павший лист стелет дно пруда,
Как твой взгляд, та темна вода.

В глубине под кожей и мясом
Пребывают белые кости
Мое мясо нередко невесело
Только кости всегда оптимисты
Мой скелет никуда не спешит

Плоть сгниет, а каркас будет жить
И под грустною кожей лица
Добрый череп всегда улыбается

с западка на восток
распластался мирок
здесь царят сон и мрак
каждый гожий денек
сверху вниз – мой полет
пропитаю песок
удобреньям пустынь
невдомек рагнарек*

в высохшее море
впадает сухое русло
просторы пустого сердца
приют твоему искусству
в трещинах бывшего дна
разбитого на черепки
как нерукотворный пазл
последние головастики
находят мокрую грязь

Неуклонно и нагло нагая Луна
к телу бледному тянет
раздавленный мир,
и безмолвно-холодным
безумьем полна,
начинает теней ослепляющий пир.

Ты не слушай ее молчаливых речей
и не смей озирать ее проклятый круг,
не испытывай тяжесть
свинцовых лучей,
но избегни объятий серебряных рук.

В вечной ночи она тщится
Землю догнать,
но танцует кругом в ледяной пустоте...
Эта резь тишины,
что любому слышна,
Это крик, что застыл на лице в высоте.

материя
поглотила меня
зверь матерый
извергла
как мать – терия
разъяла
в мате бактерий

Запах звука дышит в уши...
Как комфортно мне и сухо
шум песка речного слушать,
где смерть мира песчинка каждая,
что друг друга касаются глухо,
и времени тяга струится, влажная

От наполненного живота
поднимается теплота
и, затапливая города,
приближается тошнота.
Твоего я прихода жду,
чтобы вырвало ерунду.
Помешать можешь только ты
потреблению суеты.
Распирающая борта
тошнота – это чистота.
За себя ты даешь страдать,
как последняя благодать.

Мы живем на небелом свете,
где глупее всего быть плутом –
я плетусь по нему под плетью,
и сквозь строй меня мчит шпицрутен...
Мало времени, валом бремени –
устаю расставлять препинания.
Знаки, символы и знамения
в недотексты сложились пряные,
сопли жидкие, вопли жуткие...
Бродит улицей смех гиений.
Мозги костные, мысли косные –
нету выхода тут, да и некому
выходить.

Мы – осколки Шалтая.
 Всяк кричит – «Я!»– истерично,
 Что он самый главный, болтая.

Будет и конница, будет и рать
 Бесконечно, безуспешно
 Собирать черепки, собирать...
 Что ни те, ни другие,
 ни третьи не знают,
 Мнящий себя осколком, знай:
 Все, что было всегда, есть и будет –
 Это лишь Нерушимый Шалтай.

в этом могильнике солнечном
 зайцев нет ни живых ни солнечных
 не сухие здесь даже трупы
 в небосклепах многоэтажных
 визгом друг друга баюкают
 а после работы рты
 так и остаются открыты
 а в белых скелетах ванн
 нежить нежится в трупе воды
 ну а тем кто еще не успел умереть
 просто так здесь никто
 не уступит свою мертвоплощадь
 если хочешь не жить
 поумей-ка и повертеться
 потому что в этой нежизни
 только упорный нетруд
 превратит тебя в труп

Нам это необходимо:
 из ноздрей – клубы дыма,
 из-за зеленых губ –
 желтых клыков клумбы,
 надо взрывать бомбы,
 надо ломать зубы,

надо визжать хуже,
 чем судного дня трубы,
 надо лежать птицам,
 надо стоять трупам,
 надо орать в рупор,
 бить, чтобы лбом об пол;
 может, тогда будет
 нам не видна Лампа,
 может, тогда будет
 нам не слышна Флейта...
 Правда, тогда видно
 станет, что нет сути,
 правда, тогда видно
 станет кина титры...

(воздушное погребение)
 я остаюсь с вами
 я никуда не уйду
 приходите в гости
 я здесь кости сушу
 приводите младших
 братьев и сыновей
 дети отселяются от родителей
 а мертвецы от детей

Будь стрелой, но не чтоб поражать –
 чтобы прямо лететь.
 Будь прямой тетивой,
 но не чтобы стрелять –
 чтоб натянутой быть, как струна.
 Будь струной, но не так,
 чтоб звенеть –
 а чтобы молчать.
 Будь тишиной, но не той, что смерть –
 той, что – начало.

*Рагнарёк (рагнарок) – в германо-скандинавской мифологии – гибель богов (судьба богов) и всего мира, следующая за последней битвой между богами и ттоническими чудовищами.

Думбадзе Нодар**Ц1ий**

Дийцар

Сараг т1е оьхкина ч1еран к1орнеш а йолуш волу жима к1ант, шен баьшна корта а оллийна поп к1ел лаьгтара, шен г1айг1анечу б1аьргашца хоттах буьзначу шен берзинчу когашка б1аьрг бетташ, оила а еш: «Ма ч1ог1а тера ву-кх х1ара воккхастаг сан дех! Къоьжа корта... лаьржа ц1оцкъамаш... Шуьйра мара... Хаза баьргаш... Аз а ду лоха, тамехь... Б1аьргаш д1ахьабдича... сан да ву аьлла, хета тарло!»

К1анта б1аьрнег1арш т1екъевлира.

– Цундела ма кхайкхина ас хьо, сан лераме Кишварди! Кхин детта са дац сан! Аьлларг деш вац, йовсар! Дерриге бераш бераш санна ду – киншкех д1а а ца къаьста, ткъа х1ара, хьажахь цкъа, дийнахь а, буса а ч1еран к1онеш лобцуш лела. Ткъа кху деношкахь цо х1ун дира? Сан а, Господзен а юкьарчу г1у чу нан-йоккха хорбаз кхоьссина. Хорбаз цу чохь иккхина. Х1ара ши к1ира ду-кх оха хин мета компот муьйлу!

– Со лолда хьан, бакъ дуй иза, сан к1ант?! Са ма гатде ахь, лераме Юлия! Хьожур хьо, Гурия д1а мавиггинехь, цхьана когах 1ункар попах уллур ву аса. Т1аккха хуур ду цунна!

– Ца хаьа суна, ахь иза стенах уллур ву-м, амма ас цхьаь эр ду: ирс долуш хила цуьнан нана, кху йовсаре хьежа-х ца дезий цуьнан. Цуьнан да а, ирс долуш стаг хилла...

– Муха хета хьуна, лераме Юлия, кхин тоха са хир дац-кха цуьнца?

– Х1умма а ца хаьа суна, х1умма... Ойла ел ахь: дукха хан йоцуш хьера вахийтинера ас иза: Цхьа пунт тоьлла хьаьжк1аш яхийтира, ткъа ц1а веара пхи кийла ахьар а дохьуш. Важа дисинарг Валико Кухалейшвили берашна д1аделла хилла, дукхамавахарго. «Уьш дукха бу чохь, – элира, – меца хуьлу даима».

– Со лолда хьан, к1ант! Бакъ дуй иза?!

– Иза-м х1ун дара? Стомара иза а, цуьнан доттаг1а К1ук1ури Угулава боху т1орза а къайллаха беша а ваьлла – ойла ел ахьа! – шайн географин хьехархочун Датик1о Ц1верабин, шапталш а яьхьна, уьш томкех хийцина. Муха хета х1уна, х1ан?

– Со лолда хьан! Бакъ дуй и, к1ант?

– Хьо-м виси «бакъ дуй, бакъ дуй!» бохуш. Хьуна моттарехь, аьшпаш буттург со ю?

– Х1ан-х1а, х1ан-х1а, лераме Юлия. Ас-м иза нийсачу новкъа ваккха кхин дарба дац техьа, аьлла бохурий.

– Ду, х1унда дац? – и амалш цуьнга йитийта тарлуш-м ду. Амма со ларор яц. Кхузахь ондда боьрша куьг оьшу. Цул сов, сан яь1ни т1ехь кхин а ши эхка ма ду – Зураб а, Вахтанг а, сан К1олин бераш. Уьш кхул а харцахьа ду. Бежан хьаьрмера уьш ц1а кхаьчча – хьо-хьуо теш хир ву.

– А-а-а... Х1ун эр дара те хьоьга, лераме Юлия? Цуьнан да-нана дийна долчу хенахь, цара со к1антана аьттехьа а ца вуьгура. Ткъа х1инца х1ун де ас? Муха 1амаве иза? Муха дохде ас цуьнан дог? Со цунна хийра стаг ву, кхетий хьо? Хийра...

– Ма алахъа иштта лераме Кишварди! Иза-м, велахъ-вацахъ, боърша стаг ву. Боършачу стагаца цунна атта карор бу юкъара мотт... Цул сов, шун тайпанан тлаъхъе ма ю иза...

– Иштта-м дара иза... Ткъа дешарца муха ву иза?

– Дешарций... Шен хъехархочун бешара шапталш лачкъийна клант, цларматчу «Декамерон» книгин дуъхъа шен ненаненан дато лайгаш доьхкина волу клант, – ишттачу клентан коъртехъ хлун дешар хир ду, алахъа хъайн Делан дуъхъа, лераме Кишварди?

– Бакъ дуй иза, сан клант? Саций ас. Длавуьгур ву ас иза Гурия. Цхъана настарх попах уллур ву!

– Хъажал хъо цуьнан латтаре. Вайша кхузахъ цунна хлун дийр дара те, бохуш, детталуш ду, ткъа цо лерг дла а ца ухъу.

Клант поп клел лаьттара, бляьргаш а хъабдина, ойла еш: «Гелъелла сан миска ненанана Юлия...

Хъалха ма тамехъ аз дара цуьнан, ткъа хлинца ма дера ду! Я суна иштта хета техъа? Хлара деда ву техъа? – парглат, кледа-мерза къамел до. Хлаь, гелъеллачух тера а ду иза... Хлинцехъ вахийтахъара цо со сан дедеца... Кхул тлаъхъа аса цунна цкъа а халахетар дийр дацара. Хлан-хла, ма вахийтахъара... Ма вахийтахъара...»

– Буо ма ду иза, лераме Юлия... Сарагал сов, цунна хъастар а ма оьшу.

– Ала ахъа! Дукха кхеташ а ву хъуна иза хъастамечу дашах! Хъастар...

– Бакъ дуй иза, сан клант? Гурия дла ма-вигганехъ, цхъана настарх попах ма-оьллинехъ... Дла маца вига иза, лераме Юлия?

– Хлинцехъ вига! Иза кечван дукха хан еза, ткъа?

– Муха? Клант нанас ма-варра верзина ма ву...

– Иштта валийна-кх ас иза стохка Авчалера, лераме Кишварди. Я цунна гловтал тега боху ахъа?

– Миска сан клант!

– Новкъа валале даарх кхета.

– Хлан-хла, са ма гатде ахъа, лераме Юлия. Самтрediaхъ хлума кхоллур ю оха. Цигара дла цла кхача а гена дац.

– Шайн лаамехъ ду-кха шу. Некъ дика хуьлда! Сийлахъчу Георгис лардойла шу!

– Дала ирс-аьтту бойла хъан, лераме Юлия!

– Хлорш длаэцахъа, лераме Кишварди.

– Уьш хлун ю?

– Цуьнан цхъацца документаш. Сентябрьехъ, гарехъ, ахъ иза школе вохуьйтур ву – оьшур ду шуна. Йоьалгачу классе ваьлла иза. Бакъду, справки тлехъ глалат ду – Ломджария Нодарин меттана Ломджария Надири яздина. Вуьшта, глалат ца хила а тарло иза, сунна хетарехъ, иштта дан а ду!

– Бакъ дуй иза, сан клант? Хлун дер, ткъа, Гурия дла а вигна, попах ирх уллур ву.

– Хъайна луьчух уллур ахъ, кхин сан бляьргашна ца гуччу ваьккхичхъана.

– Настарх уллур ву, настарх!

– Дала аьтту бойла хъан!

– Гло ца дахъ къемате дийр ду, ур-аттала тлулгаш а доьлххург.

– Хлета, лодика йойла, Кишварди!

– Дерриге диканиг кху цлен тле, лераме Юлия!

Клант длавалар а, схъэцар а 1938-чу шеран августехъ хилира, Хони олучу меттехъ – Ломджария Нодарин Имеретерчу ненаненан Микеладзен Юлиан а, Гурерчу деден Ломджария Кишвардин а юккъехъ.

Цул тлаъхъа сахът даьлча клант, аьлча а Ломджария Нодар, 1928-чу шеран 14-чу июлехъ Тбилисехъ вина волу, дедена тлаъхъа текхара, малхо когаш багочу ченан новкъахула.

Деда хьалха вара, клентан клант – тлаъхъа. Къаналлин уьнаша бляьрзвинчу дедас хала садолура, узарш дора. Дуьхьала некъахо кхетча, уьш совцадора, лохха охьатаьлаш, маршала лора. Тлаккха, масех минотехъ собар а дой, юха а узарш дан волалора. Цкъацкъа, вист а ца хуьлуш, кланте юхахьожура. Иштта юхахьожу къена кхиэл шен тлаъхъайисначу бекъане, шена тлаъхъара клорни ярна кхоьруш.

Кланта, некъ а беш, ойла йора: «Хьалха ву воккха стаг – эглаза, цомгаш, узарш деш, бос байна шляпа коьртахъ. Цо боху, ша со диттах ирх уллур ву. И воккха стаг – сан деда ву. Деда... Цунна тлаъхъа а хлоьгтина дла эха сан хлун дисна? Суо цъба лай волуш санна, цунна тлаъхъа хлокху ченахула дла хлунда текха со? Ши глулч юьстах якккхичъхана, длагло хъайна дуьненан еа а маьлехула.

Хлан-хла, и дан ца ло соьга. Ца ло. Цъхана гуш боцчу ницкъо цунна тлаъхъайизаво, букъа тлаъхъаьшхула хьалха тоьтту-воккхачу стагана тлаъхъе длаэца! Хлун ницкъ бу иза! Гелвелла, мацвелла, бурконо а, хьогалло а бляьрзвина со новкъара юьстахвала ца ло? Хлунда? Цле хлун ю оцу ницкъан?»

– Ахъ стенан ойла йо, сан клант? – цлехъхана вухахаьжира воккхастаг.

– Хлуманна а! – ойла а ца еш сихха жоп делира кланта. Цунна дагахъ дацара, иштта хаттар шега дийр ду бохург:

Некъана юьстах а ваьлла, охъахира воккхастаг: жимма са а даьлна, «ох1», «ах1» дина, клентан коьртах куьг хьаькхира цо.Тлаккха, цъацца плелг а саттош дагар дан волавелира: 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38.

– Сан клант, хьо вина ткъе бархалгачу шарахъ. Хлинца вайна ткъе берхлитталгла шо ду. Делах1-х1ета, хлинца хъан цъхайтталгла шо ду. Воккха хилла хьо. Тлаккха муха лало хьо ойла а ца еш? Я дедех лечкъадо ахъа?

– Хлан-хла, дада. Хлуманна а ойла еш вацара со, – аьшпаш боьттира кланта.

– Ойла ян еза, сан клант. Ойла ен хан ю хъан.

«Ах1», «ох1», деш хъала а глаеттина, воккхачу стага длаболийра шен некъ.

Коча муш тесна эса санна, цунна тлаъхъе длаволавелира клант.

Клант малхо вагийна, мохо яржийнчу месашца, глодах а тевжина, поп клел лаьттара. Шен глайганечу хьежарца хоттах буьзначу берзинчу когашка бляьрг а бетташ, ойланашка а вахана: «Ма члогла къанвелла иза! Юьхъ еккъа цъха хебарш... Аз а лахделла. Х1етте а иза сан ненах тера ю – къоначу, хазачу, аьхначу, льяьржа бляьргаш долчу, догдикачу са ненах шен месашца а, боларца а тера ю. Бляьргаш тлехъабдича, сайн нана ю, аьлла хетта».

Амма клант бляьргаш тле ца къевлира. Клант кхеравелира.

– Синтем байна сан, лераме Кишварди! Цуьнан мискачу ненан глаларт дуьхьал хлуетту гленах а, самах а. Сан-сайн яхъ-бехкан аз тлаъхъара далац. Ахъ иза длавигчахъана, кийра бассабелла, цу чуьра дог схьадаьккхича санна лелаш ю со. Сан бер юхьадерзадехъа, лераме Кишварди.

– А-а-а. Ас хьо йолчуьра длавуьгучу хенахъ дара иза бер. Хлинца иза къонах ву. Дан дезарг шенна хуур ду цунна. Хьо йолчу вухаверза лаахъ – ас иза сецор вац.

– Суна дегабаам бина цо... Тхойшинна юкъахъ барт бан хьо цъаь бен вац, лераме Кишварди! Хьо хьекьал долуш стаг ву...

– Хъа-х, лераме Юлия, и саннарк кхин а шиь ма ву...

– Дукха я клезиг хиларехъ ду ткъа глуллакх, лераме Кишварди? Ши итт, б1е – цъаь ду. Йоблан клант – йоблан клант ма ву ненанна, лераме Кишварди!

Иштта-м дара иза... Ткъа ас х1ун дан деза? Со веллачул т1аьхьа Ломджария тайпа цунна т1ера д1адаха дезаш ма ду.

– Ас цуьнан фамили хуьйцуьр ма яц! Важа шиь а Ломджария хуьлда шайна, ткъа х1ара схьалохьа сунна!

– Гарехь, к1ант схьаваккха еана-кх хьо, лераме Юлия?

– Ма яхийтахьа бакъдуьнене дагахьбаллам болуш. Цигахь цуьнан ненан б1аьра муха хьожур ю со?

– Х1е лераме Юлия, хууш дац цига вайшиннах хьалха мила г1ур ву. Со а муха хьожур ву цуьнан ненан а, ден а б1аьра, хьол хьалха валахь?

– Дала оьмар яхьйойла хьан, лераме Кишварди!

– И к1ант – сан кха а, сан кемсийн беш а, сан хьер а, сан каш а, сан чурт а ду... Х1ан-х1а, ахь со вехь а д1авуьгуйтур вац ас иза.

– Т1аккха ас суо юьйр ю-кха х1оккхяхь, хьуна хьалхха!

– Дала ларйойла хьо, лераме Юлия, и х1ун ду ахь дуйьцуьрг? Х1окхуьнца воедий хьо, сан к1ант?

– Эр дуй ткъа цо? Хьох ийзалуш ма ву иза!

– Бакъ дуй иза, сан к1ант?

– Цунна ненан аьхна куьг ма оьшу, лераме Кишварди! Т1ера бедарш йитта, лийчо, букъ била... Ненан метта хилалур вуй ткъа хьо?

– Иштта ма аьллахь. Ас дина цуьнан дола. Далла бу хастам, вон дола а ца дина... Я хьоегара г1о а ца дехна.

– Ас хьоеца ца кьуйсу, ца кьуйсу, лераме Кишварди! Х1етте а... буййсана охьавуьжуш к1ентан когаш била, цунна т1аьхьа школе эха... божарийн г1уллакх дац иза.

– Цунна тхан шкоলেখь а вон дац. Шун шкоলেখь динерий цунах экха-м.

– Мотт сецна белара сан х1етахь!

– Ма мотгалахь, кхузахь цунах малик хилла я шапталш лечкьочуьра и юхаваьлла.

– Лечкьаяйтахьа, х1ун ду лечкьийча?

– Я мотту хир ду хьуна, х1инца цо нехан берашна ахьар ца докьу?

– Ахьар декьча х1ун ду, саг1а хир ду-кх. Сан берриге бахам цуьнан бу-кх. Шена лаахь сийна ц1е тосур цо цунах, со дуьхьала ю ткъа?

– Сигаьрк узуш а ву...

– И бакъ дуй, сан к1ант?

– Ахь соьга, соьга хатта! Сан кисанаш а, кисет а яссийна ваьлла.

– Озийтахь шена. Ахь айхьа ма элира, иза кьонах ву.

– Цхьана баттахь собар дехьа. Салорш а лелийна д1абеллачу гоьжех ахча схьа ма-деллинехь, дика т1е-кога духа оьцур ду ас цунна. Х1окху барзакьца д1авуьгийла ма дац иза.

– Д1авайта, реза хилахь, т1е-кога духар – сан г1айг1а ю. Сайна т1ера охьаяьккхина а, иза верзина вуьтур вац ас.

– Х1аь, ч1ог1а товш хир ма яра цунна т1ехь хьан бедарш!

– Хьуна-м уьш забарш ю, ткъа сан дог ц1ийх лиэшаш ду.

– Ас ала ма аьлла хьоега, лераме Юлия, х1инца иза воккха хилла. Шен лаамехь ву иза.

– Хьо цунна Делан геланча санна ву, хьан х1ор дош – дола санна т1елоцу цо. Алахьа цуьнга, лераме Кишварди!

– Делах мукьана кхера, лераме Юлия! Ас муха эр ду сан дег1а ц1ий а долчу цуьнга: д1аг1о сан х1усамера!

– Со... со хийра ю, ткъа, цунна? Сан дег1 а, ц1ий а дац иза? Хьанна хаьа, ас дуьнен т1ехь яккха цхьа шо бен хан йисна а хир яц? Ас доьху хьоега, хенал хьалха коша чу ма йоллахьа со. Суна лохьа и к1ант!

- Лераме Юлия!
- Со гора, гора южу хьуна хьалха.
- Ахь дийриг хлун ду? Хьалаглатта хьайн Делан дубьха! Со реза ву! Реза ву!
- Дала ирсах ма воккхийла хьо!
- Кхул тлаьхьа ирс а, самукъа а гур дац сунна!... Дагло сан клант, хьайн ненаненаца.

Иштта къамел хилира вай лакхахь бийцина хиламаш хиллачул тлаьхьа нийсса шо даьлча клентан Гурийскерачу дедена а, Имеретерачу ненананна а юкьахь. Амма иза цхьамма клант длалуш а вукхо схьаоьцуш а хлума дацара. Иза дара кхехкаш долу ций тлехъхар, кледачу шина деган узарш. Цхьаттера ницкъ болчу шиннан къийсаман безаман латкъамо хаийтина деган деттадалар долчу тле а сихдинера, ткъа логехь дуъра шад хлоттийнера. Гуш боцчу ницкъо цкъа ненананна тлейзавора тлаккха нуьцкъала длатоттий дедена тлекхуссура. Масийттаза клантана туйхира ловжаме лазарш – деглах чехк цийбина члу баьккхича санна. Воккхачу стаганий, йоккхачу стаганий юккъехь и тамашийна къамел хуьлчу хенахь, клант дла ца тосура бийцалурбоцчу сингаттаман а ладегларан а ойлану.

Ненанана хьалаглаттира, клантана тле а яхана барт баьккхира.

– Сан ирс, сан блаьргийн нур, вало соьца, дахарехь совнаха ши де лохьа сунна!...

Йоккхастаг йоблхуш яра, цуьнан довха блаьрхиш клентан коьрта тле ленера. Йилхина яьлча, цо ларлур шена тлеозийра клант, амма клант метак ца волура, лаьттара аьчкан хьонха санна, шен орамашца клоргга лаьттак дахана дитт санна.

– Дагло, сан клант, хлокхуьнца, хьайн ненаненаца. Хьобга хьежа цунна клордийча, юхавоглур ву хьо. Хлетале сан а сагатлур хьо сайца воцуш. Хьуна хлун моьттура? Клант клант хилар – атта хлума дац. Вуно хала, хала ду клант клант хила, къаьсттина со а, хьан ненанана санна хьомсарниг. Ткъа хьан диг, бел, тускар, етт, эса, газа цхьанахьа глур дац, хьо цла варе хьобжуш лийр ду.

Кланта ладоьглура, хьобжура. Цецвуйлура: диг, бел, тускар уьйтлаьхь цхьана меттехь локкура, ткъа етт, эса, газа – уьш кхечу меттигашкахь. Уьш ган а ца гуш, дедас ша цлараш йохуш хлоранна тле куьг нийса муха хьажадора?

Ткъа дедас кхидла дуьйцура:

– Хлара хьан тлоьрмиг бу, хьан киншкеш – гуьржийн меттан, историн. Кхин хлун ю вайшинан? Хетарехь, хлумма а яц. Хеча, коч, мачаш хьуна тлехь ю. Самтреди кхаччалц когашлуьйра глуо, и ца дахь мачаш цла кхочур яц хьан. Кхин ала хлумма а дац. Дагло!

Ломджария Кишварди кхийтира шен клентан клант цхьана хьеречу гона юкьахь лаьтташ хиларх, ткъа шина цийнан кхайкхаман ницкъо цкъа цхьана аглор, тлаккха вукху аглор длаийзавора иза. Муьлхачо узур ду терза? Муьлха ций тоьлур ду? Оцу къийсаман чаккхенга ладоьглуш лена йиш яц. Цу шиннах кхехкаш хьере цхьа татол дладукъа, длахадо деза.

Тлаккха йоккхачу стагал хьалхе Ломджария Кишвардис яьккхира;

– Хьо стенга ладоьглуш лаьтта? Со гелвелла хьобца векаш.

Клант дедега хьаьжира.

– Дагло, кхин вуха ма хьажаллахь. Кхийтин хьо?

Дедега къаьхьа дегабаам а, ненанене аьхна кьинхетам а цхьатерра хаабелира шен даг чохь клантана. Блаьрхиш, ша-шах охьабахара корта, тлаккха кхин дош ца олуш, Чохатаурин чено баьккхинчу новкъахула кичча йолчу ерриге лаьржа доьхначу шен ненананна тлаьхье...

Ломджария Кишварди кхерча хьалха хиъна Iара, йобзачу яй чуъра хи кхехкаре ладоьгIуш.

ЦIаре а хьобжуш, Ломджария Кишварди оила йора. Оила йора, амма оццу хенахь цунна лаъара дIавада, къайлавала шен сингаттамечу ойланех вала. Шен ойланех стенга ведда гIур ву стаг? Стаг Дела ма вац... ДIавахийта ца оьшура кIант. Йоккхачу стеган гIайгIа-балина хьалха гIорасиз хиллира иза. Ткъа хIинца цуьнан хьолехь ша а ву иза. Вукху кIиранах гIур ву со цига, доьхур ду кIант схьалахьара, аьлла. Лаамехь схьа ца лахь – нуьцкъах схьавоккхур ву... «ХIан хIун бакъо ю, эр ду, соьгара сан дегI а, цIий а схьадаккха? Хьо Дела ма яц!» Амма... Иштта соьга а ала ма тарло. Со а ма вац Дела, ткъа цхьана ханна кху дуьнен чу веана цхьа пекъар ву. Ткъа кIант, суна санна, цунна а ма кхочу. Нагахь санна со Дела велахьара! ЭхI, ма хала, хала ду-кх адам хила. Дела хуьлучул дукха хала. Iийса-пайхамар ша а тешна цунах. Вукху кIиранах гIур ву со иза йолчу. Гора вужур ву. ХIан-хIа, цхьана кIиранах соьга сатохалур дац... Кхана Iийна гIур ву... ХIан-хIа, кхана! Кхана сатасарций новкъа вер ву. Везан Дела, сихха сатасахьара!

Кхерча хьалха а хиъна, иштта ойланаш еш, йобзачу яй чуъра хи кхехкаре ладоьгIуш Iара Ломджария Кишварди, цIеххьана неI дIа а еллаелла, неI сагIехь оллийна корта а болуш, белшах кхозуш мачаш а йолуш кIант гучуваьлча.

- Воккха Дела, хастам бу-кх хьуна! – эькхийтира дедас.
- Со вуха веъна, – элира кIанта.
- Суна хаъара, хьо вухавогIур вуй, – Элира дедас.

ТIаккха Ломджария Кишвардис йобзачу яй чуъра довха хи йобзачу теса чу а доьттина, вехха ваьллира кIентан когаш буьлуш. ТIаккха кIантана мотт биллира нара тIехь, ткъа ша вижа вахара жимачу тоьли чу.

Буьйсана юккъехь воккхастаг самаваьккхира кIентан озо:

- Дада, хьобца вижа мегий со?
- Схьавола! – иза а олуш, воккхастаг пенехьа дIа-таьIира.

КIант охьавижира, дадина тIетаьIира.

«Ма шийла ву сан миска дада!» – оила йора кIанта.

«Ма вовха а ву хIара!» – оила йора дадас.

Цхьа хан яьлча, дедас хаьттира:

- Хаьий хьуна. Хьо стен валийна суна тIе?
- Ца хаъа.

– Хаалахь, сан кIант, цIийно валийна хьо вуха, кхетий хьо? ЦIий – Iаламат боккха ницкъ бу сан кIант!

Оцу буса вовшашка кхин цхьа а дош ца элира цу шимма. Ойланаш а ца йира.

Дедас а кIентан кIант а ирсе наб йира. Ойланаш еш а, къамелаш деш а цIий дара, оцу хьоккъехь цхьана Далла хаъа.

Гочдинарг МАРГОШВИЛИ Султан

Мусаева Малика

Исмаълал

Дийцар

– Бехк ма биллаш, бухгалтери хлара юй? – йиллина лаьтгачу неларах чу хьабжира ткьа шарере ваьлла хир волуш, юьхь тлера беран бос банза волу жима стаг.

– Ю. Чохьа вала.

– Хлара кехаташ, тле мухлар тоьхна дац аьлла, юхадахкийтина тхуна, – бехкала вахана шегара кехаташ схьакховдийра кланта.

– Хьо муьлхачу туйканчуьра ву? – хьаттира чохьболчарех цхьамма.

– «Глория Джинс», – жоп делира кланта.

Реза йоцуш, сихха кехаташ схьаэцна, тлехьабжира коьрта бухгалтер. Тлаккха елакьежна:

– Хьажахь, дан а ма дац. Хлорш муха дитина хилла ас? – олуш, шена ишкапан глуткхи чуьра схьаэцна, мухлар туйхира цо кехаташна тле.

– Хьо хлун болх беш ву цу чохь?

– Урхалча.

– Хьайн цле а, телефонан лоймар а алахь соьга. Нагахь, шуйца къастон дезаш глутлакх хилча, хьобга эр дара аса, шу коьрта офисе телефон ца етташ.

Клентан цле Исмаълал яра. Хаза цле яра, клант ша санна хаза. Иза эхь хеташ лаьтгара, дласа ца хьажа глерташ, шен кехаташка хьобжуш, ша бляьрг тлера баьккхича, уьш довр долуш санна.

– Дела реза хийла. Лодика йойла шун, – хезаш-ца хезаш олуш, неларехь къайлавелира иза.

Цул тлаьхьа нагахьа воьгура Исмаълал, бухгалтерера кехаташ дладахьан а, коьрта офисера дайитина кехат дохьуш а.

Исмаълал эхь-бехк долуш вара. Эрна къамелаш а ца дора. Шен балх тлехь дика ларавора, накьосташа, жима волушшехьа, лара а лорура.

Нагахьа, туйкан чу хлумнашка хьовса дахча, гора бухгалтерера зудаберашна Исмаълал.

– Де дика... могуш-парглат... со хьажа оьшуш хлума... оьшуш хилахь, со схьакхайкха... – хаза вист хуьлий, длавовьдура хлоразза а.

– Де дика дойла. Хлара бухгалтери юй? – чохьа велира лекчочу деглаьхь клант.

– Ю.

– Суна счеташ езара карарчу баттана.

– Хьо муьлхачу туйканара ву?

– «Глория Джинс».

Туйкан цле хезча массо а кланте хьабжира. Некха тле латийначу кехата тлехь клентан цле яра.

– Хьо хлун болх беш ву цу чохь? Хинцалца Исмаълал воьгура кехаташ дладахьа, – шеконца хьаттира коьртгачу бухгалтеро.

– Исмаълал отпускехь ву. Со цуьнан метга ву, иза араваллалца, – жоп делира Ахьмада.

Цул тлаьхьа а Ахьмад веара кехаташ дладахьа. Туйкан чохь а ца гора Исмаълал.

Кхоалгта а счеташ даяхьа Ахьмад веьча коьртгачу бухгалтеро цхьа бен доцуш элира:

– Исмаълалан отпуск ма еха ю. Шуна-м дика ма ду, иштта еха отпускахь йолуш.

Клант цецвелира. Тлаккха:

– Иза Ростох вахана ву. «Цле ца йоккху» лазар ду аьлла цунна, – элира.

Белита юьйхира, ша ца йоглуш йинчу забарна эхъ хетта.

– И суна хезна дацара. Дала маршал дойла цунна.

Массара «Амин» элира.

Цхъа тийна есалла йоьссира кабинета чу, сингаттаме есалла.

Хан йоьдура, цхъанаэшшара, хьалхачул сиха я меллаша доцучу боларца. Массара шайн болх а бора хлетталца ма-барра. Хлора багтахъ Ахьмад воглура кехаташ дладахъа, наггахъа хлокхара шаьш туйканчу дла а хьора уьш. Цхъана юкъянна «Исмаьлалера хлун ду?» – олуш хетта а хиттира, дуьхъала: «Кхин хийцам бац», – жоп а хезаш. Тлакха, цхъа хан еара Исмаьлал хатта цхъанне а дага ца доглуш.

Иштта йицло шен йоцу глайгла, вицло стаг а, шен чуьра воцу стаг, хьуна цкъа а вицлур вац аьлла хеттарг а.

Февраль бутт. Оршот де. Керла белхан клира. Кхеташо. Болх. Кабинет чу горгам хьокхуш йолу Зина тахана къамелана тлера яц. Йистхуьлуш къажар а ду цхъа нуьцкъара, ца ялла... Эххара, шегара глайгла совьйолий, Белитехъа йоьрзий, долада:

– Хьажахъ, ма кхоам бара цуьнан, мел жима вара иза... «Глория Джинс» туйкан чохъ болх беш хилла Исмаьлал вевзарий шуна? Хьалха вара и цу чохъ, цхъа ах шо хьалха. Тахана луьйранна цу чохъ болх беш йолчу лайшата дийцикх суна, иза длаваьлла аьлла. Германехъ хилла иза, дарба дан вахана. И дагара дла ца волу суна, – елхар эькхаш, бляргех йовлакхан тлам хьокху Зинас.

Ткъес кхета, шен суйнаш чохьболчеран дегнех детталуш. Муха... маца... Дала геч... ийманца собар...

Жоп доцу хеттарш, кадамаш, длаоьцуш стагга а воцуш... Бляьрхиш...

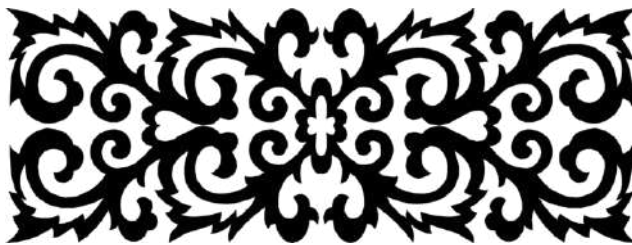
Дуьне дасделира. Муха хуьлу иштта, кегийнаш дуьненчуьра длаоьхуш? Тяхъаьжна, могошаллех вуьззина волу жимха лазаро клелахьош, хьошуш, вууш, хлаллаквеш... Дерриг дахар хьалха ду, деха дахар, ирсе дахар, уггаре самукъане денош, аьлла хеттачу хенахъ дахар хедаш, еха оьмар къаго летта седа цлехъана длабовш...

Иштта хлунда хуьлу?

Цхъанаюккъана туйкан чу ваьлча, дло неларх Исмаьлал гучу вала везаш санна хетара. Хлуманашка хьовсуш лелаш болчу нахах цхъацца тар а лора цунах. Цхъаьнаюккъана...

Хан елира. Хлуммаь хийца ца делира. Туька а ю болх беш. Нах бу цхъаццанхъа кхача сибелла дласаоьхуш, машенаш а. Хлумма а ца хийца делла дуьненахъ. Амма цунна чохъ Исмаьлал вац. Иза длавахна, цу чохъ кхин ца хила. Цо дуьненна шех лаьцна сирла ойла йитина, наггахъ, ша вевзаш хиллачарна коьрте ян, сирла ойла. Вацап чохъ статус а:

«Мир – это не фабрика по исполнению желаний», иза язъйна де а лаьтташ: 16.09.2016.

Гиллакх-оьздангалла**Ахмадов Муса****Нохчийн гиллакх-оьздангалла***ТIаьхье. Юьхь еша №№3-4 – 11-12 (2016)***V-гIа дакъа****Нохчийн оьздангаллехь Iаламца а, къинхьегамца а йолу юкъаметтигаш**

Нохчийн къоман оьздангаллехь мехала ю стеган Iаламца йолу юкъаметтиг. Iаламца, адамашца санна, лераме а, кхоаме а, къинхетаме а хилар тIедужу стагана. Цундела цуьнан акхарошца, цIахь лелочу хьайбанашца, олхазаршца, лаьттаца, хьаннашца, хишца, цанашца хила йогIу юкъаметтигаш билгалгьяьхна гиллакхашкахь. Уггар а хьалха шен цIахь долчу хьайбанийн доладар: уьш меца цадитар, эханах лардар, царна чохь латта меттиг кечъяр, цомгаш хилча, дарба лахар тIедужу стагана. XIунда аьлча, цкъа делахь, Дала стаге шен дегIах а, доьзалх а санна, жоп доьхур долуш ду цуьнан даьхнех а; шолгIа делахь, цо лелочу даьхница цуьнан йолчу юкъаметтиге хьаьжжина билгалдаккха тарло хIора стеган оьздангаллин сурт-сибат.

Оцу хьокъехь ду хIара халкъан дийцар а: «Нахалахь дика цIе яхна эла волчу боьлхуш хилла и санна болу элий. Шашь хьошалгIа доьлхург вуьйцуш хазар бен, кхин гина вевзаш а ца хилла царна. Цуьнан маьха дIакхьяьчча, цхьана жаIуьнна тIелиттабелла хIорш. И жаIу хIинцца бехкина жий дIаIалашбеш, Iахар ненах бакхийта гIерташ воллуш хилла. Салам делла, тIехIиттинчу хьешаша хьаттина, эла цIахь вуй аьлла. «Ву, дIа чу гIо, хIинцца чувогIур ву шуна – аьлла, жаIуьно хIусаме чубахийтина хьеший. Кхано шен жий Iалашбина а ваьлла, чуваьхна эла. Хьешашна жаIу ву моьттинарг ша эла хилла. Цунах кхеттачу хьешаша, и тайпа болх а, кхуьнан духар а элица догIуш шайна ца хетар цабашарца къадийна. Дукха ца Iаш, хьеший, шайн хIусамдена реза а ца хилла, дIабаха новкъабевлла. Новкъахь цхьа къуй тIе а летта, цаьргара говраш а, герзаш а дIадаьхна. Баьхкина, буьйсанна юккъехь гIаш юаьхьяьчна хьеший, гIел а белла, ара а белла. Дийцина цара шайна хилларг. Хьеший паргIат а бовлийтина, араваьлчачу элас, оцу къуйшна тIаьхьа а кхиьна, схьаьхна юхаерзийна церан говраш а, герзаш а. Цунах бакхийбеш, баркаллаш бохуш хьаьвзина хьеший. Ткъа хIусамдас цаьрга аьлла: «Со сайн даьхнийн лай ву шуна, шу санна болчу нехан эла а ву шуна».

XIокху дийцаран масех маьIна билгалдаккха йиш ю вайн. Уггар хьалха, адаман хьайбанца къинхетаме юкъаметтиг хила езар гойту кхузахь. «Мотт бийца ца хуучу хьайбанна тIе муха кхевдар ву?» – бехк боккхуш хезна вайна, цхьамма шен керта гIоьртинчу хьайбанна чIогIа тоьхча. Ткъа XIокху дийцарехь хьешийн гуллакхе хьажарал а мехала хетта хьайбанан гуллакх. XIунда аьлча, хьайба гIийла ду адамал, ткъа гIелалла, гIорасизалла ларар, иштта волчунна орцах вахар кхечу хIумнел хьалхадаккхар деза лийрина нохчийн оьздангалло. (Бусалба динехь, хьайбанийн хьаште а хьаьжна масала, мацделла Юьхуш делахь, цунна хIума а елла, дича могуьйтуш ду парз ламаз а.) ШолгIа делахь, нохчийн кхетамехь муьлххачу стага (и эла велахь а, паччахь велахь а) шен даьхнийн доладар а, белхан духар лелор а, къахьегар а изхье дац, мелхо а сийлахь ду. КхозлагIа делахь, сица эла хилар иза кура лелар, Iаьржачу балхах къехкар дац, оьшучохь стагана орцах валар а, цунна гIо-накъосталла дан къонахалла хилар а ду. И маьIна ду хIусамдас шен хьешашка аьлчачу тIаьхьарчу дешнийн.

Цахь лелочу хъайбанашлахь къонахчо уггаре а чIогIа гергарло говраца лелош хилла. Иза шен нийса накъост санна хеташ а хилла, де эшначу дийнахь шена орцахъяла иза кийча юйла хууш. И тайпа масалш дукха ду нохчийн барта кхоллараллехь. Иштта, «Жерочун кIантах а, эла Манцех а долчу илли» тIехь Жерочун кIентан дин шега дIааблалчух кхеташ бу, шен да тешнабехко хьовзийча цунна орцахболу иза, цуьнан доттагIа Хаси волчу а бобдий, иза а валаво цо шен дена гIоьнна. Говрах, цуьнан дика амалш билгалйохуш, «са цIена гила» олу халкъан иллешкахь.

Дин балар доккха вуон хетта нохчочунна, иза адам кхалхарца (тешаме доттагIа дIаваларца) дуьстина. Иштта вуон деьначу стеган дог-ойла гойтуш бу халкъан мукъам «Дин беллачу кIентан йиш». Хьеннан а дог дуткъдан а, бIаьрг белхо а ницкъ болуш йиш ю иза. Бадуев СаIидан цхьана повестан турпалхочунна шена тIекхачьна кхо вуо нана а, езар а, дин а кхалхар цхьатерра халонга долу, хьалхарчу шинна и кхоалгIаниг тIекхетча, хьекъална а оьшу иза.

Говро нохчочун дахарехь доккха маьIна лелоран билгало ю вайн маттахь цунах йоккхуш масех цIе хилар а: говр юкъяра цIе; бекъа жима говр; айгIар Iамоза говр; дин тIехуу, хохку говр; гила оьцу маьIнехь; алаша южу говр; Iаспар къена говр...

Говр, къаьсттина хохкуш ерг, чIогIа лерина лелош хилла, ша-тайпа кхача а (масала, кхерзина хьаьжкIаш, кхехкийна кIа, сула) латтош, малдой хи а малош, шен рожехь лийча а еш. Говр иштта лераме хиллехь а, халкъан кхетамо кхоьल्लीна кхин цхьа кица а ду: «Говрах а, зудчух а ма теша». Цаьрга болчу безаме хью бIарз ма вайта бохург ду иза, тIех болчу безамо (тешамо) артдо лерса а, бIаьрса а; цундела говрах болу тешам шен доза долуш хила беза.

Нагахь говран иштта сий-ларам бахь а, бахамехь и санна оьшучу (къаьсттина ламчохь) хъайбане вире болу хьежам бегаше-белама бу вайнехан. Новкъа волуш цуьнан цIе яккхар а магош ца хилла. Тайп-тайпанчу кицанаша а гойту иза: «Виро вир аьлча, вир бердах дахна», «Вирца лаьтина етт Iоьхуш хилла», «Вир баьIаш юккъехь бен Iийр дац»... И тIаьххъара кица Сулейманов Ахьмада иштта далийна шен «Ламанан хьостанаш» стихотворенехь:

Дин тIе хиьна аравалахь,
Кхочур тIамтIе я тойне.
Вир тIе хиьна аравалахь,
Вир дежачу баьIаш тIе.

Ша-тайпа хилла нохчийн бежнашка болу хьежам. Стеган хьал-бахаман я цхьана диканна, вуонна лучу томан барам хилла етт. Масала, стеган меха 63 я 70 етт хилла; зуда шен майрачух ца ешаш, цIа еьча, оцу зудчун наха «цяяшар» токхуш хилла 8 етт, и. дI. кх. а. Хьаша-да веьча, цуьнан сийнна уьстагI буйьш хилла, я хьеший дуккха а хилча сту.

Лараме хилла вайнехан хIусамехь цициг а, жIаьла а. Къаьсттина цициг. Тахана а нохчийн кхетамехь ду цициг самадаккха мегар дац, иза къилахь ду бохург. Иштта, шен кIорга маьIна долуш дийцар а ду вайн барта кхоллараллехь.

Цхьана доьзалехь дехаш цициг хилла. Ткъа оцу доьзалан да цициган мотт хууш хилла боху. Цхьана дийнахь цунна хезна цициго шен кIорнешка олуш: «Кестта уьстагI бу вайн хIусамден лийр болуш, жижиг дуур ду вай». Вахана, хIусамдас, и зен шена ца хилийта, уьстагI дIабобькина. Кхин цхьа ши де даьлча, юха а хезна хIусамдена цициго шен кIорнешка олуш: «Кестта етт бу лийр болуш, тIаккха жижиг дуур ду вай». Вахана, хIусамдас и етт а дIабобькина, базара а бигна. ТIаккха кхозлагIа а хезна цунна цициган къамел: «Кестта говр ю лийр йолуш...» Говрах а изза дина хIусамдас. Цул тIаьхъа хезна цунна цициган къамел: «Кестта хIусамда ву лийр волуш, тIаккха цунна тIера сагIа доккхуш жижиг дуур ду вай». Шена тIехIоьттинчу Делан кхиэлана дан хIума а ца хилла, велла, эхарта дIавирзина и хIусамда. Кху дийцаран коьрта маьIнаш

билгалдохур вай: цкъа делахь, кхузахь гуш бу Йожалла а, бохам а сагӀано дӀатотту, цӀен тӀера хъайба далар а сагӀа ду, цхъаьннан хан яхъеш дӀадоьду и боху къоман философин кхетам; шолгӀа делахь, цигиг а, ткъа иштта кхин а шен цӀен тӀехь долу хъайба, шен хеннахь кхача а луш, Ӏалашдеш ца хилча, цара сатаса тарло иштта бохам цӀен тӀе баре; кхозлагӀа делахь, цхъана а тайпана шен бахамна эшам боцуш, дерригенах а пайда баккха тӀерташ, бӀаьрмециг хиларо дика болх бийр бац стагана.

Цхъана агӀор, вай билгал ма-даккхара, цигиге лерам беллахь а, вукху агӀор зудчух хуьлу гӀам цигиган суьртехь го нохчашна. Кхузахь оцу хъайбане шина кепара хъежам бу, нийсса вовшашна бӀостане. Оцу тайпана шен чулацамехь галморзахалла йолу хъежамаш кӀезиг ца нисло нохчийн къоман философехь.

Тайп-тайпана тидамаш, тешамаш бузу нохчаша хъайбанийн, олхазарийн леларшца. Шайна тӀебан тарлучу бохамах, я диканах болу хаамаш санна туьду цара уьш. Иштта, юьртахь бухӀа екча, я жӀаьла уьгӀча, цхъаь кхелха олу.

Пхъаьрчий, израш адамийн накъостий санна гойту нохчийн фольклорехь а. Дукха хьолахь, шайн дена тӀекхавначу бохамах хаам беш, орца доккху цара. Масала, «Бокин Цухушан илли» тӀехь, лам тӀера ца даьхкина жӀаьлеш уьгӀча, хӀусамдас уьш дузаде олу.

Амма пхъаьрчаша
Шура а ца молу, –
Ломехъа угӀу.
Дума а ца буу, –
Ломехъа угӀу...

Ша-тайпа хьулдина маьӀна го вайнахана зӀакардохнан леларехь: нӀаьна чу а йирзина, кхайкхича, хъаша вогӀу олу; ткъа котам нӀаьнех кхайкхича, иза ен а йийна, кхузза цӀийнан тхов тӀехула дӀасакхосса еза, и ца дахь, цхъа бохам хиларна кхерам бу олу.

Къаьсттина юкьаметтигаш хилла нохчийн акхарошца а. Уггар хьалха хъахор вай борз. Цхъана хенахь, хетарехь Ӏеса дин лелочу заманахь, и экха деза а, сийлахь а лоруш хиллачух тера ду вайнаха. Цундела ду нохчийн маттахь стеган дика амалш гойтуш далаш хӀара тайпа дустарш: «борз санна майра», «борз санна каде», «барзал дера», и. дӀ. кх. а. Цхъа стаг хасто лиьча, олу: «Цхъа борз ю и кӀант», «Горалера борз я!»

Барзаца боьзна дуккха а тешамаш а бу вайнехан. Масала, барзана лен чов а йина, и ялале цунна тӀера даьккхина цӀога цхъамма шен безам лаьттинчунна тоьхча, и стаг ца везавала йиш яц; иштта схьадаьккхина берзан гӀулг юккъехула даьккхича, шина стеган барт иэгӀа; ткъа цуьнан пха багийча, хьан хӀума лачкьийна стаг, и пха санна, хеба...

Цул сов, барзах «Делан туркх» олуш а ду вайн. Иза даьхнина я акхарошна тӀекховдар цхъана Лекхачу Нийсонан терза нисдеш ду бохучу маьӀнехь кхето деза и дешнаш. Ӏесачу заманахь къоман синкхетамехь барзо ша-тайпа а, йоккха а меттиг дӀалаьцна хилар билгалдолу вайна лаьтта тӀерачу садолчу массо а хӀуманан тӀаьххъара де къематде тӀехӀоттар а нохчаша оцу экханах доьзна хиларехь а. «Дуьне дохо кечдеш, шовзткъа дийнахь, шовзткъа бусий догӀа оьхур ду. Цул тӀаьхъа дерриг а лагта а, лаьмнаш а, гунаш а догӀано самсадаьхча, шовзткъа дийнахь, шовзткъа бусий мох хьоькхур бу, дуьне куьйган кераюкь санна дӀашардан. Оцу мохо и дерриге а ламанаш, хьаннаш, гунаш тӀекӀелдетташ, дӀашардинчу хенахь, гила борз ялаза дийна хир ю боху. Оццул чӀогӀа хьоькхучу мохана дуйхьал йоьрзур ю боху и борз. Кхин и борз йожа ца туьгуш, мохо меран дукъа тӀехула хъала хье тӀе кхаччалц долу чкьор эькхийтина, берзан ерриг а цӀока озийна, цӀогана тӀехула эьчна чекхийоккхур ю боху. ТӀаккха а мохе йожа ца луш, шек дӀа а ца йолуш лаьтташ йолчу барзо Деле эр ду боху: «ХӀай, веза хилла волу Дела, иштта са чӀогӀа, турпала ахь

ша кхоьллинийла хийнехь, хЮкху дуьненчохь са долу хЮма ца дита дуй буур бара-кх ша хьуна», – аьлла. Цул тӀаьхьа Дала дӀаоьцур ду боху цуьнан са». («Пхьармат» журнал, 1991, № 1).

Борз коьрта экха а, вайн кьоман коьрта маьӀне хьаьрк а хилар доьзна ду цуьнан амалшца: гуттар а, юхахьажар доцуш, мостагӀех лата кийча хилар; нагахь шен ницкъ эшахь, кьарьелла буха цасацар; дукха хьолахь, арданге ца хьобжуш, шен хьашташ ша кхочушдар; уггаре коьртаниг цунна маршо езар. Нохчаша ша-тайпа ларам беш экха ду сай. Иза тӀаьххьарчу хенахь вайн хьаннашкахь дацахь а, цхьана хенахь дуккха а хиллачух тера ду. ХЮнда аьлча, вайн кьоман барта кхоллараллехь Ӏаламат йоккха меттиг дӀалоцу цо. Сай цхьалхачу кьонахчуьнца бустуш, башха лирически илли а ду халкъан, шен исбаьхьалла Ӏаламат лакхара а йолуш:

Ламанех бухдуьйлу шал шийла шовданаш
 Шен бекьачу кийранна Ӏаббалца ца молуш,
 Варша йисте ва йолу маргӀала сийна буц
 Шен оьздачу зорханна буззалац ца юш,
 Цу хьуьнан хотешкахь берзан йорт ва етташ,
 Ӏинан кӀорге ва буьйлуш, сема ла ва дуьйгӀуш,
 Иччархочун ва тоьпо лацарна ша кхоьруш,
 Мокхазар цу бердах куьран га ва хьобкхуш,
 Цу попан орамах торгӀал тӀа ва детташ,
 Лергаш дуьхьал ва туьйсуш, кур аркъал сеттабеш,
 Орцал лакха ва буьйлуш, гӀелашна ва гӀергӀаш,
 Масане сай лела гӀелашца ва боцуш...
 Вай бен дац, кӀенатий, бохуриг ца хуьлуш?!

Кхузахь буьйцург сай беллахь а, илланчас билгалйоху цуьнан амалш цхьалхачу, хӀинца а доьзал кхоьллина чуверзаза волчу кьонахчун ю: цуьнан молучу а, юучу а хЮманна тӀехь оьзда, леларехь тӀахьаьлла хилар, цуьнан сингаттамаш, карзахе, сирла ойланаш. Акхарошца санна, олхазаршца а кьинхетаме а, лераме а хилла нохчий. Иза гуш ду вайнаха берашна олхазарийн цӀераш тахкарехь а: Леча, Аьрзу, Куьйра, Кхокха, Маккхал, Олхазар, ТӀаус... Кьаьсттина сийлахь олхазар ду нохчашна чӀегӀардиг. Цо шен бен адамашна юххехь стенна бо дуьйцуш, кӀорга маьӀна долуш дийцар а ду кьоман иэсехь дисина.

«Дуьненчу хӀорд хьаьддачу хенахь, цхьана доккхачу хӀордакеманна тӀехь адаман а, акхаройн а, сагалматийн а хЮ кӀелхьарадоккхуш хилла Нухь-пайхамар. Дуккха а зама аьлча, хӀурдакема, цхьанхьа Ӏуьрг а даьлла, хих дуза доладелла. Добхна хьаьвзина адам а, экха а, сагалмат а. ТӀаккха текхарго аьлла, ша хьарча а хьаьрчина, шен дегӀаца дӀадукьур ду и Ӏуьрг, нагахь шега уггар мерза цӀий долчу хЮманан цӀий малийтахь. Массо а реза а хилла, текхарго Ӏуьрг дӀа а дуькьна, хӀорш латта долчу дӀакхьаьчна. Текхарго бумбари араяьккхина, уггар мерза цӀий хьенан ду хьажал аьлла. Шена тӀедиллинарг кхочуш а дина, юхайогӀучу бумбарина дуьхьалдаьлла чӀегӀардиг. «Хьенан цӀий карий хьуна уггаре а мерза?» – хьаьттина цо. «Адаман цӀий», жоп делла бумбарис. «Схьагайтал хьайн мотт», аьлла чӀегӀардиг. ДӀагайттина бумбарис. ЧӀегӀардиг, зӀок тоьхна, дӀакхьаллина цуьнан мотт. Шена хьӀнарг текхарге дӀадийца мотт боцуш, «бу-у-у», – бохуш, лела миска бумбари хӀетахь дуьйна. Ткъа чӀегӀардиг, пхьидан цӀий дара бохура цо уггаре а мерза аьлла текхарге. Пхьидан цӀий меллачу текхаргана и мерза ца карийна. ОьгӀазьыханчу цо, чӀегӀардигах цетоьхна, амма тӀома дала кадаьллачу олхазаран цӀоганна бен тӀе ца кхьаьчна иза. ХӀетахь, текхарго юкъ дӀа а яьккхина, шалго дисна боху чӀегӀардиган цӀога. «Ас хӀинца дуьйна хьан кӀорнеш юуш, тӀаьхье кхуьуьйтур

яц хьан», аьлла боху текхарго. «И хьобга ца дайта, ас сайн бен адамашна уллохь бийр бу», жоп делла хилла чегардиго».

Оцу дийцаро а гойту вайн кьоман синкхетамехь цхьадолу акхарой, олхазарш адамийн накьостий, доттагий санна хетар. Ткъа поэта Абдулаев Лечас иштта аьлла цунах лаьцна:

Муьлххачу а туьйранехь
Турпал ву.
Турпална саьрмик бен го дийраш
Хунда ю даима
Хуманаш, дийнаташ?
Адамаш,
Шу мичахь хилла-техь?..

Иза иштта делахь а, нохчий дукха хьалхе дуьйна экханна толлуш хилла. Амма цу тгехь а, хорамма а шен каяьлларг ца лелош, шен бакьонаш а, дозанаш а хилла. Масала, талла йиш ца хилла акхарой дехкачу заманахь, я церан тгьахь дукха жима йолуш. Стаг талла ваханехь, эхка ура-атталла дежаш хилча дер а ца магош хилла нохчийн кьоман оздангалло. Шен рицкъа схьаэцийта, рицкъанах кхеташ хиларна шен само гелъеллачу экханна тешнабехк а ца беш, бохург ду иза.

Кхин цхьа бехкам а хилла таллархочун бохо йиш йоцуш. Муьлххачу а акхарочун ху хадо йиш ца хилла, шена оьшуш а доцуш, совнаха, синкьерамна эхка ден бакьо а ца хилла. «Нагахь, иштта эрна, дукха акхарой дойуш стаг хилча, цунна бекхам бо Акхаройн Дас», бохуш, легенда а ю нохчийн синкхетамехь. Хетарехь, иза Тесачу заманахь кхоллаелла ю. И иштта делахь а, цуьнан оздангаллин маьна гуш ду: ахь мотт ца хуучу хьайбанашна дина зулам бекхам боцуш дуьсур дац хьуна, бохург ду иза.

Акхарой тгехь халлак ца дайтарна тгехьажийна кхин цхьа гиллакх а хилла нохчийн ладатехь. Кхо бге эхка дийначу таллархочо шен тоьпан бух баго безаш хилла. Ша кхидла таллархо вац бохург хилла иза. Нагахь и ца дича, Акхаройн Дас, цо дайинчу акхаройн чир оьцуш, халлаквеш хилла иза, бохуш дуьйцу халкъан дийцарша.

Дизн магош ца хилла тгехь цхьа ша-тайпа билгало, хюст долу эхка а. И кхечарах къаьсташ долу дела, цо акхарошлахь ша-тайпа маьна леладо боху тешам хилла вайнехан.

Хьайбанех, акхаройх болу кьинхетам уггаре а кегийчу дийнаташца – сагалматашца а хилла вайнехан. Къаьсттина накхармозех а, зингатех а лаьцна дукха хьекьале аларш, дийцарш ду нохчийн фольклорехь. Масала, хьанала къахьогьгучу стагах, «накхармоза санна, къахьогьгуш ву иза», – олу. Ткъа мало йолчу стагах, «моз доккху моза бац иза, моз дуу моза бу», я «жуккар» (никх чохь, яр бен, кхин балхана пайдена боцуш, бежа моза) олу. Зингатах долчу дийцаршкахь, оцу сагалматан къахьегарна тгера хилар гайтина ца лаш, цуьнан доьналла, собар, ира хьекьал хилар а гойту. И адамийн бен хила йиш йоцу синмехаллаш оцу зингатна яларца, нохчаша билгалбоккху шайн оцу дийнате мел боккха сий-лерам бу. «Сайн гюдаюкь хедар яцахьара, дерриге дуьне а такхор дара ас», аьлла боху зингато. Оцу аларехь халкъо тге тидам бахийтина зингат болх бан лаам болуш а, шен дегге хьаьжча, онда а хиларна.

Кхечу дийцарехь гойту юучу хуманна тгехь иза лаламат кхоаме а, озда а хилар. Цхьана хьалдолчу стага хаьттина боху зингате: «Хьуна шара чохь мел ялта тоьар дара?» аьлла. «Суна-м цхьа кен буьртиг а тоьар бара», жоп делла боху зингато. Цо дуьйцучух ца тешаш, цхьанхьа чудоьллина боху хьалдолчу стага и зингат, цу чу цхьа кен буьртиг а биллина. Цхьа шо далча, вахана, парглатдаьккхина оцу стага и зингат. Чога цецваьлла иза, зингато ах буьртиг

бен биъна ца карийча. «Со тешна дацара, аьлла зингато, хьуна, шо дладаьлча а, со дагадогӀур ду аьлла. Цундела кхоаме дара со кхачица».

ХӀокху дийцарехь а го оццул жима долчу дийнатах мел доккха маьӀна а, дахарехь адамна оьшу амалш а йоьзна халкъо. Кхузахь хьахо деза зингатиин барз бохо мегар дац, и бохийча, догӀа догӀур ду боху халкъан бехкам а. Зингатиин баьрзнаш къаьсттина мангал хьокхуш дохадо. И бахьанехь, йочана а хилла, хьаькхна йол догӀанехь а йисина, телхар ю, цундела зингатиин баьрзнаш лар а деш, хьакха мангал бохург ду иза. Халкъо, хьекъале ю бохуш, дуккхаьчу дийцаршкахь юьйцуш ю зу; кертахь хилча беркат тедогӀу бохуш, цӀе яккха а ца магош ю дингад (дехкийцоьстург а олу цунах); еза ю бохуш, хьахайо сагалмат делан котам, додам... Таьххьарчух боьзна цхьа тешам а бу, иза куьйга тӀе а яккхина, дӀахецча, и тӀома а яьлла дӀаяхначу агӀорчу юьртара нускал далор ду бохуш. Поэта Рашидов Шаида стихийн барамехь яздина иза:

Бай тӀера додамаш пӀелгаш тӀе йохуш,
Мичахьара далор ду ас нускал бохуш,
Шуьгахьа уьш евдча безамца вогуш,
Сатийса кхоьллина хилла-те со?..

Гуш ду вайнехан хьайбанашца, акхарошца, сагалматашца йолу юкьаметтигаш Дала кхоьллина дерриге а хӀума жима а, доккха а шен цхьа меттиг, шен некъ, шен къайле, шен маьӀна долуш ду, бохучу философин буха тӀехь хилар... Цхьа Дела воцчунна хаа йиш яц церан ма-дарра долу маьӀна, цундела Дала кхоьллинчу садолчу хӀуманашка бен доцуш хьежа таро яц оьзда стаг, ийманехь волу стаг.

Иза юкьаметтиг хила еза цуьнан чохь садоцчу Ӏаламца а. Цунах дика кхеташ хилла вайн генара дай. Цхьа а ларам боцуш, кхоамза хьун хӀаллакъяр а магош ца хилла цара. «Хьуьнан а шен да ву, олуш хилла наха. Хьуьнна дукха зен дича, цо бехкам бийр бу».

Хьуьнха вольдучу стага шен диг тӀе бехчалг хьарчайой, къайладоккхуш хилла, иза дитташна ца гайта. Ша дечиг охьатоха дӀаволавалале, «Бисмилла» а доккхий, «Везан Дела, къилахь ма ларалахь», – олуш хилла стага, ша бежанна я кхечу хьайбанна урс хьокхуш ма-аллара.

Къаьсттина чӀогӀа лерам хилла нохчийн тӀе стом латочу дитташца: Южаца, кхораца, стовца, хьайбица, и. дӀ. кх. а. Магош ца хилла уьш дечгана ягон я кхечу хьаштана царах пайдаэца. Нагахь цхьамма и дахь, нахалахь цӀе дӀайоьдуш хилла: «Кхуран дечиг дагийна хьенех», олуш. Иза изхье тӀехтохам а хилла. Нислуш хилла хьуьнакхор охьатоьхначунна кӀарлагӀа югӀуш а. Ӏаламат чӀогӀа лерам хилла стовца а. Цуьнан ши буьртиг кийрахь а болуш кхелхича, стаг декьал хир ву боху алар а ду нохчийн кхетамехь дехаш. Магош ца хилла цӀулан (цӀунан) сара тоха а. Бакьду, оцу сараца нораш доьхкуш хилла нохчаша. Нуй гутгар чохь хуьлу дела, иза езчу дечган сараца бехкар, хӀусам вуочу хӀонах ларъяран Ӏалашо йолуш хилла. Дечгех лерам болуш элхьамч, сур, хьаьмц, хьормак, кхидолу стом лун дитташ а хилла.

Стом ца лун цхьадолу дитташ а хилла нохчаша лоруш. Масала, турс; турсан дечиг чохь хилча, дика ду олуш хилла. Каралелон гӀаж я Ӏаса турсах еш хилла. Ткъа кхелхина стаг лахьти чохь дӀавиллича, цунна дуьхьал хӀиттайо упханаш ножан дечгах ю.

Цхьайолу бецаш а хилла халкъо чӀогӀа лерам беш. Царах ю, масала, хаза хьожо йолу йиппарбуц, Ӏаждарбуц, динберг, чом-буц... И таьххьарлера буц дегӀаца хилча, стаге муьлхха а дуьхьало йохало бохуш, дуьйцуш хабар а ду халкъан.

Ша-тайпа оьздангаллин барам бу нехан шовданашца, догӀучу хишца, Ӏаьмнашца йолчу юкьаметтигашкахь. ХӀора юьртахь а хуьлуш хилла шовданашна доладеш, керла гучудаьллачу хьостанна гонаха керт еш, хи

схьадалихта чорге я бирге юьллуш, маьхза юкъяра белхаш беш нах. Дукха хьолахь оцу шовданна цунна дола дечу стеган це туьллуш хилла: Эдалан шовда, Гамин шовда... Шовданийн а, догучу хийн а, йаьмнийн а йистош цена латто еза, церан хиш чохь боьха хумнаш йитта магош дац. Цунах лаьцна дуккха а шира дийцарш а ду нохчийн фольклорехь. Царах цхьаь иштта ду. «Амкье олучу цхьана кютарахь цхьа Ам хилла. Цу Юман хи чога цена а, дарбане а, деза а лоруш хилла. Цу Амкьахь йачу цхьана оьзда йоцчу зудчо берийн боьха хумнаш йиттина цу хийистехь. Цул тлаьхьа и Ам, сту а хилла, болабелла Галанчожний, Ялхарний юккьехь лаьтташ болчу ломах цхьа церг а йоккхуш, Галанчожа охьабьена. Цунах Амбедача олу. «Амбедача» бохург «Ам бедда меттиг» бохург ду. Бьдуш, цхьана майдана йисте кхьачна сту. Цу майданахь шайн-шайн ардаш охуш нах хилла. Иза майдана хьалабаьлча, цхьана доьзална гина. Дас-нанас, и сту дабожа беза, вайниг гелбелла аьлла. Шина бери, ма божа, нехан бу и боххушехь, дас схьа а лаьцна, дабоьжна и сту. Старо ког баькх-баьккхинчохь хи долуш хилла. Цо кхозлагла гуо боккхуш, баша а бешна, Ам хилла цунах. И сту дабожа аьлла дай-наий, готий чу а дахна, ши бер юьстах а кхуссуш. Хетахь хьобтина и Ам хинца а болуш бу. «Галанчожан Ам» це тиллина цунна». Хюкху жимчу дийцарехь доккха маьна ду. Цхьа делахь, хиш бехдан ца дезар а, и динарг цхьа бекхам боцуш вуьсург цахилар а; шолгла делахь, шен доцучу хуманна текховда мегар цахилар а, кхевдича, Дала иза цхьа бекхам ца беш цадитар а.

Вай дийцинчух терра дийцар Нихала уллохь лаьттачу тулгах а ду. Оцу тайпана боьха хумнаш йиттина аьлла, цигахула охьадоьду ахк, ломал дехьа а даьлла, кхечухьахула охьаьха доладелла, ткьа и динчу зудчух хилла тулг хинца а лаьтташ бу.

Нохчийн барта кхоллараллехь хишца, йаьмнашца доьзна хьекъале дийцарш дуккха а ду. Иштта, Хьачара юьртана лакхакь ломакь цхьа Ам бу бохуш дуьйцу. И Ам дикчу стагана бен ган йиш йолуш бац, вуон стаг, кьинош долу стаг теьвеьча, иза лаьттах кьайлаболу боху. И дийцар, хетарехь, цунийн (Тесачу) динан заманера дисина ду, хетахь вайнаха деза-сийлахь лоруш хилла цхьадолу лаьмнаш а, йаьмнаш а, хьуьнан хотеш а, царах дуьнаш а дууш, чогаонаш а еш... Цул сов, ша латта а хилла деза а, ларам бан безаш а. Масала, магош ца хилла лаьттах эрна дечигаш еттар, хьостамий деттар, оьрнаш дахар. Лаьтта теьхула волавалар а, и лазор долуш санна, дай, лерина хилла оьздачу стеган, «Мел тлаьхьа а, хьан кийра даван дезаш ву-кх со а», бохучу ойланца.

Ткьа лаьттана беш болу уггаре а боккха ларам – иза цу теьхь хьанала кхьаьегар ду. Цхьана хенахь латта, ша даден деза хан текхьаьча, оре беьна етт санна, йоьхуш хилла боху. Амма и лаьттан чога дукха чога хиларна, нах йадош а, вуно кхералуш а хилла. Цундела Дала дихкина боху лаьттана йахар.

Ялта да ца дуьйш деса, я ялта да а дийна, асар ца деш латта дитар доккха эхь хилла; эхь хиларал сов, иза кьа а лоруш хилла. Асарх цан ца деш, ялта дийна шен урд датесначунна лоллар югуш хилла лаьттах хьокха а тухий, цу те асар а дуьллий, мунда еш. Хьалха заманахь, кхо буьртиг дабелла долу латта да а ца дуьйш, Хьаьжцла ваха а бакьо яц олуш хилла нохчаша. Илманчас Хасиев Сайд-Мохьмада дийцарехь, Хьаьжцла ваха ваьлла цуьнан дененан да ворхазза вухаверзийна юьртахоша, цо цхьацца кхочушдан деза цуьнан декхарш дуьхьал а детташ, царах цхьаь хилла цо, ялта да а ца дуьйш, дитина цхьа масех метр хиллал латта. И дерриге а декхарш кочушдинчул тлаьхьа, бархологла шо доладелча, Хьаьжцла ваха аьтту баьлла оцу стеган.

Лаьтта теьхь хьанала кхьаьегар нахана марздеш, цуьнан мах беза буйла хоуьйтуш, тайп-тайпана дезденош цайш хилла вайнехан. Царах цхьаь ду харш тосу де. Иза йай, блястей кьаьстинчул (март беттан 23 де чекхдаьлчул) тлаьхьа ши кира даьлча билгалдоккхуш хилла. Оцу дийне хьаьжжина хир ду шеран ялта а, теьдогу шо а бохуш, чога лерина кечам беш хилла цунна. Хьалххе кечдеш хилла дуьхьара харш тосуш, бал боккхуш

дѣадаха деза стерчий дузош, цѣндеш, цѣран маѣийн баххех хьакхар хьокхуш, довхачу хица лийчош. Иштта лерина кечдеш хилла нох а. И де арара ло дерриге дешна далаза, шийла хилахь а, я малх кхетта, якъаелла, йовха хилахь а, йочане-йобкхане хьаьжна доцуш, билгалдоккхуш хилла.

Гота дѣайолош, стерчийн юьхь лаьцна дѣаваха веза стаг юьртахь шен оздангаллица, хьанал вахарца, гѣллакхца, бусалба динехь доьзал кхиош хиларца къастош хилла, юьртахойх массо а реза а волуш. Иза доккха, сийлахь хѣума а хилла. Хаьржинчу стага сту буьйш хилла юьртана хиндолчу ялтина а, шен доьзална а тѣра сагѣйна. Гота яхале хьалха оцу хаьржинчу стага хѣу тосуш хилла. И хѣу цуьнга дѣалуш дин лелорца, озда а, кьинхьегамна тѣра а, беркате а хиларца билгалгъяьлла зуда хилла, наха хаьржина. Иза боккхачу доьзалан а, хьанала вехачу къонахчун хѣусаман а, кхерчан а, цѣран а нана хуьлуш хилла. Дукха жима а йоцуш, дукха къена а йоцуш, гѣметта хѣобгтина зуда. Оцу зудчо шен канашца схьаобьцун хилла ялтин хѣу, шен куьйгийн беркат, йовхо оцу хѣуьнан буьртигашка кхачош. Таккха «бисмилла» а доккхий, Деле хьийкъина ялта кхийтар доьхуш дешнаш олий, хѣу и дѣатосучу стаге дѣалуш хилла. Цо а, иштта Дела а хьахавой, Делан цѣрца дѣадолош хилла хѣу тасар. Цул тѣаьхна гота дѣайобдуш хилла. Нахаран баьлчаш лаьцна лаьтгачу стагана тѣеюьйхина харцахь аьккхина кетар хуьлуш хилла. Оцу кетаран чобш санна, луьста, хьийкъина ялта хилийта бохург ду иза, ткъа иштта вочу бѣаьргах и гѣуллакх лардаран Галашонца деш а ду.

Нох шозза дѣадахца, готанан хорша чу, кхузза шура а тухуш, етт оза безаш хилла. И етт оцу дийнахь арабаьккхинчу юьртан бажана юккъера хилла, шуьрина а, эсанна а дика а болуш, тѣаьхь а кхуьуш, беркате етт. И узург дѣадуьйш долу хѣу кечдан наха билгалгъяьккхина оздачу доьзалан нана хилла. И шура аьхначу лаьтта озаран маьйна а цу лаьттан беркат совдаккхар, и латта хьандар, дѣадийна хѣу хьийкъина кхийтар ду.

Харш тосу де я бѣал тѣкѣл боккху де цѣай хиларе тѣра, оцу дийнахь тайп-тайпана къийсадаларш хуьлуш хилла, говраш хохкуш, я хьалха бовларех бовдуш (бовдуш болу кегий нах когаш Гуйра хилла), я кхин тайпа хуььнарш гойтуш. Царах цхьа къийсадалар иштта хилла. Харш тосучу денна лерина мекхан демах дина гѣеххьа долчу теккхал доккха чкъург хуьлуш хилла.

И чкъург гота аьхначу цхьана стеран маьлаьх дѣауллаш хилла. Жимчу стага ведда воьгуш, саца а ца соцуш, уллохула тѣехъэккхашехьа оцу чкъургах катухуш хилла. И цуьнга ца дойтуш, чкъург лардеш, иза маѣи тѣехула хьалий, охьий идош (иза маѣл лакхадаккха йиш ца хилла), хехо хуьлуш а хилла кегийчу нахах цхьаь. Оцу чкъурган цуьргаш дийнна шарахь лелош хилла, иза кертахь хилча беркат хир ду, и чу тесна хи а дарбане ду бохуш, ца кхьачначунна дакъа а деш, совгѣтна а луш. Дуккха а хьалха, тахана вайна тамашийна кетар долуш, кхин цхьа гѣллакх а хилла вайнахана юккъехь. Оцу дийнахь юьртахь оздангаллица, хазаллица цѣеяхначу йоѣа цѣе тухуш хилла ша доьзал кхолла реза йолчу кѣантана. И кѣант тѣетайча, керла доьзал кхоллалуш хилла оцу дийнахь. Доьзал кхоллар, ялта дер, доьзалан хѣу тасар, ялтин хѣу тасар ший а цхьабосса сийлахь, цхьатѣра жобпалле ларар ду цуьнан маьйна. Нагахь реза ца хилча, цѣе тоьхначу кѣанта и йоѣ йолчу ден цѣийнан утармех сту дѣабехка безаш хилла, харш тосучу бахана нах цѣаберзале. Шен реза цахиларан, йоѣах цавашаран мах бу цо луш берг.

Тѣехуьу тѣаьхь кьинхьегам безаш кхиоран, ткъа иштта шайн юьртахочунна халчу балха тѣехь гѣо даран Галашонца вовшахтухуш хилла белхеш (белхи). Тайп-тайпана белхаш кхочушбеш хилла гулбеллачу наха: хьаьжкѣаш тилош, тѣаргѣа къаьжбеш, цѣеношна поппар хьохуш, мангал хьокхуш, и. дѣ. кх. а. Белхеша, вай хьахийначу гѣуллакхел совнаха, кегийрхошна вовшийн довзаран, озда самукъадаккхаран Галашо кхочушъеш а хилла. Цхьаболу белхи синкъераман дуйхьа беш хилла, болх бахьана а долуш; вуьйш белхи (къаьсттина

поппаран белхи) коьртаниг болх а болуш, ткъа синкьерамо иза дика а, сиха а кхочушбарна аьтто беш хилла.

Белхешна масех де хьалха кечам бо. Масала, ценош хьаха белхеш вовшахтухуш, хьалххе поппар бо, юучуьнца кхачо йо, вотанча, пондарча кхойкху. Белхи дахьош мехкарийн терго еш билгалйоккхий зуда хуьлу, божарийн гуллакхе хьожуш а цхьа стаг хуьлу. И шиь оьшуш ду, белхий берриге а синкьераме а бирзина, бан лерина болх кел ца бисийта, низам латто.

Оцу тайпанчу белхешкахь беза болх (поппар белашца схьабаккхар, экханаш тлехь иза дакхехьар, тхов тле хьалабалар...) божарша кхочушбо. Ткъа зударша и поппар вовшашка кар-кара луш, дахьохучаьрга дакхачабо. Хора жима стаг шен ойла лаьтгачу йоана белаца поппар боккхуш, аьтто баьлча, вистхуьлуш, бегаш беш, кьинхьегама тлехь каде хьийза. Мехкарий балхана мелла а юхаййзалуш хилча, церан тергам бечу зудчо шен карара сараг я нитташ бетташ, балха юкьатоьтту уьш. Къаьсттина юхаозало мехкарий поппаран юкь ца йолош, и йолийначуьн марнана лийр ю бохучу халкьан забаро юхакьехкабо уьш. Амма и тешам чоьга бацахь а, я марненах къастар ца ладаллал доккха вуон ца хетахь а, дукха хьиз ца йолуьйтуш, поппаран юкь йолайо нитташа я сараго тлечехочу мехкарша. Болх юкьа-кара саца а бой, вота а тухий, пондар а локхий, хелхарш до. Амма уьш дукха дах ца долуьйтуш, хелхарийн шовкь балхана тлеерзайо белхи дакхохьбучара. Поэтана Арсанукаев Шайхина иштта гина поппаран белхи:

Ловзар дац хьойттинарг лулахойн кертахь,
 Белхий бу, белхий бу поппаран белхий.
 Ерриг юрт гульелла кху уьйтга бертахь,
 Цкъа болх бо, забаршца, хелхарш до, боьлхий.
 Вота а кхиссало, клажьоьху пондар,
 И хала болх хета тахана атта.
 Мехкарша, хи детташ, кечбо шайн поппар,
 Кегийнах, кьийсалуш, охкуш бу латта.
 Чекхдевр ду и ценош тахханехь хьаьхна.
 Я болх а лаьткъар бац цхьанна базбелла...
 Лаьмнашкахь даима нах ишта баьхна,
 Хораннан йиш йолуш хора неI елла.
 Ловзар дац хьойттинарг кху кертахь йуьйре,
 Белхий бу, белхий бу поппаран белхий.
 Вуьсур вац юьртахо, текхачча гуьйре,
 Тхов боцуш – юьртахой баьхкина белхех!

Белхи, ценош хьаьхна довлалц, эшахь, маьрклажан хан хиллалц, бахлуш хилла. Белхи дабирзича, ценой дас: «Дела реза хуьлда шуна, доккха гуллакх дин аша, Дала мел яздойла аша хьегна къа!» олу. Вукхара дуьхьал жоп ло: «Дала беркате, ирсе хлусамаш йойла! Дела реза массарна а хуьлда!» Иштта дабоьрзу муьлхха а белхи а. Вай кхузахь мел дийцинарг хьайбанашка, акхарошка, дитташка, бецашка, хишка, лаьмнашка болу лерам, цаьрца лелон еза кьинхетаме юкьаметтигаш чулоцу «Даймахке безам» бохучу дешнаша. Хетарехь, цхьана нохчийн кьомах болчу нехан бен дац, ша дуьненан муьлххачу маьлехь вехаш велахь а, шен каш Даймахкахь хила сел чоьга лаар. Цундела нохчийн гиллакх ду муьлхха а нохчо и шайн накьост велахь а, я вевзаш вацахь а кхелхинчул тлаьхьа ша винчу махка ца кхачо гортар. Дай баьхна латта деза хетаран барам лаккхара хиларан билгало ю иза.

«Дай баьхна латта. Дуьхьара цхьана блаьстенан малх кхетгачу дийнахь девза иза. Оцу маьлхан злаьнаршца, зазадоккхучу бешаца, нуй хьаьхна къагийначу уьйтгеца, боргалийн кхайкхарца... Девза ненан хьастарца, ден

хъехамца. Денна а хазло иза, маълхан догІанаша лийчош, баьццара бай болуш. Иза кьона а, хаза а хета. Эшарш ека хотешкахь. Ахь тІаьхьара олу.

Хьо хьаьддий, веддий лела, цкъа дІо орца волуш, тІаккха Іин чу вуссуш. Хьан хазахетар, лоппаг санна, эккхий дадоьду аьхкенан малх хьаннаш тІе лахбеллачу хенахь. Хьуна дахар кьахьдо безачарах кьастаро. Дерриге а хьалха санна ца хета – вада лаьа. Дуьненан маьПе вала. Амма и лаам кхочушбича, хьан хьераваллал сахьаьвза хийрачу махкахь. Хьо водий, юха а цІа кхочу. Хьо кхета: мел баккхий баланаш, гІайгІанаш тІехлиттарх, кьаста йиш яц хІокху лаьттах, кхуьнца хьо хазахетарша санна вузу баланаша а. Кьаьхьа а, мерза а хиларх, хьан латта ду хІара. Кху лаьтгаца ийна хьол хьалха мел баьхначеран даьІахкаш, ойланаш, гІайгІанаш, хьацар, цІий...» («Сатоссуш, седарчий довш», Грозный, 1986). Даймохк иза цхьа лаьмнаш, хиш, аренаш хилла ца Іа. Даймохк иза уггар а хьалха хІокху лаьттан адамаш ду, церан вовшашца йолу оьзда юкьаметтигаш, гІиллакхаш, марзонаш, баккхийчеран хьекьал, Іеламнехан беркате серло, кегийрхойн доьналла, мехкарийн оьздангалла, нахана юккьера нийсо... И дерриге Далла дукхадеза гІиллакхаш хІокху лаьтта тІехь латто, дебо, кхион гІергаш адамаш хиларо марздеш хилла нохчашна хІара латта. Амма уьш лардеш ца хилча, Даймакхе, лаьтте марзо а шелло, и кьахьоне йоьрзу. Иштта заманаш а яьхкина вайн махкахь. Масала, Кавказан тІом чекх а баьлла, нохчийн мохк оьрсийн паччахьан олалли кІел бахана зама. ХІетахь дуккха а нах кхечу мехкашка дІакхелхина. Амма шайн дахар кьїэн я хьоле нисдаларх, цкъа а шайн Даймакхе болу сатийсам, безам дегнашкахь гІел ца белла церан.

Иштта хьал хІоьттина вайнахехь махках даьхначу хенахь а. Хийла дас, ша леш, уггар а чІогІа сатеснарг Даймехкан шовданех цхьа кьурд бар, башлаьмнийн кортойх цкъа бІаьрг тохар, юьртахойн кешнашкахь лаьттах вахар... ТІаьхьа, цІадерзар маьршадаьллачу хенахь, хийла стага, шен ден я ненан тІаьхьара лаам кхочушбеш, церан даьІахкаш цІа а еьна, Даймехкан лаьттах йоьхкина меттигаш а нисьелира. Нохчийн поэташа тайп-тайпанчу дешнашца бийцина Даймакхе болу безам. Мамакаев Мохьмада:

Хьан бах хьо, сан Даймохк, яханчу хенахь
Йоза а хьайн доцуш, бІарзбелла баьхна?
Кьийсамо аьгначу хьан тІулган белшахь
Гуш ду-кха яздина сан дайшка кхаьчнарг...

Мамакаев Іарбис:

ДІатийнчу кондарийн варшашца кхелина,
Сирлачу шовданийн хьесашца ерина,
Сан дагна дукхаезна Даймехкан аренаш,
Шул мерза хІун хир ду яхь йолчу дагна!

Айдамиров Абузара:

Бераллехь со хьоьха
Кьаьстинчу хенахь,
Суо жима бер долуш
Ас ма биттара,
Карий хьо ас дагахь
Латтийнчу суьртахь,
Сих-сиха гІенаха
Суна ма-гарра.

Сулейманов Ахьмада:

Даймахкера безам гайта,
 ДоттагИий, аш таро ло,
 Цуьнан дуьхьа муха вега,
 Муха ле ас гойтур ду.

Дикаев Мохьмада:

Сан дай баьхна латга,
 Сан ирс долу Даймохк,
 Хьох къаьстина, догдиллина
 Іалур ца хиллера.

Даймахкана шен дахар дІадала кийча хилар хоуйтуш, дош ца олуш наггахь а нохчийн яздархо висна а хир вац. Кхузахь билгалдаккха деза, Даймахке болу безам, ша «Даймохк» боху кхетам дуьненчохь мел йолчу мехаллел лакха хІиттош маьІнаш а нисло цхьаболчу яздархойн йозанашкахь. Иза, хетарехь, вайн махкахь еххачу хенахь лаьттинчу Іедалан харцидеологин тІелаткъам хила а тарло. Амма иза доккха философски гІалат ду. Дуьненчу Дала кхоьллинчу стагана оцу Далла гІуллакх дарал деза цхьа а хІума хила йиш яц, и ду стеган дахаран маьІна а, цуьнан уггар сийлахь Іалашо а. Цул тІаьхьа латга деза Даймохк, халкъ, цаьрга болу безам, церан хьашташка хьажар.

Махке болчу безамах лаьцна дуккха а дийцарш а, кичанаш а ду нохчийн барта кхоллараллехь. Иштта, цхьана хабарехь дуьйцу.

Цхьана стага мохь тоьхна хилла массо а акхарошка а, дийнаташка а, ша цІе таса воллу кху махкахь, кху махкара дІадовла аьлла. Кхано, цІе яьгна яьлча, оцу стагана гина, цІаро бага а бина, бала бетталуш Іуьллу текхарг. «Ас мохь тухуш ца хезира хьуна?» хаьттина оцу стага текхарге. «Хезира, аьлла текхарго, суо бинчу, кхиинчу махках а баьлла, хийрачу махкахь бехачул, сайн цІахь балар гІоле хийтира суна». Текхаргана а ша бина, кхиьна латга оццул дезаш хилча, кхетам болчу адамашна сел чІогІа иза дезарх, тамаша бойла а дац. Цунах ду хІара кица а: «Нехан махкахь эла хуьлчул, шен цІахь лай хилар гІоле ду».

ТІаьхье хир ю

*Наш гость***«Главное в человеке – человечность...»**

Седовласый, среднего роста, с добрыми по-детски глазами и мягким приятным голосом, он принимает поток посетителей и у себя дома в родном Алхан-юрте, и в офисе, что арендует в Слепцовске (Республика Ингушетия). Он известен в нашей республике как врач-фитотерапевт. В душой мир трав и цветов он погрузился во время первой чеченской военной кампании – попытка убежать от человеческого и фармакологического произвола в лоно природы обернулась освоением новой профессии. Но редко кто знает, что этот человек, который в наши дни находит гармонию в цветиках-семицветиках, когда-то, кажется, очень давно эту же гармонию искал и находил в семи нотах музыкальной гаммы. Редко кто знает, что именно он, Муса Кантаев, является автором музыки и слов песни «У родника», которая ранее исполнялась многими другими артистами эстрады и нашей, и сопредельных республик и которая буквально в эти дни взорвала Интернет: кавер-версия и клип в исполнении талантливого певца из Кабардино-Балкарской Республики Астемира Апанасова имеет колоссальный успех на Youtube, многочисленные просмотры, теплые комментарии и широкое распространение по каналам других соцсетей.

Сегодня Муса Кантаев гость нашей редакции.

На фото: Муса Кантаев и Муса Ахмадов.

Муса Ахмадов. В самом начале нашей беседы я бы хотел взять музыкальную паузу... Мне скинули этот клип по Ватсапу... Поет молодой кабардинский певец Астемир Апанасов на английском, итальянском, чеченском, русском языках (включает видеоролик на своем телефоне, где исполняется песня Мусы Кантаева «У родника»).

Муса, расскажи нам о себе, о том, как ты пришел к сочинительству музыки?

Муса Кантаев. Родился я в 1951-ом году в Казахстане. В 1963-ем году наша семья вернулась на историческую родину, в село Алхан-юрт. В 1969-ом году, после прохождения соответствующих курсов, меня взяли на работу завклубом при сельском ДК. А в 1970-ом году я поступил в музыкальное училище. Со мной вместе учились Имран Усманов, Али Димаев, Умар Димаев... Но после первого курса меня призвали в армию. После возвращения в 1973-ем году я продолжил учебу, будучи на втором курсе. В 1974-ом году написал свою первую песню. Там еще такие слова были (*Муса Кантаев напевает*): «Алахья соьга, йог'ар юй теша...». Эту песню исполняла и Маьлх-Аьзни Чакараева, и Токаев Сулиман... Первые свои музыкальные композиции я сам не исполнял. Со мной еще учился Сулиман Токаев, он также концертировал. Так я ему показывал свои сочинения. Имран Усманов, помимо того, что он замечательный исполнитель, в те годы еще и музыку сочинял и сам же исполнял свои песни.

Затем, в 1976-ом году была написана песня «Хазалло кхоллина хьо», я ее тоже передал Сулиману Токаеву и первым ее исполнил он. И за этот же период была написана песня «Дека хьан аз».

Муса Ахмадов. То есть «Хазалло кхоллина хьо» и есть та самая «У родника», что сейчас поет Апанасов?

Муса Кантаев. Да.

Муса Ахмадов. А «Дека хьан аз», не смог бы ты ее напомнить, напеть чуть-чуть...

Муса Кантаев. «Хьан б1аьргаш лепара, хьо дагна езара / Баркалла хьуна, йо1, хесталло геннара хьан дека аз...». Эту песню тоже пел Сулиман Токаев.

Саламбек Алиев (*редактор отдела публицистики*). А кто автор слов?

Муса Кантаев. Слова тоже мои. Мы были молоды и все, что взбрет в наши молодые головы, то и писали (*смеется*)...

К слову сказать, если бы не тогдашний министр культуры Татаев, вряд ли нас тогда и в училище бы приняли. Ведь обязательное условие для поступления в Грозненское музыкальное училище – это наличие за спиной музыкальной школы. И только после личного распоряжения министра Татаева нас с Имраном приняли в училище. Я учился по классу аккордеона.

После окончания учебы меня направили в Урус-Мартан...

Муса Ахмадов. В те годы, в годы вашей учебы и в последующее за тем время, на вайнахском культурном поле появилось много талантливых молодых людей. К примеру, в художественной литературе об этом можно судить по творческому объединению «Пхьармат». Музыкальный же цвет нашей республики представлял ты, Сулиман Токаев, Имран Усманов, Али Димаев, Рамзан Давлидов и многие другие. Кого бы ты еще вспомнил?

Муса Кантаев. В 1977-ом году, когда я в Гихах работал в музыкальной школе, ко мне пришел Хусейн Домбаев... По-моему, и ты его хорошо знаешь, Муса?

Муса Ахмадов. Да, конечно. Он стихи писал.

Муса Кантаев. Так вот, как раз он мне и рассказал про клуб «Пхьармат», что он член этого клуба. А также показал свое стихотворение «Кьоналла» и попросил положить его на музыку. В том же году я это и сделал. Помню, как мой односельчанин, известный в нашей республике поэт Хусейн Сатуев, человек крайне сдержанный на эмоциональную оценку, высоко отозвался о словах Домбаева. А через три года в моем родном селе Алхан-юрте отстроили новый Дворец культуры и я, естественно, пожелал переехать работать туда. Уже здесь, в Алхан-юрте, мы с местными энтузиастами и с ребятами из соседней Алхан-Калы создали группу «Алха». Открытие нашего сельского Дворца культуры показали по центральному ТВ. Там же я спел и песню «Кьоналла» на слова Хусейна Домбаева. Через некоторое время пришли с республиканского радио и попросили запись песни, вот так она вышла в широкий эфир.

Муса Ахмадов. А у тебя изначально была цель стать композитором?

Муса Кантаев. Нет, такой цели не было. Не знаю даже, как-то так повернулось... Заложено что ли это было во мне... В свое время мой дедушка был широко известен в нашем крае как исполнитель религиозных песен и зикров, а мой отец в тайне ото всех играл на аккордеоне, так как открыто

играть на этом инструменте считалось предосудительным. И даже в наши годы увлечение музыкой сопровождалось упреками, типа, не мужское это дело. Но когда я выбрал именно музыкальное образование, отец меня поддержал и при этом наказал: «Если мой старший брат будет ругать тебя по этому поводу – не перечь ему, не возражай. Проявляй уважение и молча выслушивай его, а учебу продолжай».

Саламбек Алиев. Кто из композиторов повлиял на Ваше творчество? Может, кто-то из мировых классиков? Моцарт? Бах? Бетховен? Или из советских композиторов?

Муса Кантаев. Одним из моих любимых композиторов, на творчество которого я обращал пристальное внимание, был Соловьев-Седой. Помните его «Споемте, друзья...»: «Прощай любимый город, уходим завтра в море...» Очень популярная песня той эпохи. Однажды Соловьев-Седой с поэтом Чуркиным сидели на берегу моря: в туманной дымке проплывал пароход, где-то далеко были слышны звуки баяна, и морские волны то накатывали на берег, то отступали. И в итоге симбиоз композитора и поэта выдал проникновенную песню: «И берег родной целует волна, и тихо доносит баян». Говорят, что даже такой железный человек, как маршал Жуков, и то прослезился, когда впервые услышал эту песню. Песня удачная в плане того, что автору слов удалось схватить точную и живую картину, а композитору приложить к тексту не менее удачные ноты. Такие песни живут вечно. И песня «Подмосковные вечера» Соловьева-Седого из этого ряда.

Муса Ахмадов. А у тебя не возникало желания или внутренней какой-то потребности написать что-то в духе классической музыки? Большие музыкальные полотна, например, оперу на чеченском языке, симфонию...

Муса Кантаев. Чтобы написать симфонию, кантату...

Муса Ахмадов. Вот-вот, кантата тебе должна быть близка, у тебя и фамилия Кантаев...

Муса Кантаев (*смеется*). ...надо иметь соответствующий уровень образования.

Во время разговора Муса Кантаев достал из своей папки газету «Даймохк» двадцатипятилетней давности, на последней странице которой с нотной линейкой приводится очередной хит Кантаева «Сеньелла йоглу...» на стихи известного чеченского поэта Ямлихана Хасбулатова. Песня стала классикой чеченской эстрадной музыки и до сих пор пользуется любовью слушателей и исполнителей. Кстати, буквально в январе нынешнего года на концерте «Национальная пятёрка-2016» песню «Сеньелла йоглу» исполнили в дуэте известная молодая чеченская оперная артистка Айна Исаева и ветеран чеченской эстрады Хизир Ульбиев.

Муса Ахмадов. По-моему, впервые песню «Сеньелла йоглу» я слышал в исполнении Даудова Рамзана...

Муса Кантаев. Да, изначально я сам хотел ее исполнить, но в тот день, когда мы собрались на радио, чтобы ее записать, Рамзан попросил у меня, чтобы я ему уступил песню. Я еще пошутил: «Если споешь лучше меня». Он в ответ: «Спою». Так мы «Сеньелла йоглу» и записали – вокал Даудова Рамзана и я ему аккомпанирую на аккордеоне. Спел он, конечно, блестяще.

И еще, по поводу этой песни. Однажды поэт Саид Мациев взялся перевести ее слова на русский язык. На мои возражения, что задача это не из легких, что

На фото слева направо: Батыров Арби, Кантаев Муса, Шавхалов Шамиль, Дадаев Шамиль, Чапаев Сутьян (группа «Алха»).

простого перевода стихотворения с чеченского на русский недостаточно, что надо соблюсти и ритм, и музыкальный лад, и много чего другого, Саид остался непреклонен и, просидев почти всю ночь до рассвета, сделал, как мне кажется, лучшую из возможных адаптаций на русский язык песни под названием «Мои мечты». Но никто и никогда еще не пел русского варианта. Правда, я передал недавно его Ульбиеву, чтобы он в свою очередь передал Айне Исаевой, и если она пожелает, то может исполнить и на русском языке.

Саламбек Алиев. А в случае с этой песней это было ваше творческое сотрудничество с Хасбулатовым или вы сами выбрали из его стихотворного сборника подходящее для себя стихотворение и наложили на него музыку?

Муса Кантаев. Я иногда бывал на чеченском ТВ, а Ямлихан в те годы там работал. И в один из дней он предложил мне эти стихи для песни. Но тут какая история... Конечно, у нас, у чеченцев, не принято публично выражать любовь к своим детям, да и я нигде и никогда об этом не говорил до сегодняшнего дня, но вот песня «В этом мире краше тебя...», которую сегодня поет и Апанасов, и другие артисты, я написал в 1976-ом году после рождения первого ребенка в нашей семье – дочери, и посвятил эту песню ей. Через четыре года девочка умерла от лейкоза, а стихи Ямлихана давно находились у меня, и вот как-то, перебирая клавиши фортепьяно, я наиграл себе эту мелодию, которая и легла на стихи Ямлихана.

Муса Ахмадов. Муса, когда ты это рассказывал, я вспомнил поэта Ахмада Сулейманова. Он утверждал, что каждое его стихотворение написано по следам какой-то конкретной истории. К примеру, о стихотворении «Буйса, буйса, 1 аьржа буйса», по которому позже Дагаев Валид написал илли, он рассказывал, что оно возникло, когда он в зимнюю бурную ночь под близкое завывание волков на лошади от Итум-Кали держал путь до Зумся... Как я понял, твои песни возникали на основе внутренних переживаний – переживаний радости или боли?

Муса Кантаев. Зачастую так и было.

Муса Ахмадов. А сколько песен всего ты написал?

Муса Кантаев. Где-то двадцать две песни, из них тринадцать, можно сказать, получили всеобщее признание.

Сулиман Мусаев (*редактор отдела прозы журнала «Вайнах»*). Как я понял, на многие свои песни Вы сами писали слова, а отдельно от музыки Вы не занимались поэтическим творчеством?

Муса Кантаев. Нет, отдельно от музыки стихи я не писал. Я думаю, что все-таки не моя это прерогатива писать поэзию. Да и многие мои песни – на слова других авторов. Как мы уже говорили, песня «Къоналла» Хусейна Домбаева, «Сеньелла аре» – Ямлихана Хасбулатова, песня «Дагчохь техка илли» написана на слова Азима Юсупова, «Керла шо» – Саида Гацаева и других.

Саламбек Алиев. Я где-то читал, что на стихи русского поэта Сергея Есенина очень легко накладывать музыку. И, действительно, есть много романсов, эстрадных песен, блатного шансона по есенинским стихам. И объясняют это тем, что его лирика музыкальна, что ноты чуть ли не сами по себе выстраиваются под его строки. А в чеченской поэзии есть такой «музыкальный» поэт?

Муса Кантаев. Честно, даже и не задумывался над этим...

Муса Ахмадов. Я могу дать ответ на этот вопрос. Наибольшее количество песен в чеченской поэзии написано на стихи Магомеда Дикаева. Редко какое стихотворение из-под пера этого поэта не перекладывалось на музыку. «Сан дай баьхна латта», «Ма хала стаг ю хь», «Нохчо ву со», «Суйре ю тIе йогуш», «Ленинградехь кхийна йоI»...

Муса, я хотел спросить у тебя относительно чеченских композиторов. Какие бы имена ты выделил? Кто из них тебе близок?

Муса Кантаев. Хорошо, что удалось сохранить наследие Саида Димаева и дать достойную оценку его выдающемуся творчеству. Мой учитель и преподаватель Бексултанов Умар, по моему глубокому убеждению, из числа гениальных чеченских композиторов. Конечно, Аднан Шахбулатов.

Муса Ахмадов. Сегодня очень много молодых исполнителей представляют чеченскую эстраду. Тех, кто подключают в ток синтезатор и, нисколько не задумываясь о том, что поют и как поют, – мы их сразу отсекаем, я думаю, они вне культуры. А какие бы имена среди молодых отметил ты?

Муса Кантаев. Талантливых и одаренных, да, действительно, немало, но, к сожалению, мне сейчас затруднительно вспомнить чьи-то имена... Мне хочется, чтобы молодой исполнитель очень трепетно и нежно относился и к работе поэта, и к работе композитора. Чтобы он не просто выдавал голосом пение, а проникся всей душой в настроение песни, пытался проникнуть в боль или в радость, которые вкладывают в песню автор слов и автор музыки. Стоит сказать, что есть исполнители, в таланте которых нет никаких сомнений, но чувствуется, что в некоторых случаях надо поработать над вокалом, ставить, как говорится, голос.

Саламбек Алиев. А как Вы относитесь к рок-музыке? Неважно, западный рок, русский рок, в целом, Ваше отношение как музыканта к такому направлению в искусстве?

Муса Кантаев. Я думаю, во всем должен быть смысл. Если весь смысл заключается в том, чтобы просто пошуметь – это бессмыслица. Если только ради того, чтобы произвести фурор и эпатаж – я такую музыку не принимаю.

Муса Ахмадов. А как так случилось, что ты отошел от музыки и ушел в народную медицину, начал заниматься травами, лечить людей?

Муса Кантаев. Тому причиной была война. До войны я работал в двух школах – и у себя в Алхан-юрте, и в соседней Алхан-Кале. Ну, затем эта страшная война. Полная разруха, хаос, безработица. Но жизнь продолжалась, надо было осваивать что-то новое... Да и все началось с того, что искал в лекарственных травах источник здоровья для себя, для своих родных и близких. Стал все больше и больше интересоваться и изучать специальную литературу. Дальше – больше. Помогал знакомым, соседям, и вот уже свыше двадцати семи лет как моей специальностью стала фитотерапия.

Сулиман Мусаев. А где именно собираете травы?

Муса Кантаев. И в нашем крае делаю сборы. Заказы делаю в другие регионы, часто в Алтайский край.

Сулиман Мусаев. А Вы интересуетесь названием собираемых трав и растений на чеченском языке? Можно было бы извлечь не только лечебную пользу в этом деле, но и языковую, ведь порой молодые не знают названий даже элементарных цветов и растений, не говоря об экзотических.

Муса Кантаев. У меня есть словари переводческие, которыми я сам пользуюсь. Названия многих трав, цветов и растений на родном языке я тоже, конечно, знаю...

Муса Ахмадов. Но не все, далеко не все названия растений приводятся в этих словарях. И, действительно, ты бы внес неоценимый вклад в сохранение и развитие нашего языка, если бы вел такие записи.

Муса Кантаев. Да, конечно.

Муса Ахмадов. Ты продолжительное время занимаешься фитотерапией, уж скоро тридцать лет будет, она настолько плотно вошла в твою жизнь, что забрала у нас талантливое композитора. Ты доволен?

Муса Кантаев (*смеется*). Да, Муса, доволен... Все от Аллаха, и я Его не перестаю благодарить.

Саламбек Алиев. Но больше мы не услышим Кантаева-композитора?

Муса Кантаев. Хороший вопрос. Я ждал его. То, что я взял такой большой перерыв в музыке, наверное, не случайно и уж точно было предопределено. Но все-таки мне кажется, что музыка будет...

Муса Ахмадов. Муса, ничего плохого в том, что ты выбрал другую стезю, конечно, нет. Это твой выбор, в нем ты тоже нашел свое призвание, но я лично пожелал бы, чтобы ты имел возможность вернуться в музыку, так как очень ценю твоё творчество. Поэтому и пригласил тебя сегодня в нашу редакцию. Благодарю, что уделил нам свое драгоценное время.

И в завершение нашей беседы, что бы ты пожелал молодым, восходящим талантам чеченской эстрады, в том числе и композиторам?

Муса Кантаев. Не важно, чем занимается человек, главное, чтобы он не растерял в себе человечность.

Подготовил Саламбек АЛИЕВ

Адиз Кусаяев**Достойные памяти народной****Часть первая****Династия талантов. Шериповы****Глава первая****Табу**

Из большой и дружной семьи Шериповых – Джамалдина и его супруги Арубики¹, по одной версии, и Баянат² – по другой, в которой выросли шесть мальчиков и одна девочка, в долгие годы Советской власти известным и прославляемым было только имя одного из сыновей – Асланбека. И то потому, что жизнь его была отдана революции, борьбе за власть Советов, за которую он и погиб в бою в 1919 году, не дожив до двадцати двух лет ровно семь дней: родился 18 сентября 1897 года, а пал – 11 сентября 1919-го. Но, как говорили позже знавшие героя люди, его счастье, что он умер «вовремя» и не дожил до страшных и трагических тридцатых-сороковых годов двадцатого столетия. Переживи он революционные вихри, наверняка разочаровался бы в политике страны Советов. А там, вне всякого сомнения, – печальный и трагический финал. Уж скольких постигли подобные финалы, когда Сталин во второй половине 30-х годов XX века запустил свою репрессивную машину. Одним из тех, кого поглотили жернова той машины, был лучший друг Асланбека, бывший командующий Грозненской Красной Армией, герой Гражданской войны, Николай Гикало, красные партизаны которого в марте 1920 года освободили Чечню и Грозный от деникинских полчищ. Он, будучи секретарем ЦК ВКП (б) Белоруссии, был арестован в 1937 году и, не вынеся пыток, покончил жизнь самоубийством, бросившись в лестничный пролет после очередного унижительного и кровавого допроса с пристрастием. Таких случаев сведения счетов с жизнью было в те годы, по-видимому, много, и поэтому все лестничные пролеты в тюрьмах НКВД и МВД СССР были закрыты или решетками, или толстыми сетками, чтобы в них не могли бросаться «враги народа».

Или бы умер Асланбек, обвиненный в национализме и троцкистском заговоре, во внутренней тюрьме под пытками, как его старший брат Денилбек, очень талантливый журналист, драматург, просветитель. Или был бы он расстрелян под шум работающих автомобильных моторов во дворе внутренней тюрьмы НКВД на берегу Сунжи, как его еще один старший брат Заурбек, бывшей боец Чеченской Красной Армии, созданной Асланбеком, и красный партизан Повстанческой армии Н. Гикало, участник разгрома деникинцев в Чечне, обвиненный в антисоветской пропаганде и борьбе за отделение Чечни от СССР. Или был бы мюрид революции уничтожен чекистами, как его младший брат Майрбек, поднявший в 1942 году в горах Шатоя восстание против страны развивающегося социализма, участником или руководителем которого Асланбек стал бы несомненно.

Но, повторяем, его счастье в том, что он погиб «вовремя» и именно в борьбе за Советскую власть, в бою под слободой Воздвиженской, которая в те времена была расположена недалеко от села Старые Атаги, на высоком берегу р. Аргун. Только поэтому Асланбек был вознесен на вершину славы – стал народным героем, символом бесстрашия, легендой, знаменем, лозунгом, примером для подражания. О нем слагали песни и героические илли, писали стихи и поэмы, повести и романы, ставили спектакли и снимали кинофильмы,

рисовали портреты и ставили памятники. Книги, написанные об Асланбеке, могли бы заполнить многие стеллажи библиотек. Его именем называли заводы и села, улицы, театры и школы. В селе Шатой, в бывшем просторном доме Шериповых, стоявшем в самом центре его, был создан и до девяностых годов прошлого века функционировал музей. В нем хранились и демонстрировались бесценные документы о семье Шериповых и о прошлом Чечни. Это был прекрасный памятник истории с богатейшими фондами. Говорю об этом уверенно потому, что много раз бывал в этом музее, готовил телевизионные и радиопередачи о нем, вел репортажи о торжествах, проводимых в его залах: в музее принимали детей в пионеры, вручали юношам комсомольские билеты, устраивали встречи ветеранов революции, ветеранов ВОВ и труда, детские утренники, открытые уроки истории, вечера проводов в армию новобранцев. Я не раз брал интервью у красочно оформленных стендов у многочисленных экскурсантов и у потомков братьев Шериповых. В последний раз я записывал в музее бывшего прокурора республики Эльзу и журналиста Супьянбека Шериповых. Было это в 1993 году.

И удивительное дело: ни в одной из многочисленных книг, картин, публикаций, ни в одном из документов музея ни слова не говорилось о братьях Асланбека, как будто он был единственным сыном в семье. В долгие советские годы на имена родных братьев нашего «пламенного борца за власть Советов» – Назарбека, Денилбека, Заурбека и Майрбека, которые в свое время были известны и знамениты ничуть не менее, если не более, чем Асланбек, было наложено табу. Одни были преданы забвению как бывшие царские офицеры, другие как «гнилые буржуазные интеллигенты», а все вместе как непримиримые националисты, а значит – враги Советской власти, враги народа.

Ни слова не сказано о братьях Асланбека ни в большой повести Н. Шипулина «Юность боевая», ни в романе М. Мамакаева «Мюрид революции», ни в романе М. Лукина «Грозненский фронт», ни в очерке А. Газдиева «Асланбек Шерипов – славный герой революции», ни в многочисленных публикациях и исследованиях советского периода, ни в художественном кинофильме «Приходи свободным», ни в спектакле «Асланбек Шерипов» – нигде, как будто их вообще и не существовало. А в своем романе «Зелимхан» М. Мамакаев вынужден был даже Денилбека Шерипова, помогшего однажды знаменитому абреку Зелимхану Харачоевскому, которого хорошо знал и в меру сил защищал, написать письмо к карателю Вербицкому, вывести под фамилией Шараев.

Глава вторая

Позднее прозрение

Говорить всю правду о братьях Асланбека стало возможным только в годы т.н. гласности и перестройки, когда вдребезги разбился, просуществовав ровно семьдесят три года, «созданный волей народов великий, могучий Советский Союз». Но, как говорится, поезд ушел: сведения о братьях Шериповых катастрофически скудны и отрывочны. Да и откуда им быть, если в годы двух чеченских войн музей Шериповых в селе Шатой стерт с лица земли, фонды его или сожжены, или растащены неизвестными. Потомки же их либо умерли, либо разъехались по Европе. В ходе боевых действий первой чеченской войны были полностью уничтожены фонды Архивного управления и Национального музея Чеченской Республики. Они частично сегодня восстановлены и продолжают возрождаться с превеликим трудом, но в них уже нет фондов семьи Шериповых. Поэтому и мало сведений о представителях ее – неизвестны даже даты рождения и смерти отца Джамалдина, сыновей Денилбека, Заурбека, Майрбека, Хайдарбека и дочери Айшат, которая впоследствии стала женой бывшего в 1919-1920-м годах красным партизаном в армии Н. Гикало, позже ставшего выдающимся чеченским писателем, историком, этнографом Халида Ошаева. Я

знал ее, говорил с ней, когда бывал у них в гостях. Это была женщина высокого роста, стройная, даже в преклонные годы сохранившая красоту. Широко образованная, эрудированная, интеллигентная. Гордая, тихая, немногословная. Но и она, рассказывая по моей просьбе об Асланбеке, о своей семье, ни разу не упомянула имена других своих братьев – запрет действовал даже на нее. Не говорил о них ни Халид Ошаев, ни другие старые писатели и журналисты, хотя они не могли не знать братьев Шериповых, которые в 1920-1930-х годах занимали довольно-таки заметные должности в правительственных структурах Чеченской Автономной Области. Действовал негласный «обет молчания».

Задумав написать об этой семье – настоящей кузнице талантов, давшей нашему народу целое созвездие разносторонних дарований, мне пришлось в течение многих лет собирать данные о ней буквально по крупицам. Я перечитал массу книг, изданных в разные годы, восстановил свои записи, переворачивал множество документов. Очень хочется мне восстановить добрые имена несправедливо забытых братьев Шериповых.

Глава третья

«Отношение плевое...»

Реабилитировать и защищать наших героев я считаю необходимым потому, что отношение к ним и к их деятельности в очень сложные для Чечни времена резко изменилось в негативную, пренебрежительную сторону. Дело дошло до крайне возмутительного, оскорбительного предела, до неприкрытого, демонстративного цинизма. Какими только унижительными словами не называют и многие взрослые, и особенно молодые, памятник героям Гражданской войны Н.Гикало, А.Шерипову и Г.Ахриеву на площади Дружбы народов в городе Грозном.

Однажды иду я по проспекту Победы (тогда проспект назывался так) мимо так называемого «Барского дома» и слышу переговоры молодого человека, вышедшего из какого-то офиса, по телефону с товарищем, наверное, с таким же амбициозным, самодовольным типом. Видимо, назначая ему встречу, он определяет место:

– Встретимся у трех дураков.

Это покорило меня и я, не выдержав, спросил с наивным недоумением:

– Скажи, пожалуйста, что это за три дурака? Я что-то о таких не слышал, хотя вот уже без малого шестьдесят лет живу в городе Грозном.

– Да не может быть! Их же знают все – это же памятник трем мужчинам на площади в конце проспекта Победы, – изумился он моему «неведению».

– Почему же ты оскорбляешь их, называя дураками, а не говоришь гордо: «Встретимся у памятника нашим национальным героям».

– А что они сделали такого, чтобы я называл их героями и гордился ими?

– Эти люди в твоём возрасте командовали армиями, отважно сражались за мою, за твою, за нашу свободу. Асланбек Шерипов командовал Чеченской Красной Армией и погиб, как мужчина, в бою в двадцать два года. Русский Николай Гикало командовал обороной Грозного в знаменитых Стодневных боях. И было ему всего двадцать два года. Ингушу Гапуру Ахриеву тоже было всего двадцать три года, когда он во главе ополченцев бился с деникинцами у сел Долаково и Пседах. Ты разве не знаешь об этом? И неужели не думаешь о том, что, оскорбляя их, ты дискредитируешь сразу три народа – чеченский, русский, ингушский, живущие в нашей республике? И каково было бы тебе, если на месте их стояли твои родственники, которых называли бы дураками?

Манкурт недовольно хмыкнул, пренебрежительно усмехнулся, махнул рукой и, не дослушав меня, удалился. Я ни в чем не убедил его: плохое, как сорняк, утверждается быстро и запоминается надолго, к сожалению.

Или другой случай. Молодая девушка, чеченка, объясняет гостю нашего города, как пройти к Дому печати:

– Пойдите прямо по этой улице, дойдете до памятника трем дуракам, свернете направо и увидите Дом печати. Оттуда до него рукой падать.

– Кому памятник, вы сказали? – удивленно переспросил гость: – Разве дуракам ставят памятники?

– Нет, не ставят, – вмешался я, не выдержав. – Это памятник героям Гражданской войны. Просто недалекие люди, неучи, компьютерные зомби называют их так из зависти к их славе, которой им не достигнуть никогда в непредсказуемое, беспамятное наше время.

Когда гость, оказавшийся русским туристом из Саратова, ушел, недоуменно пожав плечами, я спросил у девушки:

– Почему ты перед гостем наградила этой презрительной кличкой наших национальных героев? Ты разве не чеченка? Ты разве слышала когда-нибудь, чтоб молодые люди других народов так называли своих национальных героев? Что о нас подумают гости? Что мы действительно дикие до сих пор, как нас обозвал почти двести лет назад поэт? Почему ты не сказала «дойдете до памятника трем героям?»

– Но их так все называют и люди не понимают, когда объясняешь по-другому, – ничуть не смутилась девушка.

– Во-первых, их так называют не все, а только вы, дети социальной сети и безнравственного времени, печальное будущее чеченского племени. Во-вторых, ваше поколение, не зная и не уважая прошлое своего народа и дискредитируя своих героев, в первую очередь, унижает себя, топчет честь и достоинство чеченцев. И, в-третьих, своим «отношением плевым» к прошлому вы убиваете свое будущее, забывая простую истину, которая гласит, что если мы выстрелим в прошлое из пистолета, то будущее пальнет в нас из пушки. Это не я сказал, так мудрые люди говорили.

– Не я первая, не я буду и последней, – с бесхитростной и равнодушной уверенностью в себе сказала девушка и с беззаботной улыбкой уткнулась в монитор компьютера.

– И что, ты всегда так и будешь говорить о наших героях – дураки или..?

– Не знаю, – буркнула она безразлично, уходя снова в призрачный мир социальных сетей, где она до этого переписывалась с одноклассниками...

Правда, подшучивать беззлобно над троицей, воплощенной в камне в 1973 году лучшим в те годы мастером монументального искусства Чечено-Ингушетии Иваном Дмитриевичем Бекичевым, остроловы, подпольные диссиденты и сочинители анекдотов начали еще в советские времена – уже года два спустя после установки памятника. Это были шутки типа:

– Два горца ведут поморца.

– Гикало и два шакала.

– Два горных орла ведут пьяного хохла – и так далее.

Люди изошрялись в придумывании кличек, но никогда не опускались до гнусного оскорбления этой славной троицы героев, обзывая их дураками, как их нынешние беспамятные потомки. Они, сами того не понимая, убивают прошлое своего народа. Социальные сети, пропаганда обогащения любой ценой, пороки цивилизации, компьютеры, телефоны помutilи разум сегодняшней молодежи. Забывается живое общение, утрачиваются родственные связи, пропадает интерес к чтению книг, желание изучать историю, растет безразличие к ней. Все это целенаправленно, исподволь настойчиво, ненавязчиво, но упорно убивает память наших молодых людей, будущих хозяев Чечни, превращая их в манкуртов. С какой целью это делается и какого результата добиваются этим наши невидимые враги – всем хорошо известно.

Сегодня возникла насущная необходимость восстановить славные имена наших исторических личностей, реабилитировать хотя бы посмертно тех, кто в труднейших условиях жизни в конце XIX – начале XX веков положили

начало развитию чеченской науки, литературы, журналистики, просвещения, театрального искусства. Необходимо сделать это и потому, что в последнее время в молодежной среде развивается пугающая тенденция охаивания прошлого, нежелания знать историю, отвержение национальных героев былого по принципу: не то делали, не тем служили, не за то боролись. Постепенно деградируя, наша молодежь превращается в безликую толпу без памяти и без родства.

И опасюсь я всерьез того, что умрут представители нашего и минимум двух, максимум трех поколений после нас, и чеченская нация, утратив язык (уже сегодня людей, умеющих читать, писать и говорить на родном языке, катастрофически мало и положение ухудшается), забыв вековые традиции, культуру, национальные особенности и черты, исчезнет с лица земли, растворившись, как река в море, среди других более крупных народов, как это случилось с тысячами других в продолжении столетий.

Какое уж тут национальное самосознание, почитание героев хотя бы недавнего прошлого, когда молодые люди не только не читают книг, не слышат ни гула жизни, ни голоса вокруг, но даже друг друга не могут услышать: в ушах у них наушники, в которых беспрерывно звучит пошлая музыка, их глаза – на дисплее. Они живут в своем призрачном виртуальном мире. И наплевать им на все, что происходит вокруг.

Поэтому, повторяю, и возникла безотлагательная необходимость реабилитировать хотя бы посмертно былых исторических деятелей. Таких, как братья Шериповы и троица героев на площади Дружбы народов, незаслуженно шельмуемая и безвинно обзываемая всеми, кому не лень.

Я несколько не удивляюсь ни неведению, ни незнанию, ни оскорбительно-невежественному отношению молодежи к этим трем незаслуженно забытым героям нашей истории. Я не однажды специально ходил вокруг памятника и ни разу не обнаружил ни на пьедестале, ни на гранитной стеле, стоявшей рядом, ни слова о них – ни имен, ни фамилий их, ни названия площади Дружбы народов, ни слова о том, кто они такие. А ведь имена и фамилии их были выбиты на стеле из светло-коричневого гранита, но кто-то сбил их, и непонятно теперь, кто такие эти безымянные и безвестные мужчины и для чего стоят, глотая выхлопные газы автомобилей и пыль, поднимаемую ими. Стоят бесприютные, неухоженные, забытые, став героями анекдотов, обидных кличек и злословия молодежи – откуда знать, кто они такие, если имена и дела их замалчиваются. Так и хочется крикнуть иногда: уберите этот памятник с площади, уберите героев от издевательств, чтоб не слышали люди больше о трех дураках, стоящих на безымянной площади. Уберите, чтобы ни Николай Гикало, ни Асланбек Шерипов, ни Гапур Ахриев не переворачивались в своих могилах, слыша очередное незаслуженное оскорбление. Думаю, что это будет справедливо: реабилитировать героев хотя бы восемьдесят – сто лет спустя после их смерти.

Уберите этот безымянный и никому сегодня не нужный столп. Они погибли в первый раз: Асланбек в 1919-м, Гапур в 1927-м, Николай в 1937-м годах. Второй раз их казнили в первую чеченскую войну российские вандалы в форме солдат, отрубив им в буквальном смысле головы, как французы своим революционерам 1789 года гильотиной. А сегодня героев убивают десятки раз на дно их беспамятные потомки, изощряясь в глупом словоблудии.

Глава четвертая

Дутое самомнение

И еще одно: чеченцы, особенно люди старших поколений, очень тщеславный народ. Наши псевдоисторики и языковеды-самоучки, которых с девяностых годов двадцатого столетия в Чечне, как и в других национальных регионах, развелось видимо-невидимо, любят чрезмерно восхвалять свой народ, полагая, что своим славословием они идеализируют и возвышают его. В годы перестройки и гласности, когда можно стало о своем народе, ранее обезличенном и приниженном, говорить и писать все, что душе угодно, все, что раньше было запрещено, пошло-поехало: бесконечным потоком полились материалы, безудержно восхваляющие величие чеченского народа и чеченского языка. На местном телевидении и радио, на страницах газет, не успевая сменять друг друга, чеченцы взалхлеб сами возносили себя, вместо того, чтобы своим поведением добиваться похвалы от других народов – близких и дальних. Все выражали одно мнение, что-де нет нигде в мире (будто бывали они во всех уголках Земли, даже те, что не выезжали никогда из своего села или аула) ни одного народа гостеприимней, свободолюбивей чеченского. Все эти восторженные рассказы были ничем иным, как самоуспокоением – никого ни в чем мы не убеждали из соседей, а только сами себя старались уверить в этом.

Помню, однажды после одной телевизионной передачи я вступил в перепалку с одним из демагогов-пустозвонов:

– У меня есть друзья и по учебе, и по работе среди всех народов Кавказа, Украины, Молдавии, в разных местах России... Часто бывая у них в гостях, всегда убеждаюсь в том, что все они не менее гостеприимней, дружелюбней, верней, милосердней, чем мы, чеченцы. Но они не кричат об этом и не славословят своей нации. И разве мы станем лучше в глазах других народов от того, что занимаемся самовосхвалением? Разве их мнение о нас меняется в хорошую сторону оттого, что мы сверх меры хвалим себя?

– Конечно, меняется, – самоуверенно ответил ура-патриот. – Они же слышат нас! Они же знают нас и восхищаются нами!

– Во-первых, соседи нас не слышат, – охладил я его горячую голову. – Во-вторых, мы знаем друг друга, чаще всего, на уровне личных друзей, товарищей, приятелей. В-третьих, восхищаются нами только друзья и знакомые наши, а не все. Большинство же имеет о нас мнение кардинально противоположное. Вот, если бы мы добились того, чтобы соседние народы говорили о нас восхищенно: «Ах, какие эти чеченцы такие-сякие да этакие!» – это действительно было бы восхвалением нас. Пока же таких слов о нас слышно, к сожалению, мало – капля в море злословия. А наше самовосхваление – это пустое: мы себя знаем прекрасно – кто мы, что мы, какие мы.

Или на основании совпадения некоторых слов, временами в точности до одной буквы, в языках народов Европы и Азии не только ближних, но и дальних, различных названий – этнонимов, топонимов, гидронимов и так далее, интерпретируя их, разбирая по слогам, препарирруя, подгоняя под свои установки, эти горе-историки, языковеды, этнографы, ничуть не сомневаясь в себе, утверждают, что все народы мира произошли от чеченцев, а все языки – от чеченского. При этом не берут в расчет, что эти совпадения, несомненно, являются результатом взаимопроникновения языков друг в друга в связи с развитием торговых, экономических, политических связей, познания культуры народов. Причем, заимствовать слова могут не только малые народы у крупных, но и крупные народы – у малых, обогащая свои языки. И это естественно.

В желании любыми средствами возвысить свой народ дело доходит до абсурда. Однажды в беседе с одним таким «историком» я наивно сказал:

– Уж арабы – народ, избранный Всемилостивым Аллахом для ниспослания ему Корана, никак не могут быть чеченцами?

– Ну, ты и недотепа, лес дремучий, непроходимый! – воскликнул он весело. – Как не чеченцы? Да самые настоящие наши люди. Ты знаешь, что означает слово «арабы»?

– Не знаю, – ответил я простодушно.

– Да ведь это чеченское слово, означающее: араба бу, араба нах бу, то есть «равнинные есть», «равнинные люди есть». Так что, арабы – наши люди – ветвь чеченского народа. Значит, когда-то через эти места проходили протонахи и оставили след потомков чеченцев, ставших арабами, то есть равнинными людьми.

– Почему же именно им Всемогущим Аллахом ниспослан святой Коран и именно на арабском языке, а не чеченцам – на чеченском? – не унимался я. Он немного растерялся, было, но быстро пришел в себя и, сделав вид, что не расслышал моего вопроса, ответить на который он явно не мог, оставил его без внимания и продолжил уверенно:

– Я тебе больше скажу. Ты знаешь, что язык, на котором общаются воскрешенные Аллахом души всех народов в раю, – чеченский?

– Откуда ты знаешь? Ты что побывал в раю? – удивился я.

– Да как ты не понимаешь? – недоумевал он от моей непонятливости. – Все люди произошли от Адама и Евы. А кто такие Адам и Ева? Они чеченцы. А раз так, то язык общения в раю может быть только чеченским, согласно логике. Ты что, против того, чтобы так и было?

Возразить я не посмел, побоявшись быть обвиненным в «ереси»...

Глава пятая

Не хочу быть диким...

Не знаю, кого как, но меня, представителя народа, имеющего сегодня своих многочисленных и широко известных ученых, писателей, художников, просветителей, деятелей различных видов искусств, нации с развитой экономикой, культурой, наукой и образованием, шагающей сейчас в ногу с современной цивилизацией, удивляет тот странный факт, что чеченцы и поныне с пафосом и гордостью повторяют стихи М.Ю. Лермонтова, написанные более ста восьмидесяти лет назад:

И дики тех ущелий племена:
Им Бог – свобода, их закон – война³.

Чеченцы считают эти слова лестью и восхвалением себя и относят почему-то только на свой счет, хотя написаны они обо всех горах Северного Кавказа. Эти слова были верны, возможно, в годы написания их, когда чеченцы действительно были еще в полудиком состоянии, когда их вынуждали воевать колонизаторы, отнимающие у них свободу и землю. Да, их «религией» была свобода, но их законом не была война. И, утверждая так, поэт дискредитирует чеченцев, что-де они умеют только воевать. Далее поэт просто уничижает и оскорбляет мой народ, говоря, что чеченцы «растут среди разбоев тайных, жестоких дел», что у чеченцев «поразить врага не преступление», «вернее мщенье», «кровь за кровь», «и ненависть безмерна...»⁴ Чем не полный портрет дикаря, бандита с большой дороги, кровожадного убийцы и ненавистника рода людского. Вот уж, действительно, «злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал». А ведь чеченцы всегда отличались миролюбием, дружелюбием, толерантностью, как сегодня модно стало говорить. Это видел и поэт Михаил Лермонтов («Галуб <...> он был кунак мой»), но не вояка Михаил Лермонтов, который всегда отличался яростью и беспощадностью в схватках с горами,

командуя группой жестоких охотников-головорезов. Поэтому, характеризуя мой народ, он подбирает самые оскорбительные слова. И чеченцы, принимая их за похвалу и восхищение горцами, и по сию пору почему-то с гордостью повторяют их.

А я считаю, что эти строки оскорбляют меня и достоинство моего народа, потому что в те годы, когда Михаил Лермонтов писал свои «восхищенные» стихи о дикости племен «тех ущелий», чеченцы уже имели своих военных и политических деятелей, писателей, художников, языковедов, ученых-богословов: Шейха Мансура, Бейбулата Таймиева, Умалата Лаудаева, Александра Чеченского, Николая Чеченского, Петра Захарова, Озебая Айбулата-Розена, Ивана Циссарова, Иова Циссарова и других. Да, их было мало, но они были! И были современниками Михаила Лермонтова, и он не мог не знать хотя бы о некоторых из них, скажем, об Айбулате-Розене, печатавшем стихи в «Современнике» А.С. Пушкина; герое Отечественной войны 1812 года генерале Александре Чеченском; о художнике-академике Петре Захарове, который, кстати, написал лучший портрет поэта, а тот, в свою очередь, создал о чеченском таланте поэму «Мцыри». Но Лермонтов видеть видеть в чеченцах необузданных удалцов, ему интереснее было воспевать романтику их дикой удали, храбрости, воинственного диковатого характера. И делалось это под видом восхищения чеченцами.

В конце же XIX – начале XX веков чеченский народ дал миру целую плеяду выдающихся военных, политических и общественных деятелей: генералы Орца Чермоев и Эрисхан Алиев, политики Таштемир Эльдарханов, Ахметхан и Исмаил Мутушевы, талантливые ученые, писатели, журналисты, просветители, режиссеры Умалат Лаудаев, Ибрагим-бек Саракаев, Шериповы – Джамалдин, Назарбек, Денилбек, Заурбек, Майрбек и другие.

Дальше – больше: имена одаренных людей, цвета науки, культуры, различных видов искусств, просвещения мирового уровня, выросших в двадцатом и в начале двадцать первого веков, и перечислить невозможно. Вот почему я удивляюсь тому, что до сих пор чеченцы с гордостью и бездумным пафосом повторяют стихи М.Ю. Лермонтова о том, что «дики тех ущелий племена, им Бог – свобода, их закон – война», принимая их за чистую монету, восхищаясь ими. Я же вижу в них оскорбление, потому что не считаю себя дикарем и разбойником и не хочу, чтоб мой народ называли «диким племенем».

И то, что мой народ – один из самых культурных, образованных и цивилизованно-развитых, я хочу показать на примере одной семьи – семьи Шериповых, представители которой внесли неоценимый вклад в общественную и художественную мысль Чечни 1910-1930-х годов прошлого столетия.

Глава шестая

Джамалдин Шерипов – отец

Родился Джамалдин Шерипов, по нашим примерным подсчетам, в 1855-1857 годах в селе Гаген-Кале, недалеко от селения Шатой Аргунского округа Терской области. Видимо, он был грамотным человеком и хорошо знал русский язык. Без этого он никак не мог бы определиться в 1875 году на военную службу в качестве переводчика. Подтверждается этот факт несколькими источниками. Так, А.М. Газдиев в своем очерке «Асланбек Шерипов – славный герой революции» пишет, что Джамалдин «происходил из крестьянской семьи, около двадцати лет проработал он переводчиком, участвовал в войнах, показывая отвагу, свойственную чеченцам, дослужился до офицерского звания подпоручик и занимал низшие административные должности в Ведено»⁵.

А Асланбек Шерипов подтверждает сказанное в беседе со знакомой девушкой-грозненькой в 1918 году:

«...Лена, слушая грустную мелодию, задумалась.

– Прочти мне что-нибудь из своих стихов, Асланбек, – попросила она.

– Пишу стихи об одной девушке. У нее волосы цвета луны, глаза серны.

– О Асланбек! Я чувствую, о ком эти стихи. Ты прочти что-нибудь другое.

– В горах Чечни старики поют песнь об одном абреке... Я сделал ее перевод на русский язык. Отец одобрительно отозвался. Учти, что он у меня тоже переводчик и дед был переводчиком»⁶.

И еще свидетельство того, что офицером Джамалдин был храбрым: «С горы на гору, из аула в аул несется хабар о празднестве, которое устраивает офицер кордонной охраны, подпоручик Шерипов по поводу рождения сына...

...В центре почетных гостей – Джамалдин. На нем была белая, тонкого английского сукна черкеска. Поверх газырей сверкали ленты с Георгиевским крестом и медалью «За храбрость». [...] Его фамилия выбита на мемориальной плите музейного комплекса на Щипке в Болгарии»⁷.

Не только эти две награды имел Джамалдин, но и другие. «Отец и братья Шериповы <...> являются примером высшей степени интеллигентности, мужества и порядочности. Отец братьев Шериповых, Джамалдин Шерипов, был не просто русским офицером, он герой русско-турецкой войны, его имя вы найдете на мемориальном комплексе на Щипке. Он полный георгиевский кавалер и получил орден Святого Станислава из рук императора Александра II»⁸.

И, наконец, еще одна версия о должности Джамалдина в конце XIX – начале XX вв.: «Джамалдин Шерипов родился в маленьком ауле близ Шатоя (Гатен-Кале – А. К.). Будучи офицером царской армии, он был назначен приставом аулов, расположенных вокруг Шали. Он перевез семью в село Сержень-Юрт и осел там. Но его сыновья <...>, получившие светское образование, жили в Грозном»⁹.

Но писать об этом стало возможным только после развала СССР. В советские годы ну никак не мог отец славного «мюрида революции», героя Гражданской войны, пламенного борца за Советы, пожертвовавшего собой ради новой жизни, быть приставом, ненавистным всем. Такие герои должны были происходить из пролетарской, бедной семьи или быть сыновьями чиновников, занимавших «низшие административные должности». Писать об их нищенском существовании в царской империи – «тюрьме народов» – пожалуйста, сколько угодно.

В последние годы дотошные ученые-историки открыли еще одну сторону жизни Джамалдина Шерипова. К примеру, кандидат философских наук М. Магамадов доказывает, что подпоручик, уйдя в отставку, стал заниматься публицистической и просветительской деятельностью, покровительствовал абреку Зелимхану. Ученый пишет, что эта деятельность в конце XIX – начале XX веков «принимает все более четко выраженную социальную направленность, а их (просветителей – А.К.) произведения – революционно-публицистический характер. В это время в самых разных российских периодических изданиях опубликовано большое количество статей братьев Ахметхана и Исмаила Мутушевых, Джамалдина Шерипова, Ибрагим-Бека Саракоева. Братья Мутушевы происходили из офицерской семьи, Д. Шерипов сам был офицером»¹⁰.

Правда, ни один другой документ этот факт не подтверждает. Речь могла бы идти о Денилбеке Шерипове, но он не был офицером. Офицерами были Назарбек и Асланбек Шериповы. Но в данном случае четко сказано, что это был офицер Джамалдин Шерипов – отец. Как бы то ни было, но эти данные добавляют новые штрихи к портрету неординарной личности Джамалдина Шерипова, оставившей яркий след в истории Чечни, положившей начало плеяде талантов.

Дата смерти Джамалдина тоже неизвестна. Но в сентябре – октябре 1919 года он еще был жив, потому что, во-первых, сын Асланбек говорит об отце,

что «он у меня переводчик» – в настоящем времени. И потому, во-вторых, что в сентябре 1919 года Джамалдин принимает в Шатое соболезнования на тезете (похоронах) по погибшему сыну – Асланбеку. И было ему примерно шестьдесят четыре года. Джамалдин оставил после себя сыновей, которыми поистине может гордиться чеченский народ.

Глава седьмая

Назарбек Шерипов

Назарбек был самым старшим из шести сыновей подпоручика Джамалдина Шерипова, даты рождения и смерти которого зафиксированы в истории. Абузар Айдамиров в своей «Хронологии истории Чечено-Ингушетии» пишет: «1883 г. В селе Гатен–Кале Аргунского округа родился Назарбек Джамалдинович Шерипов, офицер, драматург, режиссер. Умер в 1920 году»¹¹.

Отец, понимая значение образования в устройстве судьбы человека, отдал Назарбека, по-видимому, в Горскую школу, работающую в те годы в городе в Грозном. После нее он, видимо, окончил кадетский корпус или школу прапорщиков и, следуя советам отца, тоже стал офицером царской армии. Но прослужил он недолго: в 1904 году в возрасте двадцати одного года от роду Назарбек вышел в отставку, потому что в нем проснулись таланты режиссера, драматурга и актера одновременно. Это, как известно, было результатом активного посещения им спектаклей театра Евгения Багратионовича Вахтангова из Владикавказа, который ставил свои первые спектакли в Грозном, потому как они были запрещены для показа в столице Терской области, и Бакинского театра оперетты, который часто выступал на сцене Дома общественного собрания в нашем городе. Назарбек не пропускал ни одно выступление артистов и в Саду Червинского (эта концертная площадка, переименованная в 1920 году в «Сад имени 1 Мая», стояла на ул. Первомайской до двухтысячного года, когда была полностью разрушена в ходе второй чеченской войны): звезд немого кино России Веры Холодной, Дмитрия Максимова и многих других, часто гастролировавших в Грозном. Все это стало постепенно менять планы молодого офицера, и Назарбек, решительно оставив свою армейскую службу, полностью посвятил себя театру. Это круто меняло семейную традицию, и в то время выглядело крайне вызывающе. Но, тем не менее, творческое начало победило. Назарбек стал играть в различных театрах, любительских спектаклях, исполнял «Песню о Соколе» Максима Горького. Сам написал и поставил несколько пьес как на русском, так и на чеченском языке. В числе их «Синкьерамехь» («На вечеринке»), «Ча» («Медведь»). Назарбек также осуществил постановку в русском любительском театре пьесы по рассказу М. Гаршина «Красный цветок».

Таким образом, Назарбека Шерипова по праву можно считать не только основателем чеченского драматического театра, но и основоположником чеченской национальной драматургии.

Подчеркнуть это тем более важно, потому что уже в конце XIX – начале XX веков, вопреки утверждениям советских историков, что до Октябрьской революции 1917 года чеченцы находились чуть ли не в диком состоянии, не имея ни письменности, ни культуры, ни искусств, первые представители чеченской национальной интеллигенции пытались, по примеру других цивилизованных народов, создавать любительские театральные коллективы. Первая такая группа и была собрана Назарбеком Шериповым в 1911 году. Она сразу вышла за жанровые рамки «народных спектаклей», впервые стала играть профессиональные пьесы на чеченском языке¹².

Первая пьеса, написанная самим Назарбеком, «На вечеринке», на чеченском языке была поставлена в Саду Червинского в 1912 году. Сам автор выступил

под псевдонимом «Назар-бек Гаттен-Калинский» и как режиссер постановки и сыграл в ней главную роль.

Об этом событии газета «Терский край» писала в том году: «...В воскресенье Назар-Бек Гаттен-Калинский была поставлена на родном ему, чеченском языке, пьеса его же сочинения «На вечеринке». В пьесе выступили, кроме автора, три местных любителя-артиста, чеченцы и целый ряд танцоров и танцорок... Вещь Гаттен-Калинского написана с большим знанием сцены... Как со стороны русских, так и чеченцев в особенности, к произведению Назар-Бека был проявлен большой интерес. Публики собралось много; пьеса шла с необыкновенным успехом, что служит залогом возможности осуществления мысли Гаттен-Калинского создать труппу из артистов-чеченцев для постановки пьес на их языке...».

Газета «Терек» отозвалась на это великое событие в жизни чеченского народа: «Тихим летним днем 1912 года со стороны Сада им. 1 Мая доносилась зажигательная музыка, и в такт ей вторил звонкий бубен, зазывая грозненцев на театрализованное представление «Вечеринка», созданное первым чеченским артистом Назарбеком Шериповым. Отставной офицер царской армии Назарбек Шерипов, с юношеских лет влюбленный в театр, еще с 1905 года пытаясь создать чеченский национальный театр, несколько раз обращался к модным в те времена пьесам А. Чехова, Л. Андреева. Однако неподготовленному зрителю трудно было разобраться в сложных коллизиях русской драмы, и постановки Шерипова особого успеха не имели, хотя пьесы были переведены на чеченский язык и в главных ролях выступал сам Назарбек под псевдонимом ГАТТЕН-КАЛИНСКИЙ».

Но «Вечеринка» имела ошеломляющий успех, и не только у вайнахского зрителя. Для русского зрителя в театральное представление был введен специальный персонаж, поясняющий действие, происходящее на сцене. Помимо самого Назарбека Шерипова и других артистов, в спектакле принимали участие молодые парни и девушки, пожелавшие помочь в создании чеченского спектакля. Блестящая удача театрализованной «Вечеринки» вызвала бурю эмоций в рядах зарождающейся чеченской интеллигенции. Заметно увеличились ряды сторонников создания своего национального театра.

И прав историк Х. Бакаев, когда пишет, что эти факты «красноречиво доказывают, что чеченскому драматическому театру в 2012 году исполнилось 100 лет, а не восемьдесят один год, как утверждают историки театра, и заслуга в этом принадлежит выдающемуся чеченскому культурному деятелю Назарбеку Шерипову»¹³.

Но почему-то у нас точкой отсчета зарождения чеченского театра принято брать год 1931-ый, навязанный нам советской пропагандой. А ведь дата рождения города, здания и т.д. отмечается с момента закладки первого камня. А первый камень в создание чеченского театра был заложен Назарбеком Шериповым в 1912 году организацией чеченской театральной труппы и постановкой первого спектакля. И поэтому мы должны были отмечать в 2011 году не 80-летие национального театра, а в 2012-м – столетие его. Но в нас почему-то не пробуждается национальная гордость.

Происходит это потому, как правильно пишет историк, что «в истории нашего народа очень много неизученного и неясного. В первую очередь это касается отдаленного прошлого и объясняется отсутствием достаточных сведений о том или ином периоде истории. Но, к сожалению, и недавнюю нашу историю, сведения о которой имеются, мы не знаем, а порой и не хотим знать. Советская власть не хотела видеть в нас, чеченцах, образованных, интеллигентных людей, имеющих богатую, насыщенную событиями и достижениями историю. Но еще горше сознавать, что и мы сами предаем забвению блистательную плеяду своих выдающихся исторических и культурных деятелей, которыми гордился бы любой другой народ. Между тем, в чеченской истории всегда были такие личности – яркие, неординарно мыслящие, талантливые, мужественные.

В недавней истории это были, прежде всего, Таштемир Эльдарханов, Тапа Чермоев, братья Ахметхан и Исмаил Мутушевы, братья Шериповы, Бек Саракаев и многие другие. И какие бы политические катаклизмы и связанные с ними «пересмотры» нашей истории ни происходили, такие люди всегда должны оставаться в памяти чеченского народа, занимая в ней заслуженно почетное место»¹⁴.

Назарбеку Шерипову, который по праву должен считаться основоположником чеченской драматургии, режиссуры, театрального искусства, не удалось, к великому сожалению, воплотить в явь мечту всей своей жизни – создать постоянную труппу из артистов-чеченцев для постановки пьес на родном языке». Настали трудные времена: вскоре началась Первая мировая война (1914 г.), грянули две революции – вначале Февральская буржуазно-демократическая, затем – Великая Октябрьская социалистическая революции 1917 г., закипела кровопролитная Гражданская война (1918-1920 годы), в ходе которой, освобождая Чечню от деникинских полчищ, в возрасте тридцати семи лет и сложил свою голову в 1920 году Назарбек Шерипов, как годом раньше его младший брат Асланбек. К счастью, дело Назарбека продолжил один из его младших братьев – Денилбек, о котором разговор в следующей главе.

Глава восьмая

Денилбек Шерипов

Дата рождения Денилбека Шерипова неизвестна. Но, проанализировав периодичность появления на свет сыновей Джамалдина в период с 1883 по 1897 годы, мы рискнули восстановить хотя бы примерно год его рождения. Так, за эти четырнадцать лет родилось четыре сына. Периодичность их рождения – три – три с половиной года. Поэтому мы предполагаем, что Денилбек родился примерно в 1886-1887 годах. Он не пошел по следам отца и старшего брата Назарбека – не стал офицером. Предположительно, Денилбек окончил Грозненское реальное училище, которое размещалось до 1912 года в трехэтажном доме Мациевых на улице Барятинской. Также мы предполагаем, что в городе Владикавказе он закончил юридическую школу, после которой стал одним из первых чеченских адвокатов.

Все свои силы и знания Д. Шерипов направил на защиту бедных и безграмотных горцев, в том числе и вынужденных скрываться от произвола властей абреков. В их семье хорошо был известен и знаменитый мститель Зелимхан Харачоевский: отец Джамалдин часто укрывал абрека в своем доме, Денилбек помогал ему в юридических вопросах и в переписке, младшие же сыновья Заурбек, Асланбек и Майрбек были маленькими и преданными друзьями его. При надобности Зелимхан всегда обращался за помощью к Шериповым, особенно к Денилбеку, как и в случае написания ответа на оскорбительное письмо командира карательного отряда Вербицкого. Разгневанному этим письмом Зелимхану не терпелось по-быстрому ответить. И именно через газету, чтобы об этом ответе узнали во всех уголках России. Ответ должен был быть написан грамотно, на чистом русском языке, а в те годы написать так мог не каждый. «После долгих раздумий выбор Зелимхана остановился на Денилбеке, сыне Джамалдина Шерипова. Он живет в Грозном, и Зелимхан часто бывает в его доме. Братья Шериповы всегда рады ему. От них всегда можно получить мудрый совет. Они много раз помогали ему в трудную минуту...»¹⁵

Денилбек написал письмо и отправил его в либеральную владикавказскую газету «Терек», но сказал Зелимхану, что письмо вряд ли опубликуют в газетах. И, действительно, сделать это решилась только одна газета – «Терский край», обязанности редактора которой исполнил в 1910 году один из первых чеченских журналистов и писателей Ибрагим-Бек Саракаев.

Популярность Денилбека-адвоката была настолько большой, что с 1910 по 1917 год, до октябрьского большевистского переворота, он возглавлял Коллегию адвокатов в городе Грозном. Кроме того, Денилбек был блистательным публицистом, издателем и просветителем.

В 1910-1912 гг. он активно сотрудничает со многими владикавказскими и грозненскими газетами: «Терек», «Терский край» и другими. Он разоблачает попытки представителей официальной власти представить чеченцев в образе «поголовных преступников», строящих свое благополучие на бедствиях и горе соседних народов. Не скрывая иронии, Д. Шерипов пишет: «Так, если верить начальнику одного из участков горной Чечни, то у чеченцев и хлеба много, и масла, и сыра, и птицу некуда девать, и сады служат подспорьем»¹⁶.

В конце 1911 года в Грозном появилась частная газета под названием «Терец». Ее первый номер вышел в свет 19 декабря 1911 года. В свидетельстве за №18169 от 1 декабря 1911 года, выданном на имя владельца нового издания, грозненского дворянина Мечислава Станиславовича Лембича, изложена программа газеты. Она включает следующие главные пункты: 1) Телеграммы Петербургского телеграфного агентства; 2) Заграничная жизнь; 3) Хроника местной жизни; 4) Статьи по местным и краевым вопросам и т.д. Ответственным редактором новой газеты был назначен молодой журналист Денилбек Джамалдинович Шерипов, который проживал в городе Грозном по Графо-Евдокимовской улице в доме Ганжуева.

Газета «Терец», как указано в №1 самого издания, – ежедневная литературно-общественная и политико-экономическая газета. Цена отдельного номера – 3 копейки. Редакция и главная контора газеты располагались по адресу: Граничная улица, дом Шерстобитова. Печаталась газета в коммерческой типографии Н.С. Тюкова в г. Грозном на Муравьевской улице¹⁷. Денилбек Шерипов на ее страницах публикует немало своих статей по вопросам просвещения, литературы, общественной мысли, знакомит читателей с богатым духовным и культурным наследием чеченского народа, призывает к свету знаний, духовно-нравственному совершенству. На страницах «Терца», как и в газете «Терский край», часто выступали местные интеллигенты.

К сожалению, издавалась газета «Терец» недолго – всего семь с половиной месяцев – с 17 декабря (вышел первый номер) 1911 года по 1-ое августа 1912-го. Всего было издано семнадцать номеров. В августе 1912 года по причине финансовых затруднений и гонений власть предержащих она слилась с газетой «Терский край».

После ее закрытия Денилбек Шерипов активно продолжал публицистическую и просветительскую деятельность в других грозненских газетах: «Терек», «Терский край», «Север Кавказа» и других. Только в газете «Север Кавказа» он опубликовал в 1913 году более десяти статей, в том числе такие крупные, как «Надвигающееся несчастье», «Наш аул», «Открытие первой школы в Чечне», «Чечня и ее горести» и другие.

Вершиной публицистического творчества Денилбека Шерипова стал «Очерк о Чечне». Написанный еще в 1922 году, он отдельной книгой издается в 1929 году. Книга эта состояла из следующих разделов: «Природа и природные богатства Чечни», «Нравы и обычаи», «Сельское хозяйство, промышленность, торговля» и «Культурный рост Чечни». Эта работа Денилбека скорее всего была результатом переработки, дополнения, расширения тех историко-этнографических, культурно-просветительских очерков, которые были опубликованы в местных периодических изданиях еще в досоветский период.

Вместе с тем, книга имела сложную судьбу. После издания она получила крайне негативную партийную оценку со стороны представителей официального идеологического аппарата. С резкой критикой, осуждающей общественно-политические взгляды Д. Шерипова, выступили в печати историк А.-Х. Саламов и ответственный работник Чечоблисполкома А. Салахутдинов.

Они осуждали все, что появлялось в печати в те сложные годы и что не совсем отвечало идеологическим установкам и требованиям существующего строя, было лишено классового, партийного подхода. И после такой жесткой предвзятой официальной оценки книга была признана вредной, искажающей историю чеченского народа и изъята из продажи. Самого автора спасло лишь то, что он был братом героя Гражданской войны Асланбека Шерипова¹⁸.

Жизненный и творческий путь Денилбека Шерипова был довольно-таки тернистым и трагическим. Как многие представители старой российской интеллигенции вообще и чеченской национальной в частности, он вначале с большой осторожностью воспринял Октябрьскую революцию, считая, что для лучшего устройства жизни и быта людей необязательно использовать революционные, насильственные методы. Он занимал центристскую позицию и не отказывался от участия в общественных и государственных делах. На состоявшемся 25-26 июня 1922 года Съезде чеченского народа Д. Шерипов был даже назначен помощником комиссара Грозненского округа Т. Эльдарханова. А в годы Гражданской войны он был бойцом Чеченской Красной Армии, созданной его младшим братом Асланбеком, после гибели которого в повстанческой группе Н. Гикало воевал с деникинцами до полного установления Советской власти в Чечне. В начале тридцатых годов Денилбек Шерипов входил в состав Чеченского революционного комитета, затем – Чеченского областного исполнительного комитета (Чечоблисполкома). В 1922-1925 годах Денилбек работал также председателем Чеченского областного суда. В эти годы он сделал немало, внедряя в сознание горцев азы законов и правил нового общежития. Это требовало от него огромного мужества и самоотверженности, потому что жившие веками вольной и свободной жизнью горцы всячески противодействовали установлению над ними строгих правил закона.

Талант Денилбека Шерипова был многогранен. Помимо всего прочего, он был и литератором, и деятелем театрального искусства. Он решил продолжить дело своего брата Назарбека и воплотить в жизнь его мечты о создании чеченского театра. В 1923 году Денилбек создал один из первых любительских драматических кружков в Чечне. Артистами его были молодые чеченцы, учащиеся гимназий и различных училищ Грозного. В их числе были: Магомед Яндаров, который в 1931 году возглавил чеченскую профессиональную студию (именно этот год почему-то считают упорно годом рождения Чеченского государственного драматического театра, а не 1912-ый), будущий писатель Халид Ошаев, Иса Эльдарханов, впоследствии ставший драматургом, Вайдат Арсамерзаева, Халид Бейбулатов, Лайла Курумова и несколько человек учителей. Самодеятельные артисты вначале ставили скетчи, разыгрывали бытовые сцены из жизни чеченского народа, играли в живых картинках юмористические рассказы и произведения устного народного творчества. То есть, их творчество все еще было связано с жанровой спецификой чеченских народных театров, получивших особенно широкое распространение во второй половине XIX века.

В эти годы Д. Шерипов проявил себя и как драматург, переводчик и режиссер. Он написал и поставил в своем кружке пьесы на историческую тему «Алибек-Хаджи Зандакский» и «Шейх Козиб» (1924 г.) о героической борьбе чеченского народа за свободу¹⁹, перевел на чеченский язык повесть Д. Фурманова «Мятеж» и знаменитый роман Даниэля Дефо «Робинзон Крузо». Его трагедия «Алибек-хаджи Зандакский» была в 1927 году издана отдельной книжкой. Кроме того, Денилбек собрал и опубликовал несколько произведений чеченского устного народного творчества, был составителем первого русско-чеченского разговорника.

Жизнь Денилбека оборвалась трагически, как и жизни его братьев Назарбека и Асланбека: в 1937 году все оставшиеся в живых братья Шериповы, несмотря на их большие революционные и государственные заслуги, были арестованы

как члены чеченского буржуазного националистического центра, придуманного в недрах НКВД. По одним данным, Денилбек был расстрелян в год большого террора, по другим – умер от истощения в пересыльной тюрьме НКВД в городе Караганда в 1943 году²⁰.

Глава девятая

Заурбек Шерипов

Ни год, ни день рождения Заурбека Шерипова неизвестны. Следуя той же периодичности рождения сыновей в семье Шериповых в период с 1883-го по 1897 год и учитывая, что по возрасту он был третьим ребенком, мы определяем примерно год его рождения 1891-1892-м. И родился он тоже, по-видимому, в селе Сержень-юрт, где в то время жили его родители.

Закончил Заурбек тоже, предположительно, Грозненское реальное училище, в котором слушатели получали глубокие знания по всем видам науки. Судим об этом по его вкладу в публицистическую, просветительскую, литературную и общественную деятельность в 20-30-ые годы XX века. Ничего неизвестно и о том, чем занимался Заурбек во время Октябрьской социалистической революции. Но известно, что вначале он встретил этот, как его теперь называют, большевистский переворот настороженно и недоверчиво.

Правда, в годы Гражданской войны входил в состав Чеченской Красной Армии, созданной в 1918 году своим младшим братом Асланбеком, участвовал в знаменитых Стодневных боях в городе Грозном и в разгроме Волжского пластунского полка белоказаков на Правом (Особом) участке фронта (район улицы Первомайской и бывшего завода Фаниева – «Красного Молота» – А.К.). После смерти Асланбека и в годы нашествия деникинских войск Заурбек стал красным партизаном в Повстанческой группе войск Н. Гикало и воевал до полного установления Советской власти в Чечне – 20 марта 1920 года²¹.

После установления Советской власти на Северном Кавказе и создания в 1922 году Чеченской автономной области Заурбек входил вначале в состав Чеченского революционного комитета, а затем – Чеченского облисполкома. С 1922 по 1925 годы он заведовал отделом образования, с 1925 по 1927 годы был заместителем председателя Чеченского областного центрального исполнительного комитета. В эти годы Заурбек очень многое сделал в организации новой системы образования в Чечне. И это требовало от него большого мужества и самоотверженности, ибо горцы всячески противодействовали нововведениям, и открытие советских школ проходило в острой схватке с приверженцами религиозных школ при мечетях и медресе²².

В 1927 году Заурбек Шерипов был назначен директором Чеченского областного краеведческого музея, созданного еще в ноябре 1924 года. И, надо сказать, внес огромный вклад в его развитие, в обогащение фондов музея ценнейшими экспонатами истории, культуры и быта чеченского народа. Они пополнялись поступлениями из разных городов России, Северного Кавказа и Закавказья, в основном, картинами русских художников, сюжетно связанных с Чечней. В их числе был и знаменитый «Автопортрет в бурке и с ружьем» нашего первого художника, академика живописи Императорской Академии художеств России, «чеченца из Дады-юрта» Петра Захарова, переданный в наш музей из Третьяковской галереи в 1929 году по личной просьбе Заурбека Шерипова. Будучи хорошим организатором, он активизировал собирательскую и исследовательскую работу сотрудников музея и добился больших успехов в этом деле. Он работал директором музея около семи лет²³.

Как и старшие братья Назарбек и Денилбек и младший – Асланбек, Заурбек тоже был наделен, помимо дара администратора и блестящего организатора, талантом литератора, публициста, языковеда и исследователя. В 1927 году

он написал первым в Советское время краткий историко-биографический очерк о первом имаме Чечни – «Шейх Мансур», который был опубликован в том же году в книге «О тех, кого называли абреками». Заурбек собирал и публиковал произведения устного народного творчества, писал учебники для школ. Особое значение для освоения населением русского языка и для переводческой деятельности начинающих писателей имело составление и издание в 1928 году Заурбеком Шериповым русско-чеченского словаря, в котором было более 4500 слов и чеченско-русского словаря.

Жизнь Заурбека Шерипова – выдающегося представителя чеченской интеллигенции начала двадцатого века из семьи Шериповых – тоже оборвалась трагически: в 1937 году Заурбек был арестован, его следы теряются в тюрьме НКВД. По-видимому, он был расстрелян в том же 1937 году по надуманному обвинению как «член антисоветской националистической партии и как борец за отделение Чечни от Советского Союза», по пресловутой статье 58 Уголовного Кодекса РСФСР – универсальной в своем применении²⁴.

Глава десятая

Асланбек Шерипов

Яркий и неизгладимый временем след оставил в истории чеченского народа Асланбек Шерипов – политический, государственный и военный деятель, писатель, публицист, переводчик и исследователь устного народного творчества.

Явился в этот мир и покинул его Асланбек Шерипов в одном и том же месяце: 18 сентября 1897 года он родился, а 11 сентября 1919 года погиб, ровно неделю не дожив до своего двадцатидвухлетия. О дне рождения будущего героя в документальной повести Н. Шипулина «Юность боевая» читаем: «Из Сержень-Юрта в Шали, припав к холке коня, несся всадник. Гонец вез радостную весть офицеру Шерипову: жена Арубика родила ему сына. Есть теперь у Джамалдина еще один наследник. В горах вырастет еще один джигит. Известие обрадовало Джамалдина, гостившего у Шалинского старшины. Он тепло обнял гонца, дал ему горсть серебряных монет и заспешил домой взглянуть на наследника».

Мальчик рос смышленным, рано научился читать и писать по-русски. В 1909 году Асланбек был определен в Полтавский кадетский корпус, где готовили детей офицеров для поступления в офицерские школы.

Началась Первая мировая война, в Полтаве резко ухудшилось отношение к инородцам. И, по просьбе сына, отец перевел его в 1915 году в пятый класс Грозненского реального училища, которое Асланбек окончил в июле 1917 года. Свершилась Февральская буржуазно-демократическая революция, в стране (в том числе в Чечне) царили анархия и хаос, вспыхивали кровопролитные межнациональные стычки. Дело шло к Октябрьской социалистической революции.

В Грозном снова резко активизировались националистические вылазки, которые начались сразу же после Февральской буржуазно-демократической революции (9 февраля 1917 года). Бывший одноклассник А. Шерипова по реальному училищу, ставший впоследствии одним из лучших языковедов Чечни, Ахмад Мациев вспоминал: «В начале Февральской революции учащиеся реального училища собирались по национальным признакам и устраивали летучие митинги. В классах вывешивались лозунги: «Армения для армян!», «Чечня для чеченцев!», «Грузия для грузин!» и т.д. И вот однажды к нам в класс пришел Асланбек и заявил: «До тех пор, пока мы будем кричать «Армения для армян!», «Чечня для чеченцев!», у нас не будет ни Армении, ни Чечни. Задача состоит в том, чтобы всем вместе идти рука об руку!» Уже тогда он оказался мудрее и прозорливее нас, потому что убедил всех, что только

вместе мы добудем свободу и для чеченцев, и для армян, и для грузин – для всех народов Кавказа».

Конечно же, Асланбек не мог остаться в стороне от бурных октябрьских событий. После окончания училища он сразу же включился в общественно-политическую деятельность. Не зная отдыха и усталости, разъезжал он по селам, аулам, хуторам Чечни, разъясняя горцам суть и смысл новой власти, цели и задачи революции, которые вначале были, в общем-то, привлекательными для трудового народа.

И не было предела мужеству и вере не по годам мудрого, убедительного и целеустремленного Асланбека Шерипова. Об этом говорит и то, что он был единственным чеченским делегатом Второго съезда народов Терека, состоявшегося в Пятигорске с 16 февраля по 4 марта 1918 года.

Горские и казачьи контрреволюционные верхи предприняли все, чтобы не допустить на съезд делегатов Чечни. Находившийся в то время в Чечне будущий имам Узун-Хаджи даже грозил отрубить голову Асланбеку Шерипову, если он осмелится поехать на большевистский съезд. Но для Асланбека не существовало никаких преград. С огромным риском для жизни он сквозь казачьи окопы пробрался через ингушские селения в г. Беслан и 23 февраля 1918 года прибыл в Пятигорск. Таким храбрым, отчаянным и упрямым Асланбек Шерипов оставался всю свою жизнь. И с этого дня он принимал участие во всех съездах народов Терека, по нескольку раз выступая на каждом из них.

В 1918 году Асланбек Шерипов создал первую Чеченскую Красную Армию и стал ее командующим. Много ратных подвигов было на счету отважных конников. Когда в Грозном начались знаменитые Стодневные бои с белоказаками Г. Бичерахова и возникла опасность окружения города, Чеченская Красная Армия первая пришла на помощь его защитникам и, заняв линию обороны от кирпичных заводов на берегу реки Сунжа (район нынешнего моста на ул. им. Жуковского) до Ханкальского ущелья, не дала сомкнуться гибельному кольцу вокруг Грозного, обеспечила коридор, по которому рабочие отряды непрерывно снабжались всем необходимым: оружием, боеприпасами и продовольствием. Об этом комиссар военного отдела Совдепа Грозного И. Сафонов писал чрезвычайному комиссару Юга России С. Орджоникидзе: «На помощь защитникам города пришла Чеченская Красная Армия под командованием Асланбека Шерипова. Она рассредоточилась в районе городских садов (ныне район пос. им. Калинина. – А.К.) и несколько южнее, прикрывая собой расстояние незамкнутого белоказаками кольца. Пополнение данной армии и защитников города продолжается за счет аульной чеченской бедноты».

В городских схватках Стодневных боев конница А. Шерипова появляется то тут, то там в самую критическую минуту и спасает положение. Участвовала Чеченская Красная Армия и в последних решающих боях за город Грозный в ноябре 1918 года. Город был освобожден полностью, а белоказаки были отброшены за реку Терек.

Но недолго длилась радость победы. Уже в январе 1919 года в Чечню вошли денкинские войска, очень скоро «прославившиеся» своей жестокостью. Красным пришлось оставить город, и Асланбек Шерипов размещал красноармейцев по селам и аулам Чечни. Уже в конце года в Шатое собралась сильная, хорошо вооруженная грозненская группа терских повстанческих войск под командованием Н. Гикало и начались бои за освобождение Чечни от денкинских оккупантов. В одном из них у бывшей крепости Воздвиженской (недалеко от с. Старые Атаги) и погиб славный сын чеченского народа Асланбек Шерипов.

М. Мамакаев в своем романе «Мюрид революции» об этом его последнем бое писал: «Перестроившись и получив подкрепление, денкинцы снова шаг за шагом стали приближаться к окопам красных. Положение партизан становилось отчаянным: патроны были на исходе. Вдруг заклубилась пыль на

дороге. Это мчались всадники Шерипова с обнаженными клинками. На ветру, словно крылья, развевались полы их черкесок и разноцветные башлыки. Вся степь оглохла от протяженного и неистового «вур-р-а!». От неожиданности белогвардейцы повернули назад, оставляя на поле раненых.

И тут вперед вырвался всадник в серой папахе на горячем коне. Размахивая в воздухе высоко поднятым над головою маузером, он опередил знаменосца. «Асланбек! Асланбек!» – закричали горцы. Стремительно мчавшийся конь Шерипова внезапно вздыбился, преграждая путь отступающим белогвардейцам...

– Солдаты! – крикнул юноша, во весь рост поднимаясь на стременах. – Сдавайтесь, и вы будете свободны! Я – Асланбек!.. – и вдруг резко смолк, сраженный выстрелом из зарослей кукурузы...»

С этого рокового дня остался жить Асланбек Шерипов в памяти народной как национальный герой, как политический, государственный и военный деятель.

Но, к сожалению, сегодня мало кто знает, что Асланбек Шерипов был и литературно одаренным человеком. И талант его имел много ярких граней: он был не только блестящим оратором, но и талантливым поэтом, переводчиком, публицистом, страстным исследователем истории и фольклора чеченского народа, красноречивым выразителем интересов, настроений и чаяний горской бедноты. Его выступления и статьи отличались страстностью, правдивостью, ясностью и предельной убедительностью. Свое искусство оратора, мастерство публициста, талант литератора он поставил на службу интересам трудящихся горцев.

Раскрываться его поэтический и переводческий дар начал еще в детстве, в годы учебы в Полтавском кадетском корпусе. Один из его товарищей по корпусу, который был чуть старше Асланбека и учился на два курса выше, писал впоследствии, что Асланбек «часто общался со мной, потому что я был грузином, советовался со мной. Он производил впечатление безумно храброго человека. «Такие храбрецы долго не живут», – часто думал я про себя. Он уже тогда писал стихи, но стеснялся показывать их мне. Я, когда он был на занятиях, тайно брал тетрадку его и читал их. Они были по-детски наивными, но по-взрослому серьезными и хорошими. Я не говорил об этом Асланбеку, чтобы не смущать его».

Особенно ярко многогранный талант Асланбека-литератора засверкал в годы учебы в Грозненском реальном училище, которое он закончил в 1917 году «с отличными показателями в учебе и прилежным поведением». Будучи учеником реального училища, А. Шерипов много читал, изучал и хорошо знал не только русский, но и немецкий и французский языки. Художественная литература расширяла кругозор юноши, учила его лучшему пониманию жизни. В реальном училище он увлекается также историей. Он самостоятельно изучает историю героической борьбы горцев за свободу и независимость. В 1916 году он написал реферат по истории Кавказских войн. С этим рефератом Асланбек выступал в Грозном, Нальчике, Владикавказе. В 1917 году реферат был переработан в очерки по истории завоевания Кавказа и подготовлен к изданию. Эта работа Асланбека Шерипова, к сожалению, пока не найдена. Сохранились лишь предисловие и послесловие. Судя по предисловию, автор очерков стремился «дать понятие о причинах событий и характеристику их, описательную же сторону <...> по возможности старался оставить в стороне».

О том, что талант Асланбека Шерипова пробудился рано, говорил и другой исследователь истории чеченской литературы, кандидат филологических наук Л. Ибрагимов. Он писал: «Еще в годы учебы в кадетском корпусе Асланбек понял важность художественного слова как средства духовного пробуждения народа. В 1916 году в газете «Терек» он поместил ряд чеченских народных песен в переводе на русский язык. О том, какие фольклорные герои были особенно интересны ему, Асланбек говорит в предисловии к книге «Из чеченских народных песен»: «Власть терроризировала мирное население,

а абреки терроризировали эту власть. И, конечно, народ смотрел на абреков как на борцов против притеснений и зверств власти. Вот этот характер политического протеста и борьбы с властью придавал абрекам в глазах народа ореол национальных героев, что в свою очередь отразилось в песнях».

Слушая, записывая и обрабатывая чеченские героические песни почти с детских лет, Асланбек Шерипов имел их немало в своей объемной тетради, но перевести на русский язык и издать в 1918 году во Владикавказе успел только три из них в сборнике «Из чеченских народных песен»: «Абрек Геха», «Юсуп, сын Мусы» и «Асир-абрек», которые претерпели значительные изменения при переводе на русский язык. В основе песни «Абрек Геха» – история гибели известного в народе удальца. Чувствуя приближение «красавицы-смерти <...> в последней страстной молитве к Аллаху вылил он всю свою душу и приготовился к последней абреческой игре – к веселой игре со смертью. И огнем зажег геройский Геха души людей, и огонь тот спалил и разметал всю гниль людских сердец <...> Ободренный женщиной, которая удесатерила силу Гехи, он бился с безграничной отвагой <...> Он играл своим смертельным оружием последнюю лебединую песню абрека – песню о красивой смерти <...> И абрек Геха погиб красивой смертью, погиб победителем».

Из этих трех песен и сюжетом, и развитием композиции, и идеей, и мятущимся характером героя особо выделяется песня «Асир-абрек». Это дает повод некоторым исследователям творчества Асланбека Шерипова говорить в данном случае о его авторстве. Своеобразие сюжета и композиции песни «Асир-абрек» позволяет утверждать, что мы имеем дело с собственным (авторским) произведением А. Шерипова, созданным по мотивам чеченских героико-исторических песен.

«Дело в том, – писал Л. Ибрагимов, – что в «Асир-абреке» Шерипова впервые в истории этого жанра чеченской литературы фиксируется герой, абсолютно оторванный от нужд и чаяний народа, живущий лишь для себя, для удовлетворения собственных страстей. Традиционная идея песни-илли, утверждающая общенародную консолидацию, единение с народом, в переводе претерпевает заметное изменение. На первом плане – идейный разлад между героем-одиночкой и серой толпой».

Тут по ассоциации приходят на ум подобные мятежные герои из мировой и русской литературы: Чайльд-Гарольд Дж. Байрона, Вергер И.В. Гете, Алеко А.С. Пушкина, Лойко Зобар М. Горького, произведения которых А. Шерипов, несомненно, хорошо знал. Но он не приравнял к ним своего героя, а сохранил его национальную особенность. В этом тоже выразилось поэтическое мастерство Асланбека Шерипова.

Поэтому, если в мировой романтической литературе герой – это гордый одиночка-аристократ, потерявший цель жизни или не нашедший ее, то своеобразие и историческая достоверность идейного разлада чеченского героя-одиночки причинно обусловлены. Асир и европейский аристократ – дети разных культур и цивилизаций, разного уровня общественного сознания».

И все же доминирующей темой в песне «Асир-абрек», по мнению некоторых исследователей творчества Асланбека Шерипова, является безответная любовь. В отличие от романтических героев А.С. Пушкина и М. Горького, Асир не убивает свою возлюбленную за то, что она предпочла ему другого, а приводит ее в дом любимого ею человека. Обостренное чувство благородства не дает ему поступить по-другому.

Асланбек Шерипов не только глубокий знаток устного творчества, истории и народной жизни, но и мастер слова. Возьмите любую его речь, статью, записку, письмо, переводы песен и т.д., вы сразу же увидите, как ярко, просто и образно, с использованием всего богатства оттенков русского языка, который он прекрасно знал (как, впрочем, и чеченский), написано все, что вышло из-под его пера. Он тщательно отделявал и шлифовал каждое свое произведение,

всегда находил точное, емкое, единственное слово и ставил его там, где оно должно было стоять. Каждое сочинение Асланбека Шерипова говорит о том, что оно создано человеком большой требовательности, который четко знает, что хочет сказать и кому это говорит. И сообразно этому и слова подбирает, и произведение строит, что говорит о том, что язык его был очень богат, что изучал он его серьезно.

Вот, например, отрывок из его речи: «Мы, горцы Кавказа, в течение последних столетий (написано в 1918 году. – А.К.) жили уединенно и были отрезаны от всего мира, не имели общих интересов с Россией, ибо Россия была для нас тем бронированным кулаком, который раздавил нашу свободу. Россия ради самодержавной политики награждала наших изменников и шпионов землей, для чего сносились целые аулы. Мы никогда не могли простить, что предатели и изменники народа получили благодарственную бумагу с возведением в потомственное дворянство... История нашей борьбы за свободу написана народом... собственной кровью. Знайте, товарищи и граждане, мы вместе со всеми пойдем защищать свободу... Пойдем потому, что на языках горских племен приветствие говорит: будь свободен! Приходи свободным! Пойдем потому, что империализм Турции, Германии заинтересован не в нашем освобождении, а в захвате природных богатств и нефтяных недр нашего края».

Такими жемчужинами прозы, публицистики, переводов и ораторского искусства наполнено все литературное творчество Асланбека Шерипова. Мы хотим, чтобы все об этом знали.

Глава одиннадцатая

Майрбек Шерипов

Майрбек Шерипов родился в 1905 году в городе Грозном, где уже постоянно жила семья вышедшего на пенсию подпоручика Джамалдина Шерипова. Видимо, уже в советские годы он продолжил начатую в Грозненском реальном училище учебу на рабочем факультете при Грозненском нефтяном институте и закончил юридическую школу во Владикавказе. Предполагаем мы так потому, что он до 1938 года работал адвокатом в Коллегии адвокатов республики. Еще в юности, в 1923 году, вступил в ВКП (б).

В 1938 году, как и другие его братья, Майрбек Шерипов был арестован по стандартному обвинению в «антисоветской пропаганде» (статья 58, п.п. 1-11 Уголовного кодекса РСФСР). В то время как другие братья были расстреляны или осуждены и умерли в тюрьме, он был в 1939 году выпущен на свободу. До 1941 года он работал председателем Лесного промышленного совета ЧИАССР – по одним данным²⁵, или прокурором республики – по другим²⁶.

В 1941 году М. Шерипов переехал в родное село Шатой и, предчувствуя новый арест, перешел на нелегальное положение и начал вооруженную борьбу против Советской власти. Девизом его были слова: «Мой брат погиб, утверждая Советскую власть, а я умру, уничтожая ее». О его освободительной деятельности в 1941-1942 годах источники пишут, называя, естественно, все националистическое повстанческое движение контрреволюцией, а всех повстанцев – бандитами. Если верить этим источникам, в начале Великой Отечественной войны на «территории ЧИАССР были отмечены яркие проявления националистического повстанческого движения», где такие группы, по данным НКВД, «в основном носили контрреволюционный характер» и имели «широкую пособническую базу». Наиболее заметными лидерами этого движения были перешедшие к середине 1941 г. на нелегальное положение Х. Исраилов, Д. Мургазалиев и М. Шерипов, которые вели активную работу по срыву мобилизации в Красную Армию и других оборонных мероприятий²⁷.

Недовольство Советской властью ополченцев и их руководителей было вызвано в том числе и бесправием, творимым ею над чеченским народом и недопустимыми формами борьбы с «бандитизмом». Так, в начале сентября 1942 года несколько отрядов Красной Армии сожгли два невинных чеченских аула. Это было акцией возмездия за то, что бандиты-жители этих аулов участвовали в нападении на группу красноармейцев²⁸.

Такие меры лишь способствовали эскалации противодействия горцев властям. Заместитель начальника отдела по борьбе с бандитизмом НКВД Руденко к числу главных причин расширения повстанческого движения относил «допускаемые перегибы в проведении чекистско-войсковых операций, выражающиеся в массовых арестах и убийствах лиц, ранее не состоявших на оперативном учете и не имеющих компрометирующего материала»²⁹.

В ответ на все это Майрбек Шерипов создал подпольную организацию, установил связь с религиозными и тейповыми авторитетами. Основной базой организации был Шатоевский район ЧИАССР. Для своего начавшегося складываться повстанческого формирования М. Шерипов искал наиболее подходящие формы, несколько раз менял название организации: «Общество спасения горцев», «Союз освобожденных горцев», «Чечено-ингушский союз горских националистов» и, наконец, «Чечено-горская национал-социалистическая подпольная организация». М. Шерипов, находясь во главе Леспромсовета, мог достаточно свободно заниматься конспиративной деятельностью, потому что его должность предусматривала поездки в лесные промышленные хозяйства, в Горную Чечню. Отряд свой он собирал на территории Шатоевского, Чеберлоевского и части Итум-Калинского районов.

Абдурахман Авторханов писал о повстанческой деятельности М. Шерипова, которого знал с детских лет (Майрбек был только на три-четыре года старше Абдурахмана): «В октябре 1941 года начался второй суд надо мной... Время для меня было явно неблагоприятное. Немцы подошли к Москве, в горах Чечни бушевали два параллельных народных восстания, возглавляемых моими друзьями Майрбеком Шериповым в Шатое и Хасаном Исраиловым в Галанчоже... Поэтому я шел на суд без какой-либо надежды на вторичное освобождение...»³⁰

И далее: «К началу 1942 г. Исраилов и Шерипов договорились о координации действий обоих повстанческих отрядов, что привело к полному освобождению всей горной Чечено-Ингушетии. Советское правительство узнало через своих агентов, что оба руководителя восстания планируют расширение зоны восстания за пределы горной Чечено-Ингушетии в соседнюю горную Грузию и горный Дагестан, а то и на других соседей – Осетию, Кабардино-Балкарию и Карачай. Обеспокоенное этими тревожными сообщениями и ввиду явного роста антисоветского настроения среди населения названных соседей Чечено-Ингушетии, советское правительство решило принять более крутые меры. Крутые меры сводились к тому, чтобы на место несправившихся войск НКВД перебросить в горы крупные армейские соединения. С закавказского и северокавказского фронтов сняли несколько дивизий и ввели в горы с обеих сторон – с юга и с севера. Заодно обком партии получил указание ЦК объявить всю чечено-ингушскую партийную организацию мобилизованной и составленные из ее членов «боевые дружины» ставить под командование армии»³¹.

Задача Майрбека Шерипова заключалась в том, чтобы объединить разрозненные мелкие группы чеченских повстанцев и поднять их на вооруженную борьбу против несправедливой Советской власти. Восстание, спровоцированное, по некоторым данным, сотрудниками НКВД Чечено-Ингушской АССР, началось в конце 1941 года. Чекисты раздули число его участников до фантастического количества и для подавления восстания в Чечню были стянуты подразделения Красной Армии и войск НКВД с

артиллерией и авиацией. Это была тщательно подготовленная специальная войсковая операция, которая длилась более двух месяцев. В результате ее в боестолкновении под селом Итум-Кали Майрбек Шерипов был убит, а все повстанцы расстреляны. Случилось это в 1943 году³².

Так трагически закончилась жизнь и Майрбека Шерипова.

¹ Шипулин Н. Юность боевая. Документальная повесть. – Грозный, 1969. С. 5.

² Мамакаев М.А. Мюрид революции. Роман. – М., Детгиз., 1968. С. 21

³ Лермонтов М.Ю. Измаил-бей. Восточная повесть /Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в IV томах. Т. II – М.: «Художественная литература», 1976. С. 232.

⁴ Там же. С. 252.

⁵ Газдиев А.М. Асланбек Шерипов – славный герой революции. – Грозный, 1960. С. 3.

⁶ Шипулин А. Указ. соч. С.74.

⁷ Там же. С. 6.7.

⁸ <http://pamela-7.livejornae\com.1212400.html>. Чушкова П. Асланбек Шерипов – скованный великан.

⁹ Vovik//459. За что Сталин выселял народы?

¹⁰ История Чечни с древнейших времен до наших дней в двух томах Т. II – Грозный, 2008. С. 149

¹¹ Айдамиров А.А. Хронология истории Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1991. С. 91.

¹² Бакаев Х. Чеченскому национальному театру – сто лет. <http://vaydahar.eu/smi-onas/eurapa/1778/>

¹³ Там же

¹⁴ Там же.

¹⁵ Айдамиров А.А. Буря. Собрание сочинений в шести томах. Т. III. Грозный, 2004. С. 306 – 307.

¹⁶ Магомадов М.М. Чеченские просветители начала XX века. – М., 2013. С. 69; Эльбуздукаева Т.У. Политические репрессии на территории Чечни и Ингушетии в 1920-1930 годы. – Махачкала, 2015. С. 258-259.

¹⁷ РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. Ед. хр. 223. Л.10; Магомадов М.М. Периодическая печать Чечни в период нового экономического подъема (1910–1912г.г.). – Грозный, ЧГУ, 2012. С. 92-93.

¹⁸ Магомадов М.М. Чеченские просветители начала XX века. – М., 2013. С. 72-73.

¹⁹ Индербаев Г. Социально-исторические и политические предпосылки зарождения жанра драмы в чеченской литературе 20-х годов XX века. //«Вайнах», 2015, №1-2. С. 79,80.

²⁰ Vovik//459. За что Сталин выселял народы?

²¹ Кусаев А.Д. Чечня: годы и люди. – Грозный, 2007. С. 49; его же: Писатели Чечни. Книга вторая. – Грозный, 2009. С. 32.

²² <http://www/Nohchalla.com/video/74/484-2011-11-11-10-26-31.html>. Литераторы Чеченской Республики начала XX века.

²³ Кусаев А.Д. Чечня: годы и люди. – Грозный, 2007. С.-13-14

²⁴ Эльбуздукаева Т.У. Указ. соч.

²⁵ ГАРФ.Ф. 9478. Оп. 1.Д.69.1.16. Материалы о положении с бандитизмом за 3,5 года войны.

²⁶ <http://www/hrono.ru/biograf/bio-sh/sherurov.php>.

²⁷ ГАРФ.Ф. 9478. Оп. 1.Д.69.1.16. Материалы о положении с бандитизмом за 3,5 года войны.

²⁸ Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная Армия 1918-1945. – М.: «Вече», 2007. С. 165.

²⁹ Досье «Востока». 20-40-е годы: трагедия народов. Публикация Н.Ф. Бугая. П. Восток, 1992, №2. С. 128; Сидоренко В.Н. Войска НКВД на Кавказе в годы Великой Отечественной войны: исторический аспект. ДИИСС. доктор истор. наук. – СПб, 2000. С. 147.

³⁰ Авторханов А.Г. Мемуары. – Франкфурт-на-Майне: «Посев», 1983. С. 506-507.

³¹ Там же. С.-520-521.

³² Синицын Федор. За русский народ. Национальный вопрос в Великой Отечественной войне. – М.: «Язуа-ЭКМО», 2010. С. 187-189; История Чечни с древнейших времен до наших дней. В двух томах. Т. II Грозный, 2008. С. 536-540.

Мухмет Амиров

Долгая дорога домой

Очерк

Старейшина с. Гойское Алхаст Париев (по паспорту Александр) привык быть везде первым. Одним из первых он отправился на фронт Великой Отечественной войны из с. Хильдехарой Итум-Калинского района. Первым из своих товарищей форсировал Дунай, первым, как старший группы полковых разведчиков, врывался в немецкие блиндажи для захвата «языков».

Он один из немногих чеченцев, который прошел всю войну на передовой от начала до конца без серьезного ранения. Один из немногих своих соотечественников, который сразу после войны сменил гимнастерку на тюремную спецовку «сталинских ГУЛАГов». Один из первых спецпереселенцев, который в конце 1956 г. привез свою семью из Казахстана на Родину.

В то время ему было 35 лет. Однако после 16-летней разлуки родная земля встретила его как чужого. Алхаст устроил свою семью на вокзале Грозного, а сам на такси отправился в Итум-Кале, чтобы в Хильдехарое подготовить дом для семьи. Но дальше Шатоя его не пустили, т.к. от Шатоя начиналась Грузия.

Алхаст Париев

Он был вынужден вернуться и отправиться в другие районы, но нигде на территории Грозненской области его не принимали. Везде мотив был один: «Нет указаний сверху принимать чеченцев». Через две недели Алхаст увез свою семью в Кабарду, где его хорошо встретили и устроили.

Ранней весной 1957 года на телеге, запряженной лошадей, Алхаст через Осетию и Ингушетию привез свою семью в с. Алхазурово. Здесь до войны проживали его родственники. Сейчас здесь, конечно, не было ни одного из них, и не только его родственников, но даже ни одного чеченца. Его появление для новых жителей Алхазурова – дагестанцев и русских – было как гром среди ясного неба. Они с недоверием встретили Алхаста. И те, и другие объединились против него. Никто не предоставил ему и его семье даже временного постоя. После долгих поисков он встретил единственного знакомого среди новых жильцов – Талхада, который владел чеченским языком и когда-то дружил с чеченцами. Даже этот милосердный человек, по воспоминаниям Алхаста, «радовался» его приезду, как он «радовался» бы при сообщении, что у его отца погибли три самых близких родственника (по-чеченски «шен де вала йиш йоцу кхоь велча санна»).

Алхазурово при новых жителях было не узнать. После 1944-го года оно было переименовано в с. Привольное. В чеченских домах проживали дагестанцы и русские. Как правило, одно хозяйство у тех и у других располагалось в двух и даже в трех чеченских домовладениях. Лучший из домов они использовали для жилого помещения, а дома похуже – в качестве сараев и подсобных помещений. Были дома и постройки, которые новые жители разбирали на строительный материал и на печное топливо. Там, где проживали русские, можно было

видеть непривычных для этих мест животных – свиней. Было здесь и еще что-то непривычное, можно сказать, кощунственное: на чеченских кладбищах не было оставлено ни одного надмогильного камня, они были использованы как строительный материал для свиноферм.

Алхаст недолго терзал Талхада своим присутствием. Он, со свойственным чеченцам упорству и трудолюбием, принялся обустроить для своей семьи полуразрушенный и заброшенный дом.

Дагестанцы сначала держали в нем своих ослов, потом разобрали частично на стройматериал. По словам Алхаста, ему пришлось снять метровый слой навоза, чтобы добраться до половых досок. Потом он накрыл крышу, вставил окна и двери, затем перевез свою семью.

За все это время Талхад не скрывал своего недовольства по поводу приезда Алхаста. За каждым его шагом неустанно наблюдали не только соседи, но и «доброхоты» с других улиц. У всех в глазах люта я ненависть, как будто он прибыл, чтобы отобрать доставшиеся им по наследству богатства. Скоро, как и следовало ожидать, неприязнь к Алхасту вырвалась наружу: на него посыпались жалобы. Жители требовали от властей отобрать у него лошадь и телегу, как средства, приобретенные чеченцем для воровства.

Скоро, выполняя требования возмущенных жителей села, Алхаст вынудили расстаться со своей телегой и лошадью. Справедливости ради надо сказать, что сделано это было не совсем грубо. Был произведен своего рода принудительный бартер: колхозу – лошадь и телега, Алхасту – 2.5 тонны урожая. Когда Алхаст обустроивал жилище, никто ему не помогал: ни соседи, ни сельский Совет, ни колхоз. Ему все приходилось делать самому и за свой счет. Даже со временем у проживающих в чеченских домах отношение к Алхасту не менялось. Он был для них как бельмо в глазу или костью в горле, о чем они напоминали ему каждый день.

Проходило время, и возвращение чеченцев домой еще не приняло массового характера. В начале мая 1957 года в селе насчитывалось всего около десяти чеченских семей, и все они, как и Алхаст, были уроженцами высокогорного села Хильдехарой Итум-Калинского района, который все еще оставался для них закрытой зоной. Но и этого небольшого количества вернувшихся на Родину чеченцев было достаточно, чтобы некоренные жители почувствовали угрозу своему комфортному существованию. Стена ненависти, неприязни и вражды между двумя сторонами крепла и возвышалась. Несмотря на свою малочисленность, чеченцы вели себя с достоинством, крепко держась друг за друга.

Тем временем Алхаста, с учетом прибывающих чеченских семей, фронтового прошлого, определенных знаний и крепкого характера, принимают на работу лесником, он становится членом правления колхоза, благодаря чему стал владеть определенной информацией. Вскоре ему становится известно, что жители села усилили поток жалоб во все инстанции, требуя выдворения из села чеченцев. Как потом выяснилось, объем жалоб можно было измерить килограммами. Заодно появились слухи о том, что эшелоны со спецпереселенцами то там, то здесь задерживают и отправляют обратно, что высшее руководство страны пересмотрело свое решение относительно возвращения чеченцев на Родину. Эти слухи воодушевляли поселенцев, в том числе и на насильственные действия против прибывших в село чеченских семей. Керосин в огонь подливали и привычка некоторых безжалостно и безобразно уничтожать местный лес, где лесником работал Алхаст. А валили они деревья с такой ненавистью, как будто перед ними стояли возвратившиеся спецпереселенцы. По словам Алхаста, он однажды не выдержал и выследил колонну из девяти телег, доверху нагруженных лесом. На участке, где они рубили деревья, торчали, словно столбы, метровые пни. Алхаст, не скрывая своего возмущения и угрожая ружьем (как в недавнем прошлом он привел пленных фашистов), доставил всех браконьеров к зданию сельского Совета и заставил выгрузиться. «Они уничтожали этот лес потому, что он был наш»,

– сказал Алхаст. У оставленных Алхастом «лесорубов» давно и тайно зрел заговор против чеченцев, а этот случай приблизил его развязку.

Так уж случилось, что в 1957 году совпали два праздника – День Победы и Ураза-Байрам. По всей видимости, в эту ночь они намеревались устроить для чеченцев ночь «длинных ножей». Организаторы этого своеобразного заговора заранее на трех телегах привезли из леса орудия расправы – длинные увесистые двухметровые колья из лещины.

«Если уьем этих прибывших, то и другие не будут сюда возвращаться», – говорили они между собой. В жестоком избиении и выселении чеченцев из Привольного (Алхазурово) должны были принять участие и земляки браконьеров из других близлежащих населенных пунктов – Нового хутора (Гойского) и Комсомольского (Гой-чу). В том, что власти их поддержат, пусть и негласно, заговорщики не сомневались. А представители власти действительно знали о готовящемся античеченском бунте и ничего не предпринимали. Косвенно это подтверждает то, что находившийся в приятельских отношениях с Алхастом участковый инспектор Алексей Сергеевич, русский по национальности, предупредил его, чтобы вечером 9 мая он был начеку и никуда не отлучался из дома. Однако события пошли по другому сценарию, что привело к их скорой развязке.

Дело в том, что чеченцы были безвинно отправлены в ссылку и лишены всего своего движимого и недвижимого имущества, 13 лет провели в каторжных условиях, потеряли своих близких и родственников, много раз смотрели смерти в лицо. Теперь же, естественно, испытывали обоснованную неприязнь к пришельцам, уютно расположившимся в их домах, присвоившим чужое добро и не скрывающим свою враждебность. На каждое оскорбление в свой адрес чеченцы отвечали горячим обжигающим ударом. На этой взаимно неприязненной почве в центре села 9 мая возник очередной конфликт между чеченцем и дагестанцем. Инициатором выступил чеченец. После того, как они обменялись оскорблениями и взаимными оплеухами, подоспевший чеченец разнял их и увел с собой зачинщика-чеченца. В это время недалеко от места конфликта по случаю празднования Ураза-Байрам в одном из домов собрались взрослые представители всех чеченских семей. Они дружно сидели за праздничным столом. Это были Сайд-Али Адамов, Дакхи Абдурахманов, Сайд-Магомед Бацилов, Сайда Сулейманов, Умар Маликов – всего девять человек. Обслуживали мужчин, согласно традициям, женщины, в числе которых была и сестра Бацилова Сайд-Магомеда Азман, Хеда – жена Дакхи. Через несколько минут к ним присоединились и эти двое чеченцев. Они рассказали о случившемся. Сидевшие за столом чеченцы, не привыкшие к такому исходу конфликтов, были возмущены. Несмотря на уговоры соблюдать осторожность, так как в любом конфликте власти винили чеченцев, многие возмутились и ответили: «Лучше умереть, чем терпеть подобное». Решительно настроенные трое чеченцев быстро вышли из дома и по горячим следам настигли того парня, жестоко избили его и предупредили, чтобы больше не смел на чеченца руку поднимать. Избитый оказался родным братом того самого Талхада, который «приютил» Алхаста. Чувствуя, что эти события могут иметь кровавые последствия, Алхаст по окончании дежурства против сбыта спиртных напитков у продуктового магазина отправился к землякам. Туда же прибыл Талхад. Для него Алхаст был, во-первых, госслужащим, во-вторых, фронтовиком, в-третьих, хорошим знакомым. Было очевидно, что расправиться с другими чеченцами без его участия будет гораздо легче. Алхаст все сразу же понял и предпринял попытку уговорить Талхада уладить все мирным путем, объяснив, что запугать людей, переживших столь суровые испытания, невозможно. Но тот ответил, что ничего не может сделать, разъяренная толпа уже в пути. В это время из дома вышел один из земляков и крикнул Алхасту, чтобы он прогнал этого человека. Таким образом, сами того не ведая, чеченцы ускорили их выступление. Туда, где были чеченцы, спешили крепкие мужики с тремя гружеными арбами. Жители села, будучи в курсе происходящего, ожидали

кровавых событий, спешно закрывали свои двери, калитки. Улицы опустели. Все были уверены, что произойдет жестокая расправа над чеченцами.

В доме, где собрались чеченцы, было девять мужчин и три женщины: Азман, Хеда с грудным младенцем и ее мать Ачи. Никто не догадывался о стремительно приближающейся опасности, пока Алхаст их не предупредил. К этому времени на них в буквальном смысле слова хлынула толпа. По словам Алхаста, их было больше сотни. В час смертельной опасности, грозящей чеченцам, рядом не оказалось ни участкового инспектора, ни председателя колхоза, а председатель сельсовета, который проживал недалеко и видел все происходящее, не только не попытался вмешаться, но, выглянув на мгновение, крикнул Алхасту: «Саша, не вмешивайся!» – и закрыл за собой дверь. Это явилось еще одним свидетельством того, что против чеченцев была подготовлена серьезная провокация. Ведь и увесистые колья были приготовлены заранее еще несколько дней назад. Сначала толпа налетела на арбы и в одно мгновение опустошила их.

Чеченцам приходилось испытывать на своей коже все: от тяжелых прикладов стрелкового оружия до металлических прутьев, лопат и вил. Что касается нападавших, они, вместо ожидаемого страха, заметили в глазах чеченцев ярость и презрение.

Местность, где проходила стычка, представляла собой уклон и слабо расчлененный рельеф, внизу протекала речка Энгелик, а рядом, почти под боком, располагалось здание сельсовета. Многим из сторонних наблюдателей казалось, что нападающие, имеющие почти десятикратное превосходство, забьют насмерть тяжелыми кольями всех чеченцев, но были и те, которые думали, что чеченцы попытаются спастись бегством. Однако увиденное поразило всех. Казалось, что перед сокрушительной лавиной выросла железная скала. Мгновенно, яростно и решительно, засучив рукава, чеченцы встретили напавших, одновременно выкрикивая оскорбления и проклятия в их адрес. Начался ожесточенный рукопашный бой с использованием всего, что попадется под руку.

Яростное сражение какое-то время шло почти наравных. Вместе с мужчинами, как волчица, дралась Азман. Примечательно то, что ни многочисленные свидетели, проходившие наблюдать со стороны, ни представители местной власти даже не пытались остановить кровопролитие. В решающий момент Алхаст нанес сокрушительный удар по голове самого рослого из нападавших, что и решило исход побоища. В организованном порядке, увозя с собой своих покалеченных товарищей, они стали покидать поле битвы. На земле лежали четверо серьезно раненных чеченцев. Хорошо зная отношение официальной власти к чеченцам, Алхаст бросился к зданию сельсовета и попросил секретаря вызвать милицию. Та набрала номер телефона, но говорить сама отказалась, и передала трубку Алхасту. Он представился и сообщил, что на чеченцев в с. Привольное совершено нападение. Прибывшая милиция состояла из дагестанцев. Они забрали чеченцев, получивших увечья. Их продержали двое суток в РОВД Красноармейского района, ныне Урус-Мартановского, после чего отпустили. Насилия физического характера по отношению к ним на этот раз не применяли. Не было возбуждено дел и против организаторов и участников конфликта. Помимо всего прочего, связано это было еще и с тем, что чеченцы, ставшие объектом заговора и нападения, считали позором жаловаться властям. Несмотря на серьезные раны, полученные в ходе массового побоища, чеченцы также отказались от стационарного лечения в районной больнице, называя свои раны пустяковыми. Они не захотели предстать перед напавшими на них подлецами в роли пострадавших. Вскоре противоположная сторона конфликта прислала представительную делегацию, в составе которой были уважаемые религиозные деятели, с просьбой уладить дело мирным путем. Согласно традициям и обычаям своих предков, чеченцы нанесли ответный визит. Их хорошо приняли, и две стороны помирились. Начиная с этого дня, некоторые пришедшие группами стали покидать село. Происходило это так: днем собирали

все ценное имущество, грузили на телеги, готовили мешки и тюки, а ночью выходили из села. Все, что не могли увезти – дома, хозпостройки – намеренно портили. Например, разбивали оконные стекла, рамы, выдергивали половые доски, двери, разрушали потолок – в общем, не оставляли ничего полезного...

Стоит отметить, что репатриантов постоянно пытались оклеветать, обвинить в том, чего они не совершали. В центре села был большой универсальный магазин, сторожем в котором работал пожилой мужчина русской национальности. Однажды утром сельчане узнали, что магазин ограблен, а сторож убит. На земле, как потом выяснилось, специально были оставлены следы в виде брошенных конфет, печенья, ложек и т.д. Создавалось впечатление, что все это уронили спешившие скрыться грабители. Что интересно, все следы обрывались у домов, где проживали чеченцы. Скоро из Красноармейского района прибыли представители правоохранительных органов. Как ни странно, следователи пошли по пути закона. Несмотря на то, что местное население было уверено в виновности чеченцев, они провели профессиональное расследование, благодаря чему настоящие преступники были задержаны на территории Ставропольского края. У них изъяли часть награбленного, которое они не успели продать.

Несмотря на эти и многие другие подобного рода ситуации, на чеченцев продолжали поступать необоснованные жалобы, повсюду устраивались пикеты и блокировались дороги. Чтобы не пускать в село прибывающих из ссылки людей, «местные» усилили агитацию среди жителей с требованием не уезжать, не освобождать и не покидать дома. Когда и это не помогло, они стали продавать дома возвратившимся хозяевам по завышенным ценам, т.е. чеченцы были вынуждены выкупать свои же собственные дома, но без имущества и подворья.

Такова была реальная картина «счастливого» возвращения чеченцев на свою историческую Родину.

Лиза Адмисиева

Развитие внутренней и внешней торговли на прилинейных территориях* (XVIII – первая треть XIX в.)

В XVIII – первой трети XIX века продолжают развиваться торгово-экономические связи горцев с казаками и жителями прилинейных территорий. Главными предметами торговли горцев были традиционные товары: бурки, чекмени, башлыки, арбы, колеса, продукты животноводства, земледелия и охоты. Из России привозили ткани, ножницы, булавки, зеркала, ремесленные изделия, домашнюю утварь и др. Несмотря на всевозможные запреты и ограничения, развитию торговли способствовали всевозможные ярмарки, которые устраивались в прилинейных городах и селах.

Освоение степного Предкавказья происходило в период, когда в экономической жизни России стали происходить важные перемены. По мере роста производительных сил страны углублялось общественное разделение труда, происходила дальнейшая специализация хозяйственных районов Российской империи. Это способствовало развитию обмена товаров между разными регионами и расширению внутреннего рынка.

Товарно-денежные отношения начинают проникать во все отрасли хозяйства, они меняют присущие крепостному строю натурально-хозяйственные отношения. Растет население городов, повышается спрос на хлеб, мясо и другие сельскохозяйственные продукты. Вместе с тем появляется необходимость в укреплении и расширении торговых связей между центром и аграрными окраинами страны, которые поставляли все в большем количестве продовольствие и сырье в обмен на промышленные товары.

Вопросам развития экономических отношений в Предкавказье, в частности на Северном Кавказе, в дореформенный период уделили определенное внимание такие исследователи, как А.В. Фадеев, Н.П. Гриценко, Т.Х. Кумыков, М.С. Тотоев, В.Г. Гаджиев, А.И. Хасбулатов, Ш.Б. Ахмадов, Л.Б. Заседателева и др. Некоторые дореволюционные авторы в той или иной степени также касались вопросов развития торговли и торговых связей населения прилинейных территорий с кавказскими горцами и внутренними губерниями России (С. Броневский, И. Дебу и др.).

В свое время еще Петр I считал, что Северный Кавказ в перспективе сыграет большую роль не только в усилении военного могущества России, но и в развитии торговли на Ближнем Востоке. К началу XVIII в. бывший торговый центр края город Терки пришел в упадок. Когда в 1724 г. сюда приехал Петр I, Терское войско, составлявшее основное население города, насчитывало не более 200 человек. Новым крупным торговым центром стала крепость Святого креста, заложенная в этом же году на Аграхани в 20 км. от устья реки Сулак. Однако она прослужила недолго. Местоположение крепости оказалось не совсем удачным...

Следующая крепость была заложена в 1735 году на месте урочища Кизляр, где издавна шла в основном меновая торговля с затеречными кавказскими народами. Здесь же селились прибывшие из Закавказья грузины и армяне, которые занимались шелководством и виноградарством¹. Также предместье Кизяра осваивали горцы, переселившиеся на равнину.

* Прилинейные территории – земли, располагавшиеся в непосредственной близости к Кавказской военной линии.

В 1735 г. был основан город Кизляр, который вплоть до первой трети XIX в. выполнял роль экономического и политического центра большей части Северного Кавказа. Кизлярские торговцы устанавливали прочные торгово-экономические связи с кумыкскими и чеченскими селениями, расположенными в радиусе 100-200 верст от города, а также с Дагестаном, Северной Осетией и Кабардой. Так, например, шерсть, закупувавшаяся большими партиями в Кабарде, сухопутным путем через Кизляр отправлялась в Астрахань и далее во внутренние российские губернии. Наиболее интенсивными были связи Кизяра с крупными кумыкскими и чеченскими селениями Эндери, Аксай, Костек, Тарки, Брагуны и Старый Юрт. Из этих селений, а также ногайских хуторов и из Большой Кабарды «за неполных семь месяцев 1754 г. было вывезено в Кизляр товаров на 4 859 руб. 63 коп.»².

С середины XVIII века наблюдается оживление торговых отношений народов Северного Кавказа с Россией. В торговлю были вовлечены не только жители городов и линейных станиц, но и горцы, а также армяне, грузины, греки. Продавалось все, что имело спрос: колеса аробные, шкуры диких животных, воск, мед, пшеничная и просяная мука, горское сукно, бурки, ружейные замки, глиняная посуда, шерсть, овчины, войлок, кожи домашних животных и многое другое.

В 1753 году в целях развития торговли в стране правительство отменило сбор внутренней пошлины и повысило пошлины на товары, вывозимые за пределы страны. Так как горцы на Северо-Восточном Кавказе приравнивались к иностранцам, то за товары, продаваемые в Кизляре, им приходилось платить торговую пошлину. В 1755 году правительственным указом была создана кизлярская таможня, которая следила за ввозом и вывозом русских и иностранных товаров и собирала торговые пошлины.

Хотя горцы и линейные жители торговали в обход таможи и карантинных застав, этот указ отрицательно сказался на экономическом положении не только горцев, но и жителей Кизяра. На тягость торговых пошлин стали жаловаться и представители местных горских верхов.

К середине 60-х годов XVIII века политические отношения между Россией и Турцией снова обострились. Учитывая все эти обстоятельства и прежде всего для того, чтобы привлечь на свою сторону горские народы, российское правительство пошло на уступки горским народам в области торговли. Поощряя развитие торговли на Северо-Восточном Кавказе, в 1765 году вышло распоряжение, по которому кумыки, кабардинцы и другие горцы региона могли торговать в Кизляре беспошлинно.

В начале XIX века российское правительство продолжало поощрять торговлю с горцами, о чем свидетельствуют донесения на имя кизлярского коменданта: «Чеченские старшины и все их общество в письме своем ко мне уведомляют, что назад тому пять лет в бытность комендантом в Кизляре полковника Ахвердова для безопасности производства их купечеством торгового дела сделаны были между ими и Ахвердовым условия, по силе коих даны были им и аманаты; но что после условия сии якобы от нас нарушены – по чему и предписываю вашему высокоблагородию приказав тотчас отыскать сии условия в комендантских делах не замедлить представлением онаго на мое рассмотрение»⁶. (Орфография и пунктуация в цитатах соответствует источникам – А.Л.) Брагунский владелиц Султан Асламбеков говорит о заготовке леса жителями его (брагунской) деревни и просит о пропуске через кордон, чтобы сплавить лес по Тереку в Кизляр. Такое разрешение было дано³.

Кизлярские купцы вели активную торговлю на Кавказской линии. Так, например, с 1805 по 1807 г. включительно на этой Линии кизлярскими купцами было продано горцам различных товаров на сумму 638 526 руб., а куплено у них же сельскохозяйственных продуктов и изделий ремесла на 489 526 руб.⁴

Гребенские и Терские казаки, как известно, добывали корень марены. В свое время еще Петр I отмечал великолепные красящие свойства марены

и обращал внимание российских купцов на необходимость использования в текстильной промышленности этого естественного красителя. Кизлярские купцы скупали марену у казаков, горцев и других сборщиков за бесценок и вывозили далеко за пределы Северо-Восточного Кавказа, где перепродавали ее уже по более высокой цене. Прибыли от продажи марены были настолько велики, что появляются посредники между ее собирателями и фабрикантами. А «некоторые... владельцы, подняв цену на марену, заключали договоры с русскими промышленниками на право сбора ее на территории их владений»⁵.

Из конопли гребенские казаки делали знаменитую гребенскую пеньку, которую продавали «каждый пуд по четыре рубля». Интересно, что они не применяли прялок и веретен, а обматывали пеньку вокруг себя.

В 1815 году в Кизляре насчитывалось 8 кустарных кожевенных «заводов», где из бараньих кож выделывали сафьян и мешину, 15 свечных «заводов», изготовивших за год 11 417 пуд. свечей⁶.

Зачастую казаки и горцы из близлежащих к Кавказской линии селений производили в своем хозяйстве больше продуктов животноводства и сельского хозяйства, нежели им было необходимо для пропитания. Реализовать избыток этих продуктов позволяли ярмарки, которые устраивались в городах и некоторых селениях вдоль Кавказской линии. Например, в городе Георгиевске ежегодно проходили по две ярмарки: одна 9-го мая, другая – 1-го октября. Автор начала XIX века писал об этих ярмарках, что «на сии ярмарки иногда съезжаются иногородние с товарами купцы, а по большей части сельские жители, которым также назначено продавать свои товары, и всякую неделю по субботам»⁷.

Ярмарки устраивались и в помещичьих селениях. В селе Привольном, принадлежащем Зотову, проходили по две ярмарки: 9-го мая и 6-го декабря, которые продолжались по три дня. В селе Александровка, принадлежащем графу Воронцову, устраивались по три ярмарки в год: 1-го марта, 6-го мая и 14-го сентября, которые также продолжались по три дня.

В Кизляре не устраивались ярмарки, как в других городах Кавказской губернии. Но в городе было три рынка для постоянной торговли. В лавках, которых насчитывалось 250 (по другим данным – около 200), продавали бархат, парчу, позументы, штофы, недорогое сукно; встречалась кисея и полотно, но большей частью продавался недорогой товар, необходимый в повседневной жизни для сельских и городских жителей как в российских пределах, так и за кордоном.

Жители, приезжавшие из уездных сел и городков, на этих рынках продавали овечью и верблюжью шерсть, пшеницу, пшено, хлопчатую бумагу, шелк, корень марены и др. Прибывавшие из-за Кавказской линии горские и плоскостные жители привозили на продажу хлопчатую бумагу, марену, куньи меха, мед и фрукты. Эти товары из Кизляра перекупщиками отправлялись в Астрахань.

Автор начала XIX века писал: «...армяне торгуют в Персию с Дербентом, с Кавказскими народами в городе Тарке, и в кумыкских деревнях Индери, Брагуне и Костеке. Продают тамо в малом количестве бархаты, парчи, кармазины и разные позументы; а большей частью холст, выбойки, ленты, тесьмы, зеркальцы, разные стеклянные, медные и деревянные посуды, ножницы, ножи, иглы, булавки и прочие мелочи. На сии товары выменивают они звериные мехи, скотские кожи, так же из самого скота овец и коней, и сей торг, столько прибыточен, что из Кизлярских Армян «как говорят, иногда могут получить на один рубль 50 процентов. По такому выгодному торгу многие из них имеют видимые наличные капиталы, а некоторые из них находятся имущие, называющихся богатыми Астраханских купцов, употребляющих все свои капиталы для увеличения пользы, от торговых оборотов быть могущей»⁸.

В конце XVIII – начале XIX века в Кизляре существовало много торговых лавок, складов, гостиных рядов. К этому времени в городе были учреждены три гостиных дома: русский, армянский и татарский (последний для горских купцов). Это обстоятельство еще раз подтверждает мысль о том, что торговые

отношения горцев с казаками и переселенцами не просто имели место, а они развивались полным ходом, несмотря на самодержавную политику царского правительства, которое придерживалось принципа «разделяй и властвуй» в отношении горских народов. Царское правительство всячески старалось не допускать сближения простых казаков, русских и украинских переселенцев с горцами.

На прилинейных территориях Северного Кавказа было развито виноградарство. Виноградные сады приносили хороший доход владельцам и служили хорошим подспорьем для людей, которые работали в этих садах. Географическое расположение Кизляра было очень удобным не только для торговли, но и для возделывания винограда, из которого делали винный спирт. Качество Кизлярского виноградного спирта высоко ценилось далеко за пределами Кавказской губернии. «...Сколько известно, то от Кизлярских садов и казацких по станицам разведенных, выходит из Кизляра виноградного спирта и водки больше 3.000 бочек (бочка – 40 ведер – А.Л.) Цена оному не равная бывает так, что в самом Кизляре продают каждое ведро или по 6 или 7, или по 8 рублей.., за сей спирт садоводы могут получить 720.000 рублей.., кроме вина, коего от них так же не малое количество в продажу выходит...»⁹

Вино, в основном, продавалось на ярмарках Кавказской и Астраханской губерний. Вывозили его в Москву и Санкт-Петербург, а также в Ригу и многие другие города. Надо отметить, что виноград возделывался для производства спирта и вина не только в Кизлярских садах, но и в селениях Гребенских и Терско-Семейных казаков.

Кроме спирта и вина, из Кизляра и окрестностей на продажу в другие губернии России вывозили быков, коров, овец и лошадей. Обширные пастбища и умеренный климат предкавказских степей благоприятствовали развитию животноводства в крае. Огромные стада коров и овец перегонялись во внутренние губернии России для продажи. Скот выращивали на продажу как кочующие народы, так и городские и сельские скотоводы.

Несмотря на то, что отсутствуют точные данные о количестве продажи скота, можно предположить, что, судя по количеству кочующих кибиток, в Кавказской губернии, например, предположительно продавалось скота на 700.000 рублей. Это не считая сельских дворов, которых насчитывалось в губернии более 10 тысяч и каждый хозяин мог выставить на продажу по три овцы и по три коровы, и столько же кочующие и горские жители. Овечья шерсть продавалась каждым хозяином по 250-300 копеек за пуд.

Кизлярское купечество развернуло обширную торговлю с горскими народами. Кизляр получал пшеницу, ремесленные изделия от чеченцев, кумыков и кабардинцев. Казаки привозили сюда вина, марену, овощи, фрукты. Из России вывозились холсты, крашенные ткани, зеркала. Также была налажена торговля с Персией, из которой вывозились ткани, ковры и другие товары.

Перевозку товаров, в основном, осуществляли представители кочевых народов. Пристав при кабардинцах, «трухменцах», ногайцах и других магометанских народах Макаров писал в 1802 году в Государственную Коллегию Иностранных дел, что ногайский народ «отправляет на собственных своих волах и лошадях перевозку разных товаров в окрестности г. Кизляра, наибольшую же часть собираемого весьма в знатном количестве виноградного вина и делаемого из того спирта и водок и во внутренние города Российской Империи»¹⁰.

Однако развитию торговли мешали высокие пошлины. Доставляемые из России холст, крашенины и прочие товары продавались без обложения пошлиной только в казачьих городках. В 1765г. Моздокский форпост был перестроен в крепость, которая сыграла большую роль в истории Кавказа. Сюда для торговли стали переселяться из Кизляра армяне и грузины. Вскоре население Моздока достигло таких размеров, что он был переименован в город.

Сфера влияния России расширилась к западу, вверх по Тереку. Колонизационную политику царизма на Северном Кавказе усиливали ее торговые и промышленные интересы. Стремясь задержать разложение крепостнической системы, царизм форсировал развитие феодальных отношений вширь и в то же время оказывал покровительство развитию отечественной промышленности и торговли путем расширения рынков сбыта и освоения источников сырья на окраинах империи.

В XVIII веке активизируется процесс возвращения части горцев (в том числе чеченцев и ингушей) на плоскость. С середины XVIII века особенно интенсивно происходит заселение земель по берегам Сунжи и Терека горцами (чеченцами по Сунже и среднему течению Терека – А.Л.). В 1747 г. жители селения Герменчук просили русские власти разрешить им поселиться на правом берегу Терека, что и было исполнено. В 1778 г. алдинское население перебралось на берега реки Сунжи, а через год чеченцы поселились против Наурской станицы, у Терека. В это же время, а возможно, и раньше, появилось на правом берегу Сунжи до 24 чеченских селений.

Царские власти разрешали горцам селиться напротив казачьих станиц, видимо, полагая, что таким образом легче будет контролировать их. В Указе от 9 мая 1785 года говорится: «2. Полезным признаем Мы исподволь заводить в близости подгорных народов Нам подданных города, для обуздания своевольных и для надежнейшего сохранения внутреннего в них порядка. Мы удостоверены, что в краткое время и сами они ощутят пользу из сего заведения, и найдут собственную их выгоду в причислении их под управление, нами учрежденное, участвуя в оном выбором Судей по званию и состоянию их; но для сего нужно, чтоб они в торге, промыслах и прочих позволенных упражнении имели полезную свободу и чтоб военные и гражданские начальники не стесняли их в том ни под каким видом, но паче всяким благодеянием и помощью их подкрепляли».¹¹

Примыкавшие к Кавказской линии свободные земли заселялись кабардинцами, осетинами, калмыками и русскими людьми. Продолжали развиваться торговые отношения горцев с казаками и русскими переселенцами, а также с жителями внутренних губерний России. Горцы меняли кожу, воск, шерсть, лошадей и прочее на продукты и изделия казаков и русских ремесленников. Черкесы же в те времена не нарушали спокойствия своих соседей, так как их никто не притеснял. «Капканы даже, говорят они (род сети или узла, употребляемый для ловли лисиц), русскими в лесу расставленные, оставались в целости и черкес, пойманный своими собратьями в похищении оного, без наказания никогда не оставался. Они свободно пасли великие свои стада на лугах, находящихся у подошвы гор и простирающихся довольно далеко к нам, и пока мы (представители царской власти – А.Л.) не вмешивались в их дела, они пребывали спокойны».¹²

Властям было выгоднее приобретать продукты сельского хозяйства у горцев, нежели завозить их из внутренних губерний, что обходилось значительно дороже. Для привлечения горцев к торговле на Линии властями еще в 1780 году предпринимались определенные шаги. «...Для приласкания кабардинского народа к Российской стороне велено было построить на Моздокской Линии для произведения мелочными товарами торгу в крепостях Ставропольской, Георгиевской и Моздокской на казенную сумму к поклаже товаров анбалы, а для продажи оных лавки».¹³

Описывая процесс развития городов Северо-Восточного Кавказа, профессор Н.П. Гриценко отмечает, что здесь были развиты многие отрасли сельского хозяйства, которые давали прибавочный продукт, и называет ассортимент товаров на кизлярском рынке: пшеничная мука поступала в Кизляр в основном из России; овса на кизлярском рынке продавалось мало, для лошадей покупали ячмень, который привозили горцы.; мед, воск, сливочное масло, скот для убоя также привозили горцы; российское пшено и горох, свежую капусту продавали

казаки, а сорочинское пшено также привозили горцы; чечевица в Кизляр привозилась «заграничными татарами»; бобы, арбузы, дыни, овощи продавали кизлярские горожане; рыбой и икрой торговали армяне, кумыки и горцы. На кизлярский рынок привозили гусей, индеек и кур. Из России поступали гречневая крупа и постное масло. В городах Кавказской губернии продавали лошадей большими партиями – от трехсот до тысячи и больше голов. Через Кизляр они шли в Россию и Иран.

Скотоводство являлось традиционной отраслью хозяйства горцев. Казаки и русское население, поселившееся на Кавказской линии, также занимались животноводством. Продукты этой отрасли хозяйства находили широкий сбыт на казлярских и других рынках и ярмарках.

В 80-90-ые годы XVIII века сухопутная торговля через Кизляр достигла чуть ли не уровня торговли морским путем. Кизляр играл роль важного транзитного пункта на Северном Кавказе. Одной из доходных статей в торговле с Россией и соседними кавказскими народами у чеченцев и ингушей являлся лес. Чечня была богата строевым лесом. Торговлей лесом занимались в основном жители Брагунов, а также жители вайнахских сел, прилегающих к Тереку, Аргуну и Сунже. Немалый доход приносила вайнахам продажа обручей и бочарных досок, которые доставляли они в Кизляр. Изделия лесной промышленности, сырая нефть, соль, а также изделия кустарных промыслов составляли в конце XVIII века значительную часть рыночных товаров Чечни и Ингушетии.

Большое значение для сближения горских народов с казаками и русским населением со второй половины XVIII века начинает играть крепость Моздок, построенная в 1763 году и ставшая одной из главных крепостей Азово-Моздокской военной линии. Она становится крупным форпостом в центральной части Северного Кавказа, а также важным узловым пунктом, связывавшим юг России с Грузией. Моздок стал играть важную роль в укреплении русской пограничной линии, в развитии связей Кавказа с Россией.¹⁴

Торговля Моздокских купцов, в основном, была сосредоточена в лавках, в которых продавались самые необходимые для сельских и городских жителей товары. Кроме того, каждый год в Моздоке проводилось по три ярмарки, а по воскресеньям каждую неделю сельские жители привозили в Моздок свои товары, «а особливо из хлебов пшеницы, немалое количество продается за умеренную цену. Также и овечья шерсть, годная для ткания сукна, продается по четыре рубля и менее каждый пуд».¹⁵ Развитию экономических связей Грузии с народами Северо-Восточного Кавказа и России способствовала и Военно-Грузинская дорога, которая была проложена в конце XVIII века через Дарьяльское ущелье.

Моздок становится важным транзитным пунктом, через который проезжали купцы из разных городов со своими товарами в Кизляр, Астрахань и другие города, часть этих товаров продавалась в самом Моздоке. По данным Н.П. Гриценко, «только с 12 апреля по 5 мая 1780г. проехало через Моздок примерно 40 купцов и торговых людей из Грузии в Кизляр и Астрахань, в Георгиевскую крепость, Кабарду, Казачьи станицы. Много было купцов из Воронежа, Курска, Солекамска, Новочеркаска, иранских городов. Оживлению торговли способствовали регулярно устраивавшиеся моздокские ярмарки, а также меновые дворы».¹⁶

Шелк-сырец, шелковые и хлопчатобумажные изделия, восточные товары поступали в Моздок из Грузии и направлялись в Кизляр и Астрахань. Осетинский сыр поступал из многих селений Северной Осетии. Из Кабарды пригоняли в Моздок и продавали в другие места лошадей. Оттуда же шли бурки, горские сукна, кошмы, овчины, мерлушки, шкуры диких зверей, мед, воск, арбы и аробные колеса, а также хлеб и хлебопродукты.

Известно, что через Моздок в Россию отправляли скот, туда же поступали ковры, паласы, холодное и огнестрельное оружие. У горцев появляется возможность приобретать русские товары, цены на которые были ниже, чем

на восточные товары. Из России на Северо-Восточный Кавказ поступали в основном товары широкого потребления: холст, хлопчатобумажные ткани и платки, деревянные и окованные железом сундуки, железо, котлы, сковороды, жестяные кувшины, кружки, ковши, иголки, наперстки и другие товары. В то же время с Востока на Кавказ привозили предметы роскоши: золотые и серебряные изделия, драгоценные камни, богато отделанное оружие.

В конце XVIII века в Моздоке уже существовал гостинный двор и около ста торговых лавок, где, в основном, торговали армяне, грузины и разбогатевшие мещане из разных городов России. Постепенно, к концу третьего десятилетия XIX века, Моздок утрачивает свое значение как важного торгового центра на Северо-Восточном Кавказе. Его главным конкурентом становится Ставрополь, а позже – крепость Владикавказ.

Уделяя большое внимание торговле линейных жителей с горцами, царский наместник, князь Цицианов отдает распоряжение: «...в предместьях при крепостях Георгиевской, Константиногорской, Моздокской, Наурской и Кизлярской учредить татарские рынки, где вольно будет им мену на товары с армянами производить или самим заводить, строить и содержать лавки...»¹⁷

С конца XVIII века немаловажную роль в торгово-экономических отношениях с горцами начинает играть Владикавказ. Заложенный в 1784 году как военный пост, в начале XIX века он был преобразован в крепость. Долгое время Владикавказ служил перевалочным пунктом для торговцев, перевозивших свои товары из Российских губерний в Закавказье и обратно сухопутным путем. К середине XIX века Владикавказ постепенно превращается в торговый центр Северо-Восточного Кавказа. В середине 40-х гг. в крепости было одно пивоваренное, два мыловаренных, два свечных и три кожевенных промышленных предприятия.

В города Кавказской губернии завозили в большом количестве товары из других губерний России, а именно, «сукна: Аглинское, Голландское и Русское, ценю первые два от 6 до 10 рублей, а последнее – от 80 до 130 копеек каждый аршин. Бархатов от 5 до 6 рублей аршин. Шляпы разных сортов и доброты ценю от одного до 10 рублей. Сахар, коего пуд продают разными ценами, восходящими от 20 до 40 рублей. Чай разных цен от 350 до 550 копеек каждый фунт бывает. Кофей от 30 до 40 рублей каждый пуд ... золотые, серебряные, и мишурные позументы и сетки, гарнитур, атлас, тафта и разные шелковые, полушелковые и бумажные иностранные, а более русских фабрик материи; разных разборов и цен холст, а изредка иностранное полотно. Посуда медная, чугунная, деревянная, глиняная и стеклянная; стальные, железные и медные разные мелкие вещи; шитые сапоги, башмаки...»¹⁸

В Александровске было более 130 купцов, которые, например, покупали «на Волге в Дубовке деревянные кадки, ведры, ситы, решеты, ковши, чашки, веревки, лыки» и продавали все это сельским жителям. «Мелочными же товарами» торговали армяне, приезжавшие из Кизляра.

«Сельские жители и Черкесы» приезжали в Александровск со своими товарами «каждый понеделник», они продавали в основном продукты сельского хозяйства, крупный и мелкий рогатый скот, «из коих главное бараны продаются, Русской два рубля, а Черкесской 150 копеек, и, шерсть оных продают каждый пуд 280 копеек» и изделия из шерсти. Купеческие лавки были и в казачьих станицах Кавказской линии. Например, в одной из станиц казаков Волжского полка, которая насчитывала 298 домов, имелось 24 лавки.¹⁹

В 20-х годах XIX века с Северо-Восточного Кавказа в центральные губернии России поступали товары: крупный и мелкий рогатый скот, лошади (кавказский скот особенно высоко ценился в Петербурге, Москве и других городах России), кожи буйволиные, воловь, конские, овчины, шерсть овечья и верблюжья, овчинные тулупы, бурки, паласы, ковры, горское сукно и другие изделия.

В XVIII – начале XIX века торговля и товарообмен производились не только в таких крупных городах, как Кизляр, Моздок, позднее – Ставрополь и других, но и в казачьих станицах, некоторых аулах Дагестана и Кабарды, а также в чеченских селениях: Чечен-Аул, Брагуны, Старый Юрт (Девлет-Гирей-Аул), Гудермес и других. В ассортимент товаров, вывозимых горцами из России, входили: бархат, парча, медная и деревянная посуда, ножницы, иглы, булавки, сахар, краски, соль и т. д. На эти товары русские торговцы получали в обмен меха, кожи, овец, лошадей.

Важное место в экспорте горских народов, в том числе и чеченских, занимало текстильное и красильное сырье, а также строительные материалы. Горцы ежегодно продавали на Тереке 20 000 пудов сырой марены, хлопок и пряжу, шелк-сырец, лес, а также мед, воск, пшеницу, просо, нефть. Шелка-сырца еще в первой четверти XIX в. один аул Гехи продавал ежегодно «на тысячи рублей». «В первой трети XIX в. только плотового леса и таркалов чеченцы продавали в Кизляре на сумму 40-50 тысяч рублей серебром ежегодно». Пользуясь тем, что горцы испытывали потребность в товарах, которые ими не производились, царские власти решили снабжать их «нужными вещами» для завоевания своего политического влияния. В конце XVIII века горцам были созданы, на первый взгляд, благоприятные условия для развития торговых связей с Россией. Например, «ингушам, вступившим в подданство России, выдавались открытые листы, в которых командирам пограничных пунктов приказывалось обеспечивать свободный проезд и выезд через границу и «никаких обид и налог ни от кого не чинить и показывать всякое благодеяние, как верноподданым (Е.И.В.)... под опасением в противном случае жесточайшего по воинским регулам штрафа».²⁰

Царская администрация, полагая, что нельзя укреплять позиции России на Кавказе одними военными мероприятиями, с 1760 года начинает обращать особое внимание на развитие экономических связей с Кавказом. В 1765 году правительство отменило пошлины, которые уплачивали кабардинцы и кумыки при покупке товаров и при продаже своих изделий и скота в Кизляре.

Содействуя расширению торговли с Кабардой, русская администрация интересовалась и тем, какие товары можно покупать в Кабарде. Было установлено, что Большая и Малая Кабарда могут продавать мед, воск, просо, ячмень и в большом количестве скот. В соседних с Кабардой чеченских владениях сверх того можно было получать фрукты и пшеницу. У кумыков в Брагунском, Аксайском, Андреевском, Костековском и в других селениях имелись пшеница, ячмень, пшено, сорочинское просо, овощи, а в лезгинских селах, кроме того, были еще виноград, яблоки, груши, сливы, курага; в Карабулаках – мед, воск, скот и пр.

Следует отметить также, что среди народов Северного Кавказа жители некоторых чеченских и ингушских сел были более ущемлены царизмом и даже лишены торговых привилегий. Если на некоторые товары и продукты внутри России и в Кизляре с кабардинцев и кумыков не взималась пошлина при торговле, то с других горцев и, в частности, с чеченцев и ингушей, наоборот, она взималась. Случалось и так, что товары чеченцев и ингушей не доходили до покупателей только из-за карантинного или протекционного запрета со стороны царских властей.

Политика царизма по отношению к отдельным торгующим народам на Северном Кавказе была избирательной. Так, исследователь Ш.Б. Ахмадов проанализировал документы этого периода, из которых видно, что политика царских чиновников здесь проводилась таким образом, что чеченцам явно чинились всевозможные препятствия к проезду для торговли в Кизляре и других городах. Местные владельцы, как, например, Девлет-Гирей Черкасский, были недовольны тем, что горцы ездят для торговли в казачьи станицы и города без их ведома, даже имея на то разрешение кавказской администрации. Однако горцы находили выход и в подобных, казалось бы, безвыходных

ситуациях. Чтобы избежать уплаты таможенных пошлин, чеченцы и ингуши везли свои товары в Кабарду, а оттуда по безопасной стороне реки Терека – в другие районы. Для сопровождения торговых караванов брали надежных проводников, хорошо знавших окружные пути и получавших за это, видимо, соответствующую плату.

Горцы Северо-Восточного Кавказа торговали не только со своими соседями-горцами, линейными казаками и переселенцами-крестьянами, но и с жителями Северо-Западного Кавказа. Однако, с построением новых крепостей и форпостов налаживать торговые отношения становилось все труднее. На торговлю требовалось разрешение царской администрации. От запретов страдали не только горцы, но и ближайшие соседи – линейные казаки. Например, гребенские и терские казаки издавна закупали в Чечне арбы и колеса к ним. Однако высокие пошлины вызывали у них недовольство. Обращение по этому поводу в Военную Коллегию с просьбой об отмене таможенных пошлин было передано в Сенат, который вынес по этому поводу решение, в нем сказано, что «...казакам... деланию арб, а особливо колес, не только время не достает, но и не умеют., однако ж всегда лучше снабдить их такими повозками от казны, нежели для такой малости отменять таможенные установления».²¹

В начале XIX века на Северном Кавказе были официально открыты меновые дворы. Через сеть меновых дворов на Кавказе царская администрация стремилась усилить свое влияние на горцев, в силу жизненной необходимости вынужденных уезжать далеко от места проживания для торговли и обмена товарами. Главная же цель этих учреждений была политическая.

Генерал Тормасов в 1811 году предлагал Кавказскому гражданскому губернатору Малинскому открыть в Науре соляной магазин для отпуска соли чеченцам через владельца Мухаммеда Турлова как преданного царским властям человека. Таким образом, предполагалось держать, если не в повиновении, то под надзором большую часть жителей плоскостной Чечни, так как соль была жизненно необходимым продуктом и горцам приходилось мириться со многими трудностями, чтобы ее получить.

Равнинные чеченцы и ингуши, жившие по рр. Сунжа и Терек, находились в более выгодных торговых условиях, чем горные жители. Они пользовались некоторыми льготами, в то время как горные чеченцы и ингуши были лишены их. В конце XVIII века одним из основных условий развития торговли и роста товарно-денежных отношений в крае было зарождение торговых центров в самой Чечне. Это были крупные селения, например: Чечен-аул, Брагуны, Гудермес, Старый Юрт, Аксай, Эндери и другие.

Развитие торгово-экономических связей привело к возникновению среди горцев своего рода «купцов», живших торговлей с русскими, которые старались регламентировать свои связи с российскими рынками специальными соглашениями.

Подводя итог, можно отметить, что на протяжении XVIII – первой трети XIX века на территории Северного Кавказа и, в частности, на территориях, прилегающих к Кавказской военной линии, происходит дальнейшее укрупнение и расширение торгово-экономических связей с внутренними российскими губерниями и народами Северного Кавказа.

Главными предметами торговли горцев были традиционные товары: бурки, чекмени, башлыки, арбы, колеса, продукты животноводства, земледелия и охоты. Казаки и жители прилинейных городов торговали такими товарами, как: пшено, ткани, предметы домашней утвари, украшения, ножи, булавки и т.д. Российские, восточные и отчасти западноевропейские товары поступали в города и станицы на Кавказской военной линии через Астрахань, Терский город и Дагестан.

С появлением новых городов на Северном Кавказе, таких как крепости Терки, Святой Крест, Кизляр, позже – Моздок, экономические связи горцев с жителями прилинейных территорий, а также с Россией усиливаются.

Определенную роль в развитии торговли на прилегающих к Кавказской военной линии территориях играли сельские торговые центры Чечни и Дагестана: Брагуны, Старый Юрт, Эндери, Аксай, Костек и др.

Экономическому развитию края мешали всевозможные ограничения и запреты царской администрации. Однако, несмотря на все эти препоны, в условиях сложной политической обстановки, которая усугублялась регулярными военными экспедициями в горы, несмотря на ответные вылазки и столкновения горцев с линейными казаками, торгово-экономические отношения на Кавказской военной линии продолжали развиваться. Непосредственными участниками торговых отношений были как горцы, так и казаки и жители прилинейных городов и сел.

Словарь:

Предкавказье – степная зона, расположенная к северу от линии Кубань – Терек.

Крашенина – домотканое грубое полотно, обычно окрашенное в синий цвет. «Заграничные татары» – нерусское население, проживавшее на территории, неподвластной Российской империи.

Кошма – войлок, сваленный из овечьей шерсти.

Мерлушка – шкурка ягненка (в возрасте до 2 недель) грубошерстных пород овец.

¹ Заседателева. Л.Б. Терские казаки. М., 1974. С. 200.

² Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края.

³ ГУ ЦГА Респ. Даг. Ф. 379, оп. 3, д. 250, 16 листов. Л. 8-10

⁴ Броневский С. Новейшие исторические и географические известия о Кавказе. М., 1823. С.213. Цит. По: Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – Середина XIX века. Издательство Ростовского Университета, 1984. С.113.

⁵ Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века. Издательство Ростовского Университета, 1984. С.96.

⁶ Там же. С.102.

⁷ Хозяйственное землеописание Астраханской и Кавказской губерний, составленное по начертанию вольного экономического общества. СПб., 1809. С.432.

⁸ Там же. С. 443, 446-447.

⁹ Там же. С.449-451.

¹⁰ АКАК. Т.2, Тифлис, 1868. С.984-985.

¹¹ ПСЗ РИ, Т.22. С.389, №16194.

¹² АКАК. Т.2. Тифлис, 1868. С.957-958.

¹³ Там же. С.1109-1110.

¹⁴ Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века.

Грозный, 2002. С.168.

¹⁵ Хозяйственное землеописание Астраханской и Кавказской губерний... СПб., 1809. С.469.

¹⁶ Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века. Издательство Ростовского Университета, 1984. С.117-118.

¹⁷ АКАК. Т.2, Тифлис, 1868. С.943.

¹⁸ Хозяйственное землеописание Астраханской и Кавказской губерний... СПб., 1809. С.508-509.

¹⁹ Там же. С.475-476.

²⁰ Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991. С.92.

²¹ ПСЗ РИ. Т.19, 1771г., №13602, С.267-268.

Книжные новинки**Словарный запас**

На обложке название – «Словарь тематический. Русско-чеченский. Для активного изучения слов и закрепления словарного запаса». В самом низу лицевой стороны дается информация по поводу количества тематических слов и оборотов, используемых в данной книге – 9000 слов. В правом верхнем углу обложки – знак издательства «Тер BOOKS». Год издания – 2016-ый. Вот и вся выходная информация по данной книге. Не указаны ни город, где издана книга, ни даже тираж. Но, правда, указан электронный адрес (сайт) издательского дома – www.tpbooks.ru. Если мы перейдем на данный сайт, то обнаружим, что подобно «русско-чеченскому словарю», есть словари и для других языков: русско-эстонский-греческий-французский-чешский-шведский-узбекский и многие другие. И везде автором-составителем данных словарей назван Таранов А.М.

Но, возвращаясь к «нашему» русско-чеченскому словарю, невольно задаешься вопросом: с кем из нашей республики сотрудничал Таранов А.М. (или издательство T&P BOOKS PUBLISHING)? Может, с Академией наук, может, с нашими вузами или с отдельными лингвистами республики? Об этом нигде ничего не сказано.

Вполне возможно, что данный словарь, как, впрочем, и любые подобные издания, не без шерховатостей и изъянов, но очень надеюсь, что он все-таки будет полезен хотя бы для тех, кто изучает язык «с нуля».

Саламбек Айдамиров

.....
К нашим иллюстрациям

Миры Чингисхана Хасаева

Ареал его художественного воображения обширен – это и реальные миры и миры ирреальные: «Засуха» – «Город в атмосфере будущего», «Жатва» – «Экспедиция к марсианскому Олимпу», «Степь» – «Гибель 5-го Рима»... В границах фантастики он реалистичен, в пределах реализма его художественная кисть фантастическим образом передаёт нам все тона и полтона изображаемого действия. Реализм фантастического, как в случае с картиной «Гибель 5-го Рима», основан, как нам кажется, на цикличности времени и пресловутой истине, глаголящей о том, что история повторяется. Картина «Засуха», на первый взгляд, может показаться вполне незатейливой: голая выжженная степь, одинокое высохшее дерево и животные – коровы и овцы, изнывающие от жары. Да, да, еще, конечно, мы обращаем внимание на мастерское исполнение художника всей этой «декорации» с профессиональной точки зрения. Но стоит нам чуть задержаться у картины (а не задержаться невозможно), как перед нами, как в пустыне – мираж, выплывает сюжет этой картины со всей ее смысловой нагрузкой – это тревога за Землю и напоминание человечеству, что он в ответе за тех, кого он приручил.

Все вышеназванные и другие работы Хасаева можно посмотреть в Интернете, ну а в этом номере журнала мы представляем картины, которые условно назовем «зимней серией».

На 1, 2, 3 и 4-ой страницах обложки представлены следующие репродукции: «Зимнее утро в горах», «Одинокий домик в зимней ночи», «Зимний рассвет» и «Школа. Первый снег».

Саламбек Алиев

Сведения об авторах и переводчиках

Муса Бексултанов (1954). Народный писатель Чеченской Республики (2005), С 2007 года – главный редактор детского журнала «Стелалад» («Радуга»). В 1977 г. окончил филологический факультет Чечено-Ингушского университета. Член Союза писателей России. Лауреат премии ленинского комсомола (1988 г.), премии журнала «Вайнах» (2004 г.), премии «Серебряная сова» (2005 г.). Произведения Бексултанова переведены на русский, английский, французский, немецкий языки. Печатается с 1980 г. Автор книг «Мархийн кӀайн гӀаргӀулеш» («Облаков журавли белые», 1985 г.), «Юха кхана а селхана санна» («И завтра, как вчера», 1988 г.), «Наггахьа, сайн сагатделча» («Иногда, когда мне скучно», 2005), «Я хьан тухур буйсанна хьан не!» («И кто постучится ночью в твою дверь», 2005 г.) и др.

Салих Гуртуев – поэт, переводчик. Заслуженный работник культуры Кабардино-Балкарии. Родился в 1938 году в с. Белая Речка под Нальчиком. Окончил филологический факультет Кабардино-Балкарского университета. Автор более 20 книг поэзии и литературных эссе. Заметным вкладом в развитие балкарской литературы явились сборники стихов на родном языке: «Кручи», «Примите в гости», «Чаша бытия», «Нежность души», «Четыре яблоки», «Полдень», «Пройденный путь», «Высокие тени», «Свет звезд», «Вехи века», «Кайсын, каким его я знал» и другие. Он автор переводов на балкарский язык произведений Пушкина, Лермонтова, Мицкевича, Есенина, Маяковского, Тихонова, Айтматова, Евтушенко, Рубцова. Его стихи переведены на польский, сербский, турецкий, венгерский, киргизский, туркменский, грузинский языки. На русском языке в Москве и Нальчике издано шесть сборников.

Роза Орстхо (Мужухоева Размихан Баудиновна) (1939). Родилась в г. Грозном ЧИАССР. В 1958 году окончила среднюю школу в поселке Чулак-тау Джамбульской области. Работала в СШ №57 Грозного, в Чечено-Ингушском филиале НИИ национальных школ МП РСФСР научным сотрудником (1971-1978 гг.), в Министерстве просвещения ЧИАССР, в книжном издательстве. Автор учебников, методических пособий, которые посвящены проблемам обучения русскому языку учащихся начальных национальных школ республики. В 2009 году книга рассказов Розы Орстхо «Дети униженного детства (Маленькие истории моей жизни в большой истории жизни моего народа)» издана Архивным управлением Правительства Чеченской Республики.

Хава Гагаева. Окончила среднюю школу в с. Ванавара Красноярского края РФ, Чеченский государственный колледж искусств, отделение инструментального исполнительства (фортепьяно). Пишет стихи (с пятнадцати лет), музыку. Работает в Чеченской государственной филармонии. Участница семинаров молодых писателей и поэтов республик Северного Кавказа: V-го (Махачкала, 2012), VI-го (Грозный, 2013) и др., Всероссийского форума молодых писателей России, стран СНГ и дальнего зарубежья в подмосковных Липках (2013).

Руслан Хадчукаев (1982). Родился в г. Гудермесе Чечено-Ингушской АССР. Окончил университет в городе Ярославле (физический факультет, 2005), там же закончил аспирантуру. С 2011 года работает в ЧГУ старшим преподавателем на кафедре теоретической физики. Стихи пишет несколько лет, участвовал в поэтическом конкурсе «Логорифмы», проводившемся при Ярославском университете. Иногда публикует стихи на страницах своего ЖЖ в Интернете. В журнале «Вайнах» публикуется с 2014 года (№ 5).

Адиз Кусаев (1938). Родился в с. Шуани Ножай-Юртовского района ЧИАССР. Окончил Ростовский госуниверситет (факультет журналистики). В поэзии и журналистике с 1957 года. Издал сборники стихов, поэм и переводов: «Характер», «Дороги», «Необходимость», «Горный сокол», «Единство», «Весенний край». Выпустил книги художественной и документальной публицистики: «Писатели Чечни» (I и II книги), «Чечня: годы и люди», «Говорит и показывает Грозный», «История чеченского радио и телевидения» и другие. Пишет на чеченском и русском языках.

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и в редакции
журнала. Стоимость полугодовой подписки через редакцию- 330 руб.